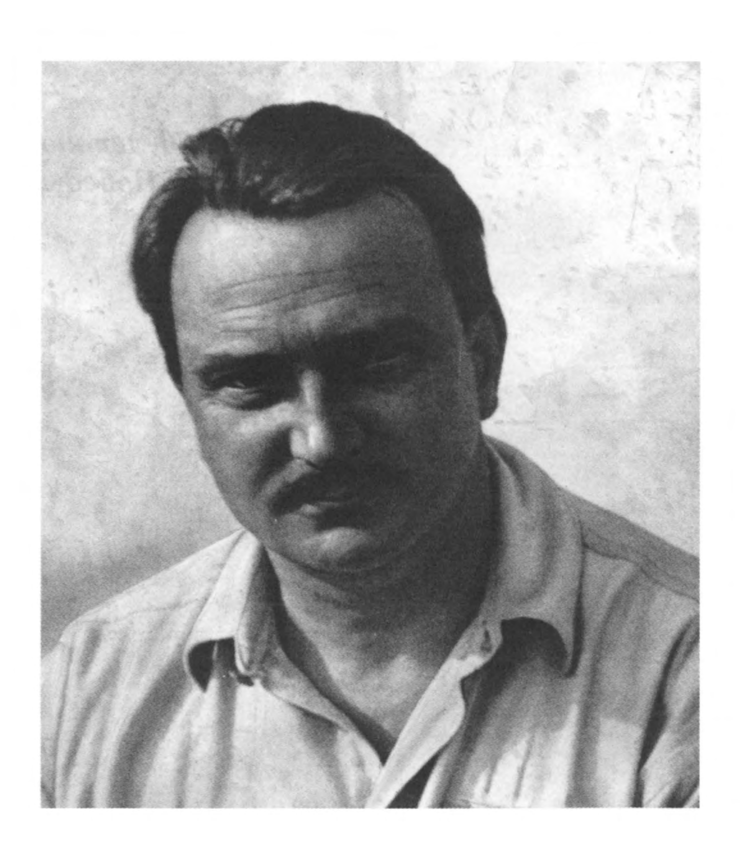
«В прошлой жизни идут в счет лишь напряженные, волнующие мгновения, вот почему единственно в них и через них поддается она верному описанию».

ВИТАЛИЙ БИАНКИ

ЛИХОЛЕТЬЕ

ВИТАЛИЙ БИАНКИ
ЛИХОЛЕТЬЕ

*Посвящается 60-летию
Великой Победы*

Виталий Бианки

ЛИХОЛЕТЬЕ

(22.VI.41–21.V.42)

Русско-Балтийский информационный центр
«БЛИЦ»
Санкт-Петербург
2005

ББК 84Р6
Б59

Издание выпущено при поддержке Комитета по печати и взаимодействию со средствами массовой информации Санкт-Петербурга

Б59 **Виталий Бианки**
Лихолетье: Дневники, воспоминания, письма. — СПб.: Издательство «Русско-Балтийский информационный центр "БЛИЦ"», 2005. — 192 с.

Книга содержит дневниковые записи и переписку В. В. Бианки с родственниками, друзьями, знакомыми в период с 22 июня 1941 по 21 мая 1942 гг. Застигнутая войной, этот первый год семья Бианки прожила в д. Михеево. В письмах и дневниках, издающихся впервые, достоверно отразились мысли и настроения, быт и лишения военного времени в восприятии разных людей. Ценность дневниковых записей В. Бианки определяется не только талантом автора, показывающим реальное лицо войны и ужасы блокады, но и тем, что они миновали военную цензуру.

ISBN 5-86789-158-5

I

ЛИХОЛЕТЬЕ

(22.VI.41–21.V.42)

Начало войны 1941–1945 годов и ее окончание – два рубежа даже для тех, чья жизнь после объявления войны еще долго текла в прежнем русле и еще дольше не могла в него вернуться после ее окончания. И все-таки — это вполне определенные рубежи, что важно для моей цели: опубликовать дневниковые записи, документы, переписку, ограниченные временными рамками, из архива Виталия Валентиновича Бианки, моего отца.

Для Новгородского альманаха – только первый военный год, только до 20 мая — дня нашей эвакуации на Урал. Свидетельства разные, подобранные последовательно по датам написания.

Эпиграфом могла бы служить цитата из записной книжки отца:

> *«В прожитой жизни идут в счет лишь напряженные, волнующие мгновения, вот почему единственно в них и через них поддается она верному описанию».*

Военное время предоставило таких моментов больше, чем надо.

Письма – их много, очень много – от родственников, друзей, просто знакомых, из издательств и прочие. Пришлось жестко отбирать. Но каждое письмо – свидетельство времени, пусть прошедшее неизбежную военную цензуру, с вымаранными строками, пусть каждый пишущий по разным причинам что-то недоговаривал, — все же письма свидетельствуют достовернее, чем позднейшие воспоминания.

Боязнь в переездах потерять друг друга, необходимость вниманием поддержать в трудное время, заставляли писать и писать письма. Это становилось чуть ли не главным делом дня. А письма на фронт! Будто несли они в себе какую-то охранную силу. Кстати, один из друзей Виталия Валентиновича писал ему с фронта, что верил: в день получения его письма с ним ничего не случится. Ну, а то, что полученные письма влияли на отца и всех нас, его семью, говорить не приходится. А письма ожидаемые, но так и не полученные...

Итак, мы жили тогда на востоке Новгородской области, в Мошенском районе, который по административному делению тех лет относился к Ленинградской области. Весной 1941 года Бианки и его друг писатель Иван Сергеевич Соколов-Микитов, как и в предыдущие годы, выехали с семьями в излюбленное местечко Новгородчины. Жили в непритязательных условиях в небольших деревеньках в километре друг от друга. Кругом были поля, леса, озерки, река и... тишина. Нашим отцам-писателям там хорошо работалось, а в охотничье время они пропадали в лесу с ружьями и собаками.

В предвоенные годы отцом было много написано и, как он сам отметил, — «кажется в полную силу». Появились рассказы лирические и с философским подтекстом. Было задумано и много нового, начата «Книга великих открытий, или Сто радостей» — о приобщении городских детей к природе. Кстати сказать, к этой цели Бианки стремился всем творчеством и всю жизнь.

В первое время война не внесла изменений в жизнь наших семей. По возрасту и по состоянию здоровья отец и Иван Сергеевич не были призваны на военную службу. Молодежи призывного возраста не было. Но с каждым днем жизнь становилась труднее...

Вернемся к началу. В дневнике отца выделено крупными буквами:

«22.VI – ПЕРЕЛОМ ЭПОХИ: в 12 час. Слушали речь Молотова о вторжении Германских войск». — (*запись подчеркнута красным карандашом*). *И дальше*: «Во всех окрестных деревнях о войне узнали от нас: ни в Яковищ[ском] с/совете, ни даже в Мошенском радио не действует (не в исправности, задолженность — не чинят).

С первых же дней в письмах заботы настоящего дня и тревога за будущее. Письмо В. В. другу Григорию Павловичу Гроденскому.

23.VI–41 г. Михеево.

Родной!

Утром мы слушали речь Молотова по радио; вечером получили твое письмо. Оно опоздало ровно на одну историческую эпоху. А какие славные вести в нем были: еще чуть-чуть, и Вы с Нерейкой прикатили бы сюда! М-да!..

Все свои силы мобилизуй, чтобы, все же, добраться сюда. Анне Яковлевне, надеюсь, удалось уже доехать в Боровичи? Если так – чудесно. Пусть там и останется.

Если нет возможности Вам с Нерейкой добраться через Хвойную, м. б. сумеете добраться через Боровичи?

У меня только что были художники Кукс и Кобелев. Они доехали до Кончанского в автобусе, а оттуда шутя дошли пешечком. За Вами я вышлю подводу. Поверь, дорогой: мудрость жизни сейчас в том, чтобы дети собрались в Михееве, имели бы сеть и ружье для прокорма и огород; крышу над головой. Спеши, дитя!

Если мне — старику — придется воевать, я умру спокойно, зная, что тут моим близким не грозит ни тяжелый град с неба, ни голодная смерть.

Если (в чем сомневаюсь) будет возможность, захвати наши теплые вещи и продукты. Шубы, валенки.

Еще просьба: сам позвони или сходи — или попроси кого-нибудь (Рысса, Воеводина, Бармина и т. д.) сходить к Ник. Григ. Лесохину — редактору «Глобуса» — и настоять, чтобы немедленно был переведен гонорар за «Ваську Шайтана» — сюда, в Михеево. Если нельзя все сразу, пусть частями переведут. Мы тут сидим без денег. Понимаешь, чем это пахнет? Штука серьезная, и меры надо принять сразу.

Вот. А больше писать нечего: и так все ясно. Приезжай. А если не сразу выберешься, — пиши, пиши, пиши. Крепко тебя целую и Анну Яковлевну тоже.

Твой Вит.

Из Ленинграда от Г. П. Гроденского.

23.VI–41 г.

Дорогие мои!

То, что непрерывно ждали, случилось все-таки неожиданно!

Планы, конечно, рухнули. Хорошо, что вы все в деревне и не вздумайте сюда носа показывать. Сидите там, а мы вас будем информировать о всех делах. Не впадайте в паническое настроение — оптимизм мой (может сейчас он идиотский) не покидает меня и я думаю, что пройдя может быть через многое, мы опять будем вместе бодры и здоровы.

Сейчас ничего писать не могу и не буду.

Выезд и въезд воспрещен.

Школу нашу сегодня превращают в лазарет.

Мама вчера (!!) уехала в Боровичи. И это был последний поезд.

Буду писать как можно чаще.

Радуйтесь деревне, солнцу, воздуху — и не давайте душе своей наполняться тенями и грустью.

Обнимаю всех и целую горячо и крепко.

Ваш Гриша.

Из Ленинграда от Г. П. Гроденского.

24.VI–41 г.

Дорогой Виталий!

Не очень верю в аккуратность почтовых сообщений, поэтому, послав вчера записку, шлю еще и сегодня.

В городе как-то сегодня все успокоилось и вошло в обычные, почти обычные рамки. Только первый и второй дни было возбуждение, ералаш и кое-где прокатилась паника, но текущие дела, сила которых огромна, все привели в норму. И печать войны и положения видишь и чувствуешь уже между прочим: кое-где, особенно около вокзалов, аэродрома, заводов, стекла домов заклеены белыми полосками, на открытых полянах в некоторых скверах роют траншейки; школы превращаются в лазареты; двигаются мобилизованные, непрерывно гудят автомобили; в кино — антифашистские картины, непрерывно летят аэропланы — но все это уже за два дня успело стать привычным и город опять как будто спокоен. Конечно, волею событий жизнь настроена на новую волну и многое сразу потеряло вес и цену, ритм же изменился только чуть-чуть — люди быстро обвыкли. Повседневное сильнее всего и, впитав кой-какой элемент войны в себя и сделав его составной частью своей повседневности, как масло успокоило взволновавшуюся поверхность. Слухи, конечно, — обычный спутник таких событий, — но вы, сидя вдали от города,

не очень им доверяйте, думаю, что у вас там слухов окажется больше, чем у нас.

Еще мало кого видел из общих знакомых — поэтому информировать тебя смогу только об очень немногих.

1) На днях появится в продаже «Оранжевое горлышко» — для вас у меня будет экземпляров 5.

2) О Браун-Гербо и Альманахе узнаю завтра-послезавтра.

3) Выставка Тырсы открылась, но почти сразу же закрылась, я не успел даже побывать на ней.

4) В Союзе (детск. секция) прошли перевыборы бюро (переизбран почти весь старый состав).

5) Был доклад о реорганизации Детиздата — смысл доклада: «мы знаем, что мы ничего пока не знаем»!

6) У Рысса готово тебе письмо, которое он, видимо, уже тебе послал.

7) Александр Гавр. тоже обещает тебе написать. Правда, я ни того, ни другого после объявления войны не видел.

8) Звонила мне Надежда Николаевна (сестра Веры Ник. — *Ел. Б.*), сообщила, что она мобилизована и отправлена в госпиталь в г. Пушкин.

9) Три тетради записей гнездовых у меня, как будет возможность, — перешлю.

Прости за ограниченность, случайность и разнокалиберность сообщений. Пиши, — что и где тебе узнать.

Пока я ничего не делаю. Мобилизация до меня пока не дошла (следующий год мой), думаю, что все время просидеть так не смогу, — куда-нибудь себя устрою. Ждет вызова Ник. Иванович. Пока его не тронули. Он тебе, впрочем, сам будет писать.

Пиши, пожалуйста. Привет Вере Николаевне, Ноне, Талюше, Валюше, Карабоже, Полуденному и Полуночному озеркам, Альпам и всему Михеевскому миру.

Г.

Из Ленинграда от Нины Мих. Павловой.

25.VI–41 г.

Дорогой Виталий Валентинович, только что собралась отвечать на Ваше письмо, как вдруг это ужасное известие, и все ответы стали бессмысленными. Остался только один вопрос.

Распустилась сирень. Ее у нас в деревне – у каждого дома. И кажется никогда еще она не цвела так роскошно, как сейчас. Но нынче ни одному парню не пришло в голову перемахнуть через канаву к ограде и дерзко сломать себе цветущую ветку. Ни одна детская ручонка не протянулась сквозь щели изгороди, чтобы отщипнуть верхушку самой низкой кисти.

И от деревни до самого Павловска не встретишь ни одного мальчишку с пыльным веником сирени, которым он только что от скуки подметал дорогу, а теперь предлагает купить: «За три рубля, ну за рубль, ну за полтинник».

Нынче даже самые скупые хозяйки не поглядывают жадными глазами на разукрашенные ветки, прикидывая в уме сколько выйдет лиловых и белых букетов и раздумывая, как их лучше продать: в розницу у вокзала или оптом перекупщикам. Ночью в палисадниках не слышно ни треска, ни шепота, ни яростного лая собак, ни ругани разгневанных хозяев.

Сирень нынче никого не тревожит, но никого и не радует. И цветет-то она будто нарочно. Как нарочно

выросла такая густая, высокая трава. Она шепчет лживые слова: «Посмотри, как все кругом красиво и уютно. И как спокойна и безопасна жизнь: я каждого скрою и каждого спасу».

Простите меня за такое чисто ботаническое письмо. Всего, всего Вам хорошего. Горячий привет всей семье.

Ваша Н. Павлова.

Письмо из Ленинграда к В. В. Бианки от писателя А. Г. Бармина.

26 июня 41 г.

Письмо твое, Вит. Вал., получил вчера вечером. Сегодня с утра был на совещании в Ленфильме. Режиссеры требуют короткометражных сценариев на военные темы. Ничего не мог предложить. Рита Райт — молодец, дала готовый сценарий, с Гестапо, с «Интернационалом» в апофеозе. Уже снимается три короткометражки на тему парашютистов-диверсантов. Теперь нужны о бомбах замедленного действия, о танкистах, о связистах. Главное: изобрести сюжет. При всей моей глубочайшей ненависти к фашизму, не могу изобрести экспромтом.

В третьем часу попал в Детиздат. Извлек Лесохина с совещания и с ним отправился к Древицкому. При мне Древицкий выполнил все формальности и... оказалось, что аванс равен и даже превышает «причитающегося» за «Шайтана» суммы. Переводить нечего. Развил красноречие, на какое способен. Древицкий продиктовал Лесохину резолюцию на документах: «До приезда Бианки не высчитывать из гонорара аванс по “Климатам”. Ладно. Но Древицкий продолжает считать дальше: аванс на 1,5 листа, а рукопись 0,7 л. За весь очерк 940 р., за вычетом... и т. д. — получить 155 р. Деньги будут пе-

реведены почтой завтра, 27 июня. Между прочим, по-теперешнему, это крупная сумма. Со сберкнижки можно взять 200 р. в месяц, гонорар литераторам выплачивается через сберкассу, так что материальный уровень литераторов приблизительно одинаков. У тебя еще есть рыба, раки, дичь — могут служить дополнительными ресурсами. У ленинградцев сетей и неводов нету. Мои средства — два рубля с мелочью. Звонил проф. Данилевскому, призанять для тебя (я тебе должен) у него 84 р. до следующего месяца.

Эти справки сообщаю, чтобы ты знал на что рассчитывать. Но не думай, что такие мелочи, как заминка с деньгами, сколько-нибудь влияют на настроения литераторов. Подъем всеобщий, ни слухов, ни очередей. Немногие уехали с воинскими частями, большинство работает здесь...

В Союзе никаких заседаний. Негде заседать. В Ленфильме заседание начали почти без опоздания, говорили кратко, без обид, без красования. Внутренняя сторона работы, к сожалению, не так быстро изменяется, как внешняя. Изобретений сюжетных не научились делать быстро и кстати.

Мирошниченко, Беляев, Ник. Григорьев, Князев, Кратт и другие говорили больше о материале, о темах, чем о новеллистических сюжетах. А срок для предоставления сценариев — три дня. Видел в Ленфильме и Союзе Зощенку, Германа, Слонимского, Груздева, Никитина, Воеводина, Рысса, Далецкого — пока никуда не едут.

Привет Вере Николаевне и всем твоим. Ивану Сергеевичу жму руку. Всего доброго.

А.

Из Ленинграда от художника Николая Андреевича Тырсы.

(Без даты, вероятно, конец июня. – *Ел. Б.*).

Дорогой Виталий Валентинович!

Спасибо за письмо. Вместе с Вами я огорчен, что открытие выставки прошло без Вас. Открытие было сердечное, многолюдное. Все обещало хорошее продолжение и надо же было всему рухнуть через неделю. Ввиду позднего открытия выставки, в «мертвом сезоне», мне было музеем обещано, что закрытие произойдет только осенью, когда все съедутся, можно будет устроить обсуждение и т. д. И вот – война.

Теперь мне нужна победа во что бы то ни стало, как личное торжество, как возможность снова открыться и настоять на своем. Подумать только, что все как нарочно поперек выставки. Минская картинная галерея приезжала, чтобы сделать приобретения; выбрали, уговорились, а что дальше, Вы знаете. Русский музей и Третьяковка тоже сделали свои заявки. Все эти огорчения превращают событие в личное дело. Поэтому я загружаюсь всем, что поперек Гитлеру и огорчаюсь, что все это недостаточно эффективно.

Находит ли Ноника время, чтобы писать? Советуйте ей найти это время. Пусть заботится в работе к максимальной простоте, о напряженности и чистоте цвета. Попутно пусть рисует и работает акварелью. Необходимо настроить свое зрение так, чтобы все могло стать материалом для живописи, чтобы не стало неинтересных, в этом смысле, вещей.

Сдал я Детиздату «Где раки зимуют», но и на этот раз остаюсь в неуверенности, что книга будет скоро сделана. Ведь «Лесные домишки» до сих пор в состоянии

замороженном, а последние разговоры в Детгизе внушают опасение, что руководство, — директор и прочие, — считают детские книги делом ненужным, пока что. Жалко мне «Лесных домишек» — книга цветная, нарядная, можно было бы сделать ее отлично. Я считаю все это делом нарочитого вредительства производственной части при попустительстве дирекции — вялой, незаинтересованной, бессильной.

По-видимому, Вы всей семьей прочно застряли в ваших лесах? Да и лучше. Хотя нас здесь пока и мало беспокоят, но, однако ж, при случае это может быть очень мало приятно, в особенности имея в виду детей.

Если не собираетесь скоро вернуться — пришлите на всякий случай записку относительно Вашей квартиры, может будет случай временно устроить туда кого-нибудь для сохранности.

Привет и пожелание всего лучшего всей Вашей семье.

Н. Тырса.

Из дневника Вит. Бианки.

29.VI — сдал радиоприемник РПК-9, № 9994, на почту — по распоряжению властей — «на временное хранение государству». Сняты все частные радиоприемники и теперь во всем с/совете нет радио (в школе тоже снято, в самом с/совете не действует).

Вит. Бианки — Г. П. Гроденскому в Ленинград.

28.VI–41 г.

(В письме от 28.VI Виталий Валентинович подробно рассказывает о придуманных им настольных играх и продолжает. — *Ел. Б.*): Если эти игры-трилогия («Следопыт», «Зоркий глаз», «Разведчик») не будут у меня

куплены «на корню» что называется, я не стану и времени тратить на их разработку. Игры, как сам видишь, просты до гениальности и гениальны до простоты, чрезвычайно увлекательные и «познавательные»... Я не могу приехать, а деньги надо добывать срочно, — однако при таком способе «запродажи» оч. и оч. легко сесть в глубокую галошу: просто мне откажут, а выдумку мою возьмут себе (вместе с деньгами и славой).

...Вот, друг, помоги, — проверни это дельце. Если Полиграфическая фабрика [адрес, телефон, имена директора и ответствен. редактора] еще печатают игры, то они будут дураки, если за мою идею не ухватятся; если ухватятся, — деньги на бочку... Не забудь, что Белышеву за одну идею <u>одной</u> игры дали (москвичи) 8000 р. Кстати, не лучше ли сначала одну мою игру («Следопыта») предложить... Ну, действуй как находишь лучше.

В. Б.

29. VI–41 г. Михеево. Утро.

Оказывается, я все еще не кончил письма тебе.

Сейчас своими руками снял свой радиоприемник и отправил его с «почтовой тройкой» (из одной клячи) в Яковищи.

Но вот что сказал мне Андрей Гаврилыч (наш зав. Почтамтом): чтобы я написал в Ленинград или Москву — и тогда, м. б., мне разрешат радио.

Сумлеваюсь чтоб.

Все же надо разузнать, как с этим делом.

Если Бюро Детск. Секции на самом деле еще существует, повидай кого-нибудь из членов и справься, не могут ли они чего для меня сделать?

Обстановка такая:

О речи Молотова 22-го с/м. не только наш с/совет, но и весь Мошенской р-н узнал благодаря моему радио, — ибо ни один другой радиоприемник во всем районе не действовал. Тут с такими «хитрыми» механизмами не умеют обращаться, и они тут катастрофически портятся через несколько дней.

До вчерашнего дня включительно мы с В. Н. вставали в 7 час. утра, записывали сводку Информбюро и потом отправляли ее в с/совет.

Известно что такое деревня: отправили своих некрутов — и поползли слухи, один другого страшней и нелепее. Вчера болтали уже, что «немец подходит к Москве».

Во всем с/совете я единственный человек, который может успешно бороться с такими слухами. Ко мне приходят. Я даю им слушать последние известия по радио, затем подвожу к карте, объясняю: что, где и т. д. Сельсоветчики — «свой брат», у них тоже мрак в голове; им колхознички не очень-то верят. А я — «человек образованный», «письмоводитель», и т. как живу здесь уже 7 лет, все кругом знают, что я не диверсант, не тайный агент какой-нибудь, а человек русский, испытанный, которому верить можно.

И вот меня лишают радио — самого быстрого и надежного информатора моего. (Газета приходит через 2–3 дня, а часто теперь и совсем не приходит). Гасят последний свет во тьме.

И зачем? Все равно кроме Лен-да и Москвы по моему приемнику (РКП-9) ничего слушать нельзя: «решетки» заглушают все станции другие.

Так вот, м. б., Союз найдет возможным ходатайствовать, чтобы мне вернули радиоприемник?

И. С. Соколов-Микитов и В. В. Бианки с Мартиком. (1940–1941 гг.)

Никаких офиц. заявлений насчет «вернутия» радио я подавать не хочу. Прошу тебя, справься только, законно ли у меня взяли аппарат и нельзя ли чего сделать? Тебе скоро придется отказаться от всех своих дел, чтобы выполнять мои поручения, — и ты меня возненавидишь.

Все мои тебя целуют и я тоже. *Твой Вит.*

Сейчас пришел Ив. Серг. и рассказал, как ночью в Морозове их обворовали (мука, масло и пр.). Начинаются прелести! Эх, пустил бы я заряд дроби вору по ногам, — пока не отобрали еще ружьишка!

Вит. Бианки — Гр. Павл. Гроденскому.

30.VI–41 г.

Милый!

Получай сводку Михеевского Информ-бюро.

(В начале письма отец рассказывает Григ. Павл. о том же, что записал в дневнике: о медведе, о том, что мы пололи посаженный лес, о предстоящей мобилизации на колхозные работы, о радиоприемнике. — *Ел. Б.*) Глухота

настала полная: газеты приходят на третий день... если вообще приходят. Сводки в Яковищи ежедневно посылали мы. С нелепыми слухами и прочими суевериями здесь могу бороться я один: подведешь, бывало, к радио, дашь послушать Москву, покажешь на карте — где что.

А сегодня уже тут шепчут: «Москва взята, берут Ленинград. Завтра будут под Удинкой: там, на фабрике, уже окопы роют». Видал – миндал?

Ив. Серг-ча тут взяли на воинский учет и он остается. Все хоть не один.

Из Ленинграда письма доходят хорошо: на третий день. Помни, что теперь мы только письмами и информируемся.

Нарывы у меня в ухе все продолжаются; больно; соображаю плохо.

Ал. Гавр. пишет, что при нем за «Ваську-Шайтана» перевели мне вместо 1500 р. – ...155 р. Написал большое письмо Колесню. А сидит ли он еще там, — не знаю.

1.VII – Да, июль... Вчера дошел до Ив. Серг. – так и ахнул! Красота, лепота какая! А и взглянуть некогда. Вот пытка.

Дурак я: ведь про радио я тебе в прошлом письме рассказывал. Это все мое ухо: болит, мешает думать, туманит память. Там нарывы один за другим.

Сегодня или завтра прибудут сюда ребята (до 14 лет), эвакуир. из Ленинграда. 800 человек на наш с/совет (300 «дымов»), 20000 человек – на район. И с ними учителя. Мы прыгать: вот бы и Гриша приехал так!

Ив. Серг. обворовали – всю крупу, все масло. «А ля хер, – как говорится, – ком а ля хер».

Сводку последнюю мы слышали в 6 ч. утра 29.VI.

Серьезнейшими вопросами для нас остаются: 1) поселение кого-нибудь в квартиру, 2) доставка сюда вещей и 3) деньги. Эх, если бы игры мои продать! Ведь хорошие игрушки, а? и актуальные — всем в них надо сейчас играть! Понятия не имею, чем ты сейчас занят? Роешь? Строишь?

...Мои тебя целуют (они опять в лесу — полят), Ив. Серг. кланяется. Он пудами ловит рыбу. Будь жив.

Твой Вит.

От Гр. Пав. Гроденского из Ленинграда.

30–2/ VI–VII–41 г.

Дорогой Виталий! Дорогие вы мои — дни так нагнетаются событиями, треволнениями, слухами, — так многое задевает живую кожу, что несколько дней кажутся неделями, и ко многому за эти дни, будто за годы привыкаешь, теряя остроту восприятия происходящего.

Прости, что начну не с дел, а просто с разговоров вообще.

Вероятно, я представляю из себя сейчас тип крайнего, наивного оптимиста, внешне и внутренне отбиваюсь от пессимистических слухов, от немых сводок, от мрачных разговоров, от черных прогнозов, от начинающих лезть из многих щелей невеселых фактов. Но все-таки отбиваюсь. Очень многое раздражает, но и от этого я отбиваюсь. А ведь еще ничего собственно мы в Ленинграде не испытали, ведь главное впереди — главное страшное. Я не хочу этому верить, но оно — это страшное — будет, должно быть. Только где-то совсем в малюсеньком уголке все-таки теплится надежда, — а может быть и не будет.

Хожу по улицам, смотрю как засыпают песком памятники, как некоторые из них зарывают в песок, в глубокие ямы и думаю: «Неужели эти дома, этот город, вот это здание можно уничтожить?» — а здравый и злой смысл происходящего отвечает: «Ты можешь себе этого не представлять, бояться этого, но оно обязательно будет — это очень холодное и бессмысленное уничтожение». И тут же думаешь о себе: «Ну и дурень же ты наивный!»

А к этому невеселому прибавляются и мысли о людях — моих учениках, которые на фронте или которые еще уходят на фронт и забегают проститься. Теперь каждый пункт сводок связан с каким-нибудь бывшим моим питомцем, — я знаю их мечты, надежды, чаяния, — а многие ли из них вернутся живыми из войны? Живыми и неискалеченными?

Со дня на день ждет повестки Николай Иванович. Уходит добровольцем Андрей. Ушли еще ряд знакомых и близких. И тут же рядом видишь, как подлецы и мерзавцы ухитряются скользить между событиями без ущерба для своей совести, тела и кармана.

Спешно эвакуируем детей — и вот меня уже дважды назначали на эвакуацию вместе с ребятами нашего района, — но я пока отказываюсь — хотя (вот совпадение) наш район эвакуируют в Боровичи! и в Мошенской район! Отказываюсь потому, что ну не могу, понимаешь, внутренне воротит от того, что вокруг этого дела мерзавцы греют руки, устраивают себя, спасая шкуры. Ряд наших педагогов (партийцы!!) ухитряются пристроить всех своих родственников и, спасая и свою шкуру, ухитряются подзаработать на этом деле. Утром сегодня дал согласие поехать начальником базы, но

днем резко поругавшись, отказался. Просто не могу. Если поеду, то в последнюю очередь.

Могу еще рассказать трагикомический случай. В городе несколько дней держался психоз ловли шпионов и диверсантов, — была (и есть) в этом большая доля необходимости. Но это именно перешло все границы, — видят все и всех, кто хоть чем-то кажется подозрительным. Видел несколько лиц, которых бы и я отвел. Но среди диверсантов оказался... и я! В Удельном (около) поймали несколько человек, я в этот момент бродил там по переулкам, бесцельно шатаясь. На это обратили внимание — были и другие неопровержимые доказательства: очки, костюм, записная книжка, которую я изредка вытаскивал. У Круглого пруда меня остановила группа, молча окружила меня и, видимо, ждала сигнала. Несколько минут кольцо толпы разглядывало меня так, что у меня холодок по хребтине прошел. Я почувствовал как может произойти самосуд; вероятно, в следующую секунду они бы схватили меня, но все разрядил возглас проходившей старой женщины, которую хорошо знал по этому району и которая хорошо знала меня, она поняла в чем дело.

Весь день я ходил со странным ощущением неловкости и холодка. Везет мне!

Ну, ладно. Теперь о делах.

Встретил Рысса. Сей «ловкий еврей устроился» (его слова), сказал, что он тебе послал письмо.

Выезд и въезд не совсем запрещены, но мы возвращены временно из отпуска, и потому самовольно выехать не можем.

Позвонил на днях мне Анат. Вал. и сказал, что он вынужден сдать твой радиоприемник согласно прика-

зу, который ты, вероятно, прочтешь в «Лен. Правде». Он помогал Лидии Львовне уезжать — она эвакуировалась с детьми вместе со школой.

Неожиданно получил вчера извещение от М. Н. Скаткина, что «несмотря ни на что, Ваша статья о Бианки будет помещена в одном из номеров журнала “Нач. Школа” в течение текущего года».

Только что еще раз позвонил Анат. Вал. Завтра приемник придется сдать (на хранение до окончания войны), об остальном он напишет сам.

С квартирой и вещами (теплыми) очень трудно. С вещами еще есть некоторая надежда — если даже не самому привезти, то поймать случай и передать главное с несколькими оказиями в Боровичи. А с квартирой, пожалуй, невозможно устроить — вряд ли найдутся лица такие, которые бы смогли поселиться временно и платить — момент неподходящий. Многие сейчас бросают квартиры и бегут. Но все-таки поговорю.

Разговаривал по телефону с Куксом, — он все передал как надо, извиняется, что сам тебе об этом не сообщил. Никак не могу добиться Лесохина, завтра буду в «Глобусе» и все узнаю.

Пока писалось это письмо, получил еще от тебя (от 28/ VI).

Адрес мамы следующий: г. Боровичи, Лен. обл., ул. 1-го мая, д. 26. А. Л. Каплан для А. Я. Иоселевич. Кстати, ежели ты напишешь пару слов, очень ее обрадуешь, подбодришь.

О посылке багажом завтра и послезавтра буду узнавать. Проект игр присылай: Браун-Гербо отыщу и поговорю... Пока об Альманахе разговора не может быть — будут печатать только «стрелковые» вещи, может оты-

щешь в себе такую тему? Подумай! Еще одно советую — это по части того, что делать дальше. Не вспомнить ли тебе (и Вере Ник.) о делах педагогических. Вокруг вас несомненно будут с осени работать школы — там будут, может быть, эвакуированные ребята — не влезть ли тебе в эту шкуру-педагога? Не предложить ли тебе Мошенскому РОНО себя в услуги (отнюдь не безвозмездно!). Как ты на это смотришь?

В Ленинграде начинается паника, некоторые тишину этих дней считают зловещей, — убеждены, что город разбомбят, — и вот уже многие решают бежать, благо начали понемногу на вокзале продавать билеты. Свободно достать уже невозможно, такая масса устремилась в отъезд. Отправляют уже некоторые заводы.

Атмосферка!

Звонил только что Андрей. У него завтра, видимо, комиссия — и на днях, видимо, отправят.

Привет всем вам.

Любящий всех вас бесконечно

Гриша.

На днях напишу следующее информационное сообщение вашего корреспондента.

От редактора журнала «Дружные ребята».

5.VII–41 г. Москва.

Дорогой Виталий Валентинович!

Все возможно, что это письмо будет последним к Вам. Со дня на день жду вызова. Записался в ополчение — невыносимо в такое время сидеть и пачкать бумагу, стыдно.

Несмотря на всю мою гуманность и тихую лиричность, обуяла меня жажда крови. Откуда-то взялось

дикое озлобление против сволочей-гитлеровцев. Хочется стрелять, не стрелять, а рвать, кромсать тупым ножом! Мечтаю попасть прямо на фронт. Что выйдет, — не знаю. Может быть, что и не пустят никуда, прикажут продолжать изводить чернила (ведь и это необходимо) — тогда сообщу.

Пока не прощаюсь. Не поминайте лихом. Привет всем Вашим.

Володя Елагин.

Из дневника Вит. Бианки.

12.VII — Днем приехал участковый милиционер Смирнов из Устреки, отобрал все ружья и припасы.

Шольберг, верный друг мой, Шольберг! Прощай.

Вит. Бианки — Г. П. Гроденскому в Ленинград.

14.VII–41 г. Михеево.

Родной мой!

Потерю моего Шольберга (12.VII — и навсегда, конечно) я ощутил совершенно, как потерю самого близкого человека. Одна и была у меня вещь любимая и необходимая. Теперь мне все трын-трава: пусть пропадет городская квартира со всеми вещами! Сделали на днях предложение Толе и тете Кате: соединиться в одну квартиру (нашу), переехать им к нам. Если не согласятся, я и о взносе квартплаты перестану думать: нельзя же сейчас деньги кидать — на то, чем все равно не пользуешься и чего завтра лишишься. Если переедут, внесу за июль из тех денег, что ты прислал. Сегодня уже перевели из них тете Груше и за страховку жизни. (А будут ли ее страховать в такое-то время? Я бы за свою жизнь сейчас и сам копейки бы не дал).

Не знаю, что за деньги (250 р.) это ты мне перевел. Могу сказать одно только: спасибо, друг! Надеюсь, что это какой-то аванс у Браун-Гербо за игру, взятый тобою на свое имя, — и я сумею быстро его отработать. С большим нетерпением жду твоего письма, обещанного в переводе («Подробности в письме»).

Знаешь ли ты, что Котошка подал заявление о желании идти добровольцем? А Гавр. и Бор. Ал-др. Шат[илов] уже с 4.VII — в ополчении.

Обязательно купите Астматолу три коробки и пришлите с Лидией Ив. Найдете в аптеках.

25.VII–41 г.

Ты что же, мать твою бабушка родила! — совсем за идиота меня считаешь?

Что я не знаю что ли, какой бывает гонорар в журналах?

Текст моей вещицы для «Работн. и Крестьянки» ростом с открытку, а ты меня хочешь уверить, что получил за него 250 р.! «Мою долю (за целую статью!) я удержал, — тебе посылаю твое».

Нет, милый, не обманешь! Немедленно вышли документ, по которому получил столь Алексейтолстовский гонорар за мой гениальный рассказишко. Действительный свой гонорар себе оставлю, а остальное верну тебе. Если не пришлешь бумажки, — верну всю сумму. Кстати: грозные мои письма подействовали, и Лендетиздат обещает мне дослать противозаконно удержанные деньги из гонорара за «Ваську Шайтана». Правда, только 60% (остальное «по подписании к печати», — т. е. никогда). Все же, значит, я должен получить на днях (прислали «соглашение», я подписал и сегодня отсылаю им) рублей около двухсот. А это теперь — сумма, и

я могу восстановить уже истраченные деньги из твоих 250-ти. Тронул ты нас с В. Н. этим бессовестным жульством до слез. Но все равно: не пройдет.

Из Ленинграда от Екатерины Ивановны Бианки.

15.VII–41 г.

Родные наши! Сегодня читала т. Груше твое, Вера, письмо. Позвонила Кириллу, — он явился сразу же, и мы с ним принялись за выполнение твоего поручения о книгах. Бандероли сегодня упакуем (и он и мы) и завтра отправим. Комплекты собрали — завтра созвонится Толя с Ел. Ал. — когда ей привезти. Кирилла могут сегодня уже призвать — есть признаки, — тогда Муся с братом возьмут. Провозились мы с ними с книгами и

Анатолий Валентинович Бианки с женой Екатериной Ивановной и дочерью Нереей. (Фото 1942 г.)

пришлось торопиться по другим делам, да и тяжелые комплекты-то! Сразу не унесешь. Ну, это так. А вот как отнестись к тому, что вчера к т. Груше пришла Валент. Ив. Фетисова и сказала: имейте в виду, что эта комната за мной (столовая). Если придут занимать, — вызовите меня по телефону. Как это понимать? Т. Груша в волнении, а мы совсем не знаем с какой целью это говорится.

Если Кир. не призовут, то около 20-го он обещал достать 200 руб. на уплату за Вашу кв-ру — это была бы некоторая гарантия против вселения, которое уже началось кое-где. Мы сидим без гроша и за свою кв. нечем заплатить. Завтра придет Гр. П. — пообсудим, нельзя ли как-нибудь из Литфонда получить хоть бумажку какую-нибудь, хотя на всякие бумажки сейчас не смотрят. Хотим на всякий случай сосредоточить книги и одежду в комнате у т. Груши. С этой целью я и пошла к Вам сегодня — да отвлеклась поручением о книгах. Так что ни сундука, ни шкафа не трогала, ни комода. Полагаю, что в этих хранилищах все носильное. Толя советует их выпотрошить, а вид жилой комнаты не нарушать. Вите приезжать не советуем, а Вере, м. б. и стоит. Сейчас ее выпустили бы, конечно, без багажа, но что будет завтра — никто не знает. Да и что ты, Вера, смогла бы сделать без физич. помощи? А условия езды в поездах жуткие, да и бомбочки попадают иной раз.

Нера живет пока в Гавриловом Яме — это под Ярославлем, еще не утряслись, но там тоже воен. полож. и затемнение!

Адрес: п/о Гаврилов Ям, Ярославской обл. Н.С.Ш. № 2. Лагерь Литфонда, Н. Б-ки.

Ну, целую крепко. Живем часами и минутами. Очень жарко, душно, несмотря на грозы вчера и сегодня. Хлеб

есть — остальное что и есть — нелегко доставать. Будьте благополучны.

т. Катя.

P.S. Ни в коем случае ни Вите, ни Вере, никому вообще приезжать не советую. Вите необход. съездить в ближ. село в больницу или в Хвойную, чтобы показать ухо врачу. Живем сегодняшним днем, даже часом. Крепко целую. Будьте благополучны. Спишитесь с Нерой, но не зовите в Михеево. Бандероль постараюсь послать, когда будут деньги.

Анатолий.

Из Ленинграда от бывшего нашего управдома.

15.VII–41 г.

Дорогая Вера Николаевна, спешу Вам ответить на Вашу последнюю открытку. Я теперь не ведаю хозяйством, я 10/IV заболел и слег в кровать, я очень был сильно болен, почти без надежды на выздоровление, сейчас перешел на инвалидность 1 гр. и не работаю, очень слаб и малокровие. Я был в счетной конторе и там Ваш лицевой счет по-старому. Во всяком случае, без суда занять комнату никто не может, а если бы и подселили бы и подали бы в суд на комнату, без ответственного съемщика разбирать не будут. Я недавно, т. е. недели 1½ тому получил от Надежды Николаевны Вашу записочку. Я и моя семья пока в Ленинграде, а сейчас, кажется, прекращают эвакуацию, придется переживать, очень нервничаем, больно враг злой.

Поклон Виталию Валентиновичу. Будьте здоровы.

Ув. Вас А. Н.

Из дневника Вит. Бианки.

16.VII — Коська Лебедев (пред. нашего колхоза) косил на лугу (где лис прошел перед Ник. Анат. и Ив. Серг.) и вдруг увидел нечто, сброшенное на парашюте. Сам побоялся тронуть, позвал нас с Ив. Сер-чем. (Накануне где-то за облаками гудели самолеты). Оказалось — шар-пилот: лопнувший резиновый баллон и под ним резиновый мешочек с мелким песком — для балласта. Всего и дела!

17.VII — Утром ходил в Сивцево. Я читал эвакоребятам «Сто радостей», а В. (Вера Николаевна. — *Ел. Б.*) в это время остригла 11 голов.

Г. П. Гроденский — В. В. Бианки.

21.VII–41 г.

Дорогой мой!

Сунул вчера Лид. Ив. пакет, в котором не знаю то ли что вам нужно упаковано. Ек. Ив. выбрала то, что оказалось под рукой — так как список вещей я получил за пару часов до ее отъезда, а твою открытку уже после ее отъезда. Очень, конечно, жаль, что так плохо использовали мы эту возможность. Будем надеяться, что оказия повторится, и до осени вы получите все необходимое. Сейчас, когда пишу, солнце лезет в мое окно. Проносятся стрижи над крышей. На дворе ребячий крик и стук молотков. Визжит где-то там за углом дома трамвай. Все как будто хорошо и идиллически мирно. Но все время ждешь пронзительного звука сирены — потом пауза — потом глухие звуки зениток. Правда, к этому привыкли и реагируют по-деловому, без паники и легкомыслия.

Сегодня почему-то и на душе спокойно. Ушли на какие-то короткие часы — тревога, волнение, страх и

думаешь только: ну почему ты торчишь в городе? В этакий тихий вечер как хорошо на Каробоже, на волейбольной площадке Михеевского «стадиона», в лесу – вообще где-то так далеко от духоты каменных улиц, специфического шума города.

Заглянул в прошлогодние свои записи. Оказывается в эти дни как раз бродили мы на Ямном. А вот в эти часы перебирались на островок к сараям на ночевку. Впрочем, это сейчас кажется бесконечно далеким. Да и у вас тоже, вероятно, ни тишины, ни покоя – и прошлогоднее кажется и вам далеким.

Вот сейчас и покой на душе и в голове, но зыбкость этой временной тишины несомненна. Телефонный разговор, принесенные откуда-нибудь слухи, газетные страницы – и все легко нарушается.

Дни мои заполняются мешаниной дел. В школе (которой нет) выясняем сейчас, кто останется и будет учиться. К 1/IX должны нам сообщить, кто из нас останется работать, а кому искать броду через тихую реку педагогики. Заботят всякие дела людей (и учеников, и знакомых), которые волею обстоятельств попадают во всякие затруднения – бегаю и утешаюсь тем, что хоть другим кому-нибудь могу помочь, – а то совсем скис бы от неопределенности собственного положения. Вчера виделся с Андреем, – носил ему папиросы, а то он, несчастный, обучаясь минометному делу, сидит без курева. Настроение у него хорошее, когда отправят, – не ведает. Вам всем многократно кланяется, он послал вам письмо накануне встречи со мной. Звонил мне Юрчик Б., – он со своими студентами на сельхозработах зарабатывает монету.

Надежда Николаевна Клюжева — сестра Веры Николаевны Бианки. Врач. Всю войну работала в госпитале в Ленинграде.

22/VII.

Только что от Ек. Ив. У нее маленький переполох был. Анат. Вал. внезапно назначили на эвакуацию. Пару ночей она в спешке увязывала и запаковывала вещи и вдруг сегодня, когда был назначен день отъезда — ему эвакуацию отменили. Вещи все уже готовы к отправке — и еще неизвестно, не будет ли повторен приказ им отправляться. Бедные они — устали и совершенно впустую.

Переведена в Ленинград Надежда Николаевна. Она была вчера у Ек.Ив. Обещает взять шефство над Тетей Грушей и квартирой — пока будет в городе. Если получит деньги, внесет за вашу квартиру.

Ну, вот и все дополнительные новости. За частые письма — спасибо. За то, что маме написал, особое тебе спасибо.

Выписываю адрес Кости, который был на конверте. Я письмо из конверта вытащил, а не знаю, — был ли там адрес.

Ну, привет вам, родные мои, всем. Целую вас и желаю бодрости и хорошего настроения.

Гр.

А Женя Шварц с Зощенкой написали комедию-обозрение «Под липами Берлина» — скоро пойдет в театре «Комедии».

Из дневника Вит. Бианки.

22.VII – Эти дни мы пололи «культуры» (саженые сосенки) у Як. Мих. и убирали сено... Крошечные – см 2–3 – сосенки очень смешные и трогательные: на тоненькой красной ножке вихор толстых зеленых волос (Рисунок. – *Ел. Б.*) Они посажены в лунках на метр одна от другой. В противоположность елочкам они оч. светолюбивы, и надо из лунки выполоть все другие растения, чтобы не забили их, не отняли солнышко. Особенно бороться приходится с длинными хищными «усами» щупальцами костяники (меньше – земляники). Вообще необычайно буйная это лето трава (как и вся растительность), стеной обступает лесные лунки и кидает на них тень. Там, где много надо полоть, я ложился; где мало, – там мне трудно: ложиться нет смысла, ежеминутно нагибаться тяжело.

Очень приятно ворошить сено, собирать разбросанное сначала в «валы», потом в «кучки» (сажень высотой). Кучки укладывали на сани (сено по лугу всегда на санях перевозят), уминали, подвозили к стогу. В. подгребала – чтобы удобней захватывать вилами на очень длинной «ручке» (называется – ратовище), которыми мечут сено на стог в три движения: раз – подхватывают, вонзая его в большой клок сена, два – уперев нижний конец ратовища в землю, поднимают сено вверх и три – заносят его на стог. Анат. Ник. аккуратно укладывает подаваемые порции сена вокруг длиннейшего врытого в землю шеста и ногами уминает его, сама все выше и выше поднимаясь от земли. Но вот стог кончился заостренным куполом. Антонина Никитишна высоко над нами. Ей надо слезть. Яков Михайлович отвязы-

В. В. Бианки с Яковом Михайловичем Кругловым, хозяином дома, где мы жили с 1935 года.

вает вожжи, один конец забрасывают ей на стог, другой крепко держит, наклонно уперевшись обеими ногами в землю. Ан. Ник., перебирая веревку руками, скользит по гладкому сену с другой стороны стога на землю.

Сейчас сижу у себя. Жарко, даже душно. В открытое окно залетают мухи и — точно в восторге от солнца — покружатся в потоке его света и с веселым жужжанием мчатся опять в окно. Залетела крапивница — быстро, быстро деловито трепыхая крылышками, дала кругов 20 (все уменьшающихся) в комнате, хотела вылететь, — но стукнулась в стекло. Пришлось помочь ей найти выход.

Чистые, спокойные небеса сияют так, что моим глазам больно смотреть.

И это война!

Ежедневно даже тут пролетают неизвестно чьи самолеты — так высоко, что их даже не видно. А сегодня ночью был налет 300-т германских аэропланов на Москву, воздушный бой длился пять часов (!), причинены

большие разрушения, — передало, говорят, радио на фабричке Удиной?

Завтра-послезавтра во всей деревне останемся только мы да домохозяйки (гл. образом — старухи) с малолетними: всех с 14-ти лет угоняют куда-то (под Боровичи?) недели на две-три (?) рыть окопы.

24.VII — На «земработы» (под Боровичи) послали от нашего колхоза только 8 человек. Нас с Ив. Серг. по распоряжению Мошенского райисполкома оставили.

27.VII — в пятом часу утра ушел от нас Вяч. Давид. Левитте, оставив на наше попечение трехлетнюю дочурку Юлю до своего возвращения из Ленинграда. Восьмилетний сын его Юрик остался с детдомом под самыми Боровичами.

31.VII — Приехал Юра (8 лет) и привез записку от Вяч. Давыдовича. В. Д. только 30-го выехал из Боровичей в Ленинград.

Из дневника Вит. Бианки (продолжение).

7. VIII.

Всюду беда и утраты,
Что тебя ждет впереди?

Сидел в своем «кабинете», работал. К ужину близко. Пришел Валюшка, спрашивает, дома ли Мартик. Нету. «Говорят, он в колодце у байни». Пошел. Только горбушка спины наружу. Как попал, захлебнулся, — никто не знает. В., Нон. и Таль были рядом, почти на взлобке клевер убирали, В. еще на стогу стояла, высоко. Мартик кругом бегал, на пташек лаял. Никто и не заметил как он исчез, замолчал. Горько, как над человеком поплакали. В.: «Так и отрывают все любимое от сердца. Ни одной собаки так не любила, как Мартика».

Да, песик был чудесный. Золотой характер. Ласковый, веселый, вежливый песик.

Кто-то разобрал колодец, сруб над землей: дескать высоко ведро тянуть. И не предупредили. Очень просто могла бы ввалиться туда и маленькая Юля. Когда я сообщил нашим о гибели песика, Талюшка побледнел и Ноника отвернулась... Замечательно держал себя Валюшка — маленький мужчина. Насупился, побледнел. Не плакал. И только когда разрыдалась над трупиком В., быстро повернулся, ушел в кусты, сердито сопя носом. И обязательно пожелал помочь, принять участие в похоронах. Вырыл я заступом яму неглубокую на восточном склоне Журавьей горки: чтобы видно было из наших окон... На могилку мы положили белые горючие камешки.

Спи, дружок, песик милый!

Кто знает — м. б. и мы скоро последуем за тобой в сырую землю.

9.VIII — Барометр много дней падал, и вот — завалило небо, дождь; стало холодно. Ветер, ветер, дождь, холод.

14.VIII — Первый Валюшкин заработок: дергал лен с колхозными ребятами и, как все они, получил 40 коп. (плата для поощрения). Отдал матери: «Теперь каждый день будет прибавляться, так и накопится»...

От Г. П. Гроденского из Ленинграда.

14.VIII.

Дорогие мои все!

Отсутствие мое в городе и молчание посему продолжилось на больший срок, чем я думал. Только вчера ночью — после 15 дней — удалось вырваться на пару

суток. Завтра опять возвращаюсь к бивуачному быту, который для меня уготован военным командованием и которому, кстати, я был бесконечно рад. Место оказалось чудесным на Оредеже и чем-то, вероятно, просто птицами, речонкой, травой, лесом, всем ароматом лета и деревни, напомнило мне Михеево. Трижды в день залезал в воду и наслаждался, вероятно, как настоящий утенок Тим. Объедаюсь ягодами всех мастей и цен. Лопал огурцы до того, что приводил в трепет ближайший медпункт. Но желудок мой геройски выдерживал все рискованные комбинации, включая и те, которыми нас кормили там и которые напомнили мне «добрые» месяцы 1939 г. За первые же 7 дней сделался мастером лопаты и заслуженным носителем мозолей, после чего деятельность моя несколько изменилась. В нашей группе РОНО (800 чл.) мы решили выпускать веселую стенгазету — что с помощью ребят я сделал. После чего военное командование сняло меня с песка и посадило (не бойтесь!) делать газеты для всей трассы. Этим я и занимался следующие 7 дней, сидя в штабе, слушая все, что мне не полагается, вплоть до Штрауса и итальянских певцов и прочего радиотного удовольствия, коего был лишен месяца полтора. На днях был командирован в город для связи с «Ленправдой» — посему и получил возможность на сие послание.

В городе грусть одиночества, — ни одной дружественной души — и очередное волнение о знакомых и незнакомых семьях по поводу эвакуаций матерей с детьми (очень хорошо, что нет вас тут), по поводу возможной эвакуации стариков, по поводу приближения темных ночей.

Полная неопределенность с делами учебными. В последние дни было более или менее твердое решение о работе школ, но эвакуация меняет дело, так как начальных классов не будет, а что останется от старших — неведомо. Все же меня закрепили за школой и, видимо, я буду где-то провозглашать всякие биологические истины, если будет где провозглашать.

Из города я уеду к себе на окопки с удовольствием, там хоть и ближе к фронту, хоть и всякие неприятные птички летают и риск есть, что на шляпу что-то упадет, все же там меньше городских треволнений, меньше панических слухов, нет радиорупоров, не воют сирены. Там легче защищаться от нападения пессимистов, легче быть оптимистом. Там, вероятно, пробудем до 25 августа.

Очень меня беспокоят Боровичи и три старика мои. В город маму брать нельзя, в деревню ей не добраться, да и бессмысленное это дело, а она там бесконечно волнуется. Думаю о том, чтобы переправить к брату (он в Грозном), но брат шлет не очень веселые письма, во всяком случае, в Боровичах безопаснее.

Никак не удается хоть бы на пару дней удрать в Боровичи, чтобы на месте решить, как быть. Видимо, придется все это предоставить естественному ходу вещей, надеясь на благополучное разрешение.

Вчера звонила Екат. Ив. — у них неопределенность с эвакуацией, хорошие письма от Нерешки и как будто никаких новостей.

Вчера видел Котошу — он там же, и я через него устраивал двух наших учительниц на временную работу на эвакопункте (чтобы избавить их от непосильных для них окопных работ), он благоденствует, ни слова о вас, об Андрее. Ну, его впрочем.

Ни до Бармина, ни до Рысса не мог дозвониться — не знаю, здесь ли они.

Смотрел вчера в «Комедии» политическое обозрение Зощенко и Шварца — «Под липами Берлина». Вот странно — от соединения двух умных людей родилось создание со всеми признаками родительской глупости. Выжатые 3–4 остроты, 2–3 остроумных положения, а за остальное как-то даже неловко.

Передай, пожалуйста, Ивану Сергеевичу привет от меня, а главное — от Вл. Воронина, которого я сегодня встретил. Он, вероятно, эвакуируется (из-за ребят) в Сибирь.

Спасибо Ноне за открыточку, напишу ей отдельно. Приходится кончать — надо бежать по делам всяким. Целую крепко вас всех. Пишите. Привет.

(Гроденский).

От Г. П. Гроденского из Ленинграда.

19.VIII–41 г.

Дорогой Виталий!

Спасибо за чудесное письмо, за то, что ты его написал мне, за то, что оно пришло вот сейчас!

Но ответить тебе даже хоть приблизительно таким же не могу. Все как-то взбаламучено во мне, взвинчено до предела. Хочется кричать и материться от бешенства и негодования, от злости по поводу того, что происходит. Но это бессмысленно, потому надо заниматься своими делами.

Совершенно неожиданно вчера утром приехала мама. Я понимаю, что иначе она сделать ничего не могла, — в годы революции вот так же она растеряла всех нас, — и теперь она испугалась, что потеряет меня, — с приключениями добралась до города, чтобы собрать вместе мысли.

Как дальше — неизвестно!

События в эти дни идут слишком быстро, чтобы можно было предугадать, как сложатся наши обстоятельства.

Через пару дней, я думаю, все будет ясно, и тогда напишу подробнее. Пока же (на трудработы мне уже не нужно было возвращаться), буду, видимо, подготовляться к школьным занятиям, — что пока имеет больше условный характер, чем фактический.

Привет всем вам от мамы. Целую крепко.

Г.

А жить можно до бесконечности, пока не ушла из головы последняя мысль.

Г.

Из дневника Вит. Бианки.

20.VIII — Т. ездил по речке с дорожкой (блесной). Принес 6,5 фунтов рыбы — окуней и щурят. Дорожка у него коротка, потому берет некрупная рыба.

21.VIII — День рождения В. отпраздновали всей семьей дома. Были Сок.-Мик. и Левитте.

24.VIII — Вечером уехал, наконец, Левитте с ребятами. Надоели они всем нам страшно!

25.VIII — Т. и Бредька полдня искали по деревне передки — жерди возить. Нашли только одни. Собрать всю сбрую — целое событие. Две телеги на всю деревню, четыре — на колхоз. Бредька распевает:

Говорят, в колхозе плохо,
А в колхозе хорошо:
До обеда ищем дровни,
А с обеда — колесо!

Екат. Иван. Бианки пишет из Лен-да в Михеево.

25.VIII–41 г.

Родные мои, получили Ваши письма. Вероятно, Левитэ уже у Вас и Вам не придется краснеть за то, что ребят его отдали в детдом. Как не сказать, что Вы там видите все со своей колокольни и не очень представляете, что и как тут. Из Ваших последних поручений ничего не могу исполнить, так как вчера увезли наш багаж, а завтра должны и мы двинуться. М. б. уедем, а м. б. и нет. М. б. доедем, а м. б. и нет... С дороги напишу, конечно. Нет ни у Толи, ни у меня никаких документов, какие тебе нужны, Витя. О телеф. не беспокойся, сейчас неплатеж в порядке вещей. Оч. хотела бы я сидеть на месте, — но отказ от приказа — влечет увольнение, а как тогда мы будем? Надеюсь, что скоро соединимся с Нерой — это единственный плюс отъезда. А впрочем, есть и еще некоторые. Гр. П. постараюсь позвонить сегодня. Тетя Груша провожала сама Левитэ на вокзал, — он должен был ехать с пересадкой в Вишере — возможно, что и не доехал — бывают такие случаи теперь — птички-то не зря летают.

Алеша в каждом письме шлет поцелуи тебе, Витя. Конечно, можно ему писать: Алупка, до востреб. — Он-то будет очень рад.

Вера, каюсь: реквизнула у тебя желтые рейтузы и пару бот черных из кухон. сундука — уж прости.

Целую всех крепко, — будьте благополучны. М. б. еще увидимся и м. б. скоро.

Т. Катя.

Из дневника Вит. Бианки.

27.VIII – Неожиданно (после большого перерыва почты) открытка из Л-да от Гриши.

28.VIII – Открытка от Т. Кати: их уезжают из Ленинграда.

29.VIII – Еще более неожиданно – перевод из Москвы (из «Дружных») на 380 р. Ай-да Володя Елагин! Вечером на дне рождения у Лидии Ив-ны. Стол яств. Сладчайшее «безэ» Аленушки.

Вернулись Вера Маланьина и Маня Русакова «с окопов».

30.VIII – пришел Як. Мих. из Заделья, рассказал, что там какой-то шофер застрелил Заливая (пес уже недели две, как удрал в Заделье). Ни за что, ни про что.

От Г. П. Гроденского.

29.VIII–30.VIII.

Дорогой мой – бесценный!

Что ж это такое? – письмо как будто пешком шло от тебя – 15 дней!! За это время я тебе успел отправить три послания (16–19–22), не очень, кажись, они были веселые и полные, но все-таки чаще, чем от тебя, – а я уж беспокоиться начал. Зато сегодня день у меня радостный и радужный независимо от всего окружающего.

Во-первых, утром письма от тебя и Поршнякова (за время войны первое), днем – от Андрейки (Андрея Меженного. – *Ел. Б.*) – тоже первое после отправки. Во-вторых, трудясь на окопах, занялся газетными делами, сначала стен-, а потом и печат-газетными – отсюда полез в репортаж и подвизаюсь репортажными статьями на страницах «Ленингр. Правды. На оборонной стройке». Сегодня как раз был в редакции, получил № с на-

печатанным материалом, сдал другой в набор для ближайшего номера и начал делать для третьего. Газетная работа интересна темпом и необходимостью в малое вместить многое. Плохо, что редакторы обычно русскому языку отдаленные родственники и научить ничему не могут. Уж одно то, что мои заметки-очерки идут без поправок, заставляет боязливо смотреть на редакторов и на собственное «производство», но газетную школу пройти полезно. Кроме того, это все-таки поддержка оказалась в туманной денежной перспективе, так как сегодня же узнал — за сей репортаж гонорар обещают.

В-третьих, — телефонные разговоры сегодня: с С. М. Пресс, которая шлет вам всем горячий привет, жива, здорова и с 1 сент. безработная! — вот и пытаюсь устроить ее в одну из наших школ библиотекарем — шансы, увы, совсем малые. Досадно, если не удастся для нее что-нибудь сделать. Смешно предположить, что такие люди могут оказаться безработными, но сейчас это не смешно, а обычно.

Звонила неожиданно Меркульиха (первый раз за время войны) и даже спрашивала — не сделаю ли я что-нибудь для радио. А я сразу про тебя подумал, — не сделаешь ли ты что-нибудь им, пока жив детский отдел? Написал бы ты им! Насчет газет боюсь тебе предлагать — а ведь ты и для районных мог бы сделать много полезного. Хорошо бы втравить тебя в газетное дело!

Вечером зашел Юрчик-Бурчик, тоже шибко вам кланяется, тебе он писал и еще завтра собирается писать. Все время он работал, то в колхозе, то собирал сфагнум. Вот интересно — оказывается сфагнум великолепное обеззараживающее средство, особенно от бактерий столбняка. И сейчас сухой сфагнум идет в индивиду-

альных пакетах вместо йода и ваты, — американцы это уже давно делают. Студентам, которые занимаются этим делом (т. е. Юрику) платят 5 р. в день за сбор! Не займетесь ли?

Школьные дела наши все еще туманны, — наша школа существовать будет (то ли в своем здании — госпиталь уехал, то ли в одном из корпусов Политехнического института), занятия могут начаться 15, могут — позже. Что будет с нами — не ведомо. Ждем военной повестки, либо «приглашения» в ополчение, не исключено, что я на днях опять пойду копать. В общем ждем и надеемся.

Не сердись, что о делах еще ни слова, — придется их перенести на завтра, потому что у Левитте и Тети Кати буду завтра и все узнаю. Так что дела переносятся на 4-ю страницу.

31.VIII, ночь.

Дела и прочее выливаются в кучу сообщений. Во-первых, Левитте уже у вас! (Надеюсь, это так?) — был я у него на квартире и еще узнал,.. а впрочем, вам уже лучше знать (т. е. исполнились ли ваши вещевые надежды). У Тети Кати должен был быть сегодня, но не попал ввиду неожиданных дел, выскочивших сегодня: школу нашу внезапно закрыли и, кажется, совсем (госпиталь не уехал — вернулся), где быть нам — неведомо, утром полечу выяснять, хотя утром должен был бы ехать на окопы на Славянку. Внезапно позвонил Николай Иван. (Бойцов. — *Ел. Б.*) — удалось на ½ часа свидеться — был у него — он на курсах строевых командиров. Позвонила С. М. Пресс, — как будто ей удается устроиться в соседней (от нее) школе. (Кстати, у нее гостил Желобовский, кот. в восторге от «Оранж.

Горлышка»). Думаю, что письмо это дойдет до вас, — успеет дойти. А вообще кучи дел не получилось. Постараюсь, если в этом будет смысл, продолжить письмо на днях.

Привет от мамы. До свидания (очень было бы хорошо!) — обнимаю всех и целую крепко.

(Гроденский).

Литературное обозрение и дневник Вит. Бианки как письмо Г. П. Гроденскому.

1.

31.VIII–41 г.

Друг дорогой и желанный!

27.VIII — получил твою открытку от 22-го и вчера — письмо от 19-го — с матерками.

Не знаю, за какое мое письмо ты благодаришь меня: я писал их тебе много. И готов их писать тебе ежедневно, если они тебя сколько-нибудь развлекают и отвлекают. О, если б они обладали чудесной силой давать людям радость и отдых в такое время! Но не те в них слова, а на настоящие — огнедышащие — нет ни смелости, ни сил.

Теперь не тот я стал,
Себя не узнаю...

(Ария Годунова)

Но не один я: все не те. Время причиной, — не только старость. Что ж, разве выход — Андрей?

Я хочу домой, а домой не пускают. Я хочу домой — и сесть к роялю. Музыка — самое глубинное из искусств, — всегда была для меня святыней. Я всю жизнь не мог решиться заглянуть дальше преддверья этого храма. И вот пл*а*чу теперь. Счастлив тот музыкант, который под грохот снарядов сочиняет «Шепот цветов».

Шепот цветов! Да: «Вечер благоуханный». Цветы.

Вот он удел желанный
Всех, кто в пути устали.
Ветер благоуханный пью
Пью я сухими устами,
Ветер благоуханный.

Не знаю, сколько дней удастся еще прожить здесь. Немного, конечно. И начались дожди. Но до последней минуты — до черной смерти — хочу благословлять и славословить синий свод небес.

В ушах звенит мелодия из «Трубадура»:

О не страши-ися
Лю-у-той ка-а-зни:
Мы возврати-имся
В родные го-о-ры.

В родные леса: отец мой лес, мать — земля. Я хочу домой, к отцу и матери. Я хочу домой, а меня не пускают. Но скоро пустят.

Странно: всякий имеет право выбирать себе жизнь по вкусу, но никто не имеет права выбирать себе смерть по вкусу.

Я бы хотел умереть не так, как сейчас умирают люди, миллионы людей.

...Давно, усталый раб,
Замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов
И чистых нег.
Когда б оставили меня
На воле, как бы резво я
Пустился в темный лес!

(Пушкин)

2.

1.IX — А вчера вечером пришло твое первое письмо после возвращения в Ленинград — от 14.VIII. Таким образом вести до нас теперь доходят в обратном хронологическом порядке: от 22-го, потом от 19-го, потом от 14-го. Эдак скоро узнаем о наступлении мирного времени: придет от тебя письмо, что ты кончил экзаменовать и на днях собираешься к нам в деревню отдыхать.

А спроси: хотел бы я, чтобы время повернуло вспять, — и жизнь вошла бы в прежнюю норму? Представь: я отвечу «Нет!» Слишком далеко зашли события; пусть все будет по-новому. Мир должен очиститься кровью, чтобы начать жить так, как обещают Рузвельт и Черчилль в своей водоплавающей декларации: без войн, на свободных морях и землях, вдыхая запах фиалок. Наше поколение погрузилось в кровавую ванну; так пусть хоть наши внуки (а м. б. даже дети) поживут спокойно. После Наполеоновского нашествия в России расцвел Пушкин, расцвели Гоголь, Лев Толстой, Фет.

Теперь, когда весь мир раскололся на два полушария, кровь долго будет заливать всю Землю; зато и последующий мирный период должен быть более продолжительным, и цветы должны расцвести гигантские. Не так важно, что мы с тобой их не увидим, — что нам с тобой не суждено насладиться их ароматом, а суждено вдыхать зловонье трупов. Не так это важно... для кого?

Меня по-прежнему больше всего мучит моя полная неспособность что-либо делать иное: пишу да пишу! Точнее — пишу да рву. Бросил писать о наших мужичках (...невозможно!!). Теперь непреодолимо тянет писать... вальсы «Шепот цветов»! — или, что то же, «Сказки Алтая». Одна уже написана и, говорят, хорошо.

Начинаю вторую. Первая предназначена для журнала «Наша страна».<...>

Писать и только писать в такое время, значит — быть тунеядцем, чьей-то содержанкой. Мои все работают в колхозе, даже Малыга. А я...

Впрочем, на днях сверх всякого ожидания, пришло рублей 300 из «Дружных» за мой рассказец — давнишний уже. Опять можем хлеб покупать.

Но «Сказками Алтая» до окончания войны на хлеб не заработаешь. А не писать, — жить не могу. Вот ты и раскумекай.

Пора, однако, о текущем: до смерти тебе, верно, надоел мой «лит. дневник» или «лит. обозрение».

3.

(Первые 1,5 страницы заняты рассказом «о папаше подкинутых нам детей» — *Ел. Б.*): В. Н. ни одну ночь не высыпалась, ровно месяц я почти не мог работать, один взрослый член семьи не работал в поле (т. е. не зарабатывал на жизнь). Сашенька стирала и готовила на чужих. <...> Здорово он подточил наше продуктовое благополучие...

От БорШа открыточка — вот радость. Он в Д. А., но, видимо, еще в Москве. Семья эвакуирована в Елабугу. Открытка-то от 12.VIII! Но и то — спасибо. От Ал. Гавр. недели две назад была пустая открытка из Ленинграда. Где теперь он и его семья — не знаю. Тетя Катя сообщила, что 24-го увезли их багаж, а 26-го увозят их самих. Куда — не пишет. Если знаешь что о них, — сообщи, пожалуйста. От Андрея на днях была открытка с фронта: жив, здоров. От Ник. Ив., от Кольки Сладкова были только прощальные перед отъездом приветствия. От

Котошки и не жди ничего: я ведь ему написал (давно, до войны) большое серьезное и дружеское письмо о его ошибках. Видимо, обиделся. Ну и пусть блаженствует на своем эвакопункте.

Здешние мои други все ушли на фронт, но, сравнительно благополучны: «крестник» мой Миша ранен осколком в ногу, Степану (муж сестры Сашеньки) оторвало палец на правой руке, мужу (другой ее сестры) осколок попал подмышку; кой-кто из Сивцевских и Щитовских убит, но малознакомые. О Боровичах ты знаешь от Анны Як. У нас примерно то же. Хуже на Хвойной. <...>

Школа у нас тут началась с сегодняшнего дня. Завтра хотим послать и Малыгу: школа-то рядом, в Морозове. А вот уж Талюхе некуда ходить: ближе 9 км нет десятилетки.

Очень мы порадовались твоим литературным успехам. Не будь дурак (=оптимист), делай себе литкарьеру: у тебя ведь Анна Як-на. А как тебе понравилось под снарядами? Правда, интересно?

Нина Мих. пишет очень весело, как была под бомбами, как ей велели замаскироваться и как она «спряталась» — легла ...в дорожную колею. Это при ее-то комплекции, а? После этого я решил всегда носить с собой пузырек: неравно начнут швырять бомбы, — я в него спрячусь.

Друг! Просьбы к тебе (когда же было без этого?) три: 1) пиши, пиши, пиши; 2) заглядывай изредка к нам на квартиру и, если будет возможность, посели в ней когонибудь из своих надежных знакомых; убивает меня мысль о старушке Тете Груше: ведь мы ни гроша не в состоянии ей послать, как она существует на 100 р. пенсии, неизвестно; и 3) забеги как-нибудь к Мурочке Вил-

лер (ул. Мичурина, 21, кв. 22 — это как раз напротив Котошиного кружка): она одна с матерью, не с кем посоветоваться.

Иван Серг. тебе кланяется, благодарит за привет от Воронина; мученик он (в семье).

Горячие лобзания тебе от всех моих. Письма твои собираемся читать всегда всей семьей — и это большая для нас радость.

Сердечный привет от нас Анне Як-не.

Вит. Б.

Вит. Бианки Г. П. Гроденскому (открытка).

6.IX–41 г. Михеево.

Ха-ха, и у меня грипп! Вот кстати-то!

От Нины Мих. открытка с Окт. вокзала от 20.VIII — эвакуируется со своим учреждением, сообщает, что Ал. Гаврилыч получил месячный отпуск и увез куда-то свою семью. Ну, он-то ведь уралец. БорШ под Можайском, семья его в Елабуге. От брата и Тети Кати с 25-го никаких известий. Не можешь ли узнать, куда эвакуирован Аркт. Ин-т (брат в нем)? Нерейка пишет, что уезжает из Ярославск. обл., а куда — не сообщает.

Помоги, друг, что-нибудь сделать с квартирой и вещами: посели кого-нибудь, сохрани, что можно. Тетю Грушу невозможно одну оставить. Газеты у нас кончились, не знаем даже сводок. Скоро трогаться и нам. А куда? Не придумаем. И как без гроша, и мне без шубы, без костюма даже. Хо-хо!

Вещи наши (хоть одежку!) перетащили бы к Мусе Мартыновой. Рядом ведь там. Созвонись с ней, сговорись. Ее адрес: Биржевой пер., д. 1, кв. 3. Сделай! Пиши еще сюда. А главное: позаботься об эвакуации своей

семьи. Оч. за Вас волнуюсь. В остальном спокоен. Целую крепко.

Твой В.

Ан. Як. передай привет. Пиши, пиши и пиши. O tempora! Умора-с!

Где, когда увидимся?

Из Ленинграда от Г. П. Гроденского (открытки).

11.IX–41 г.

Дорогой Виталий!

Не знаю, добираются ли до тебя мои письма (от 16–19–22–1) – от тебя получил 29.VIII (от 14.VIII) – почту немного затерло — но, надеюсь, все наладится.

Не представляю, как вы там живете, как чувствуете себя. Я здоров, бодр и большую часть времени на трудработах. Оттуда приезжаю на пару дней (как сейчас), чтобы отдохнуть, повидать маму, сдать материал в «Лен. Правду» — «на оборонной стройке», узнать школьные новости. Город начал принимать «гостинцы» — и привыкнув к ним, перестает волноваться. Вы же никаким слухам не верьте, а их, вероятно, достаточное количество и все от очевидцев — ох уж эти «очевидцы» — я убеждаюсь, в этой особо странной породе людей заложено стремление к искривлению всего виденного. О школе никто ничего не знает. Так и живем, ожидая новостей, – большею частью неожиданных – как с неба. Никого не видел, ничего о делах литературных не знаю. За городом на работах — сплю на сеновале, наслаждаясь запахами, кузнечиками (вперемежку с зенитками и дальнобойными), красками осени и привыкаю к тому, мимо чего проскочил мой возраст. Так хочется вас повидать, поговорить, посидеть. Кругом — торричелевая

пустота (кажется, зря удвоил буквы?!) и грусть одиночества (это нисколько не мешает здоровью, бодрости). Целую крепко. Пишите, пожалуйста, это ведь единственная радость. Привет всей семье.

Гриша.

17.IX.

Дорогой Виталий!

Пишу, не очень надеясь, что письмо доберется. Жив, здоров, бодр — даже умудряюсь еще других утешать. Живу на Вас. Ост. — так как у меня в квартире нет стекол и есть дырки. Возможно, что и отсюда придется перебраться — может быть, и к вам придется на 3-ю линию, если не будете протестовать (пожалуй, не успеете — я уже с Ек. Ив. говорил — это главн. образ. из-за мамы).

Только что получил твою открытку от 23.VIII — это даже медленнее, чем пешком (на 24-й день!). А моих целая куча должна накопиться! — так и не добрались до тебя?

Главное, чтобы вы были здоровы и бодры.

Пиши все-таки на Садовую. Я забегаю туда за почтой.

Гр.

Из дневника Вит. Бианки.

9–10/IX — были с Ив. Серг. в Мошенском. Видели пленного немца. 9.IX — на глазах у всего Мошенского выкинулись на парашюте четверо, аэроплан снизился в лес. Первый из прыгавших сломал себе ногу, когда приземлялся и был обнаружен стариком и старушкой, колхозниками. На следующий день разыскали остальных трех и аэроплан.

На обратном пути:

Поля холмятся. «В степи грустят стога». Речка зарылась в берега. В полях снопы и бабки, кой-где еще не убран хлеб, овес. Черная унылая деревня на том берегу; журавель торчит, как обломанный крест. Замыкает вид невысокий, ровный как курган холм. На нем — силуэтом на небе — единственное дерево (тополь?) — «как рекрут на часах» — и одинокая согбенная фигура тощей лошади, опустившей голову до земли.

Безрадостный русский пейзаж.

За Уральским хребтом я не видел таких «крестьянских лошадок», одиноких и замученных, — от вида которых щемит сердце. Там были косяки лошадей под предводительством красивых и гордых атаманов-жеребцов.

13.IX — была слышна канонада в стороне Киришей.

18.IX — ночью холод, с утра летел снег! И падал на землю длинным дождем.

19.IX — канонада слышна и в стороне Боровичей и стороне Песи. И дальше все дни так. Очень холодный ветер; +4 °С.

21.IX — В этом году грибной сезон не так богат, как в прошлом, но все же много грибов, особенно белых, красных мало, а подберезовиков почти совсем нет.

24.IX — И. В. Васильев — пред. с/совета, лично привез Ив. Серг-чу повестку «в часть» (мобилизац.)

25.IX — Ив. Серг. ездил в Мошенское; повестка оказалась обманом (!); под видом мобилизации послали на «спецстроительство». Райисполком сейчас же отпустил Ив. Серг. домой.

От Г. П. Гроденского.

Ленинград, 23/IX–41 г.

Дорогой и родной!

Как чудесно в эти дни получить от тебя «кучу» писем за один мах почтальонской руки. Радостно это во всех отношениях и потому, что это знак вашей жизни и здоровья, и потому, что в них тепло так необходимое сейчас тут нам, и потому, что ощущаешь связь с миром. Досадно пешеходное движение переписки — новости успевают превратиться в «старости», и невольно вспоминаешь астрономию. Некоторые звезды так далеко, что свет доходит до Земли только через тысячелетия, а тепла от них не доходит вовсе.

Письма сохраняют все тепло той минуты, в которую пишешь, но они приходят на двадцатый день! А в этот промежуток астрономически огромный — успевают произойти события не менее огромные. Досаждает и неуверенность — дойдет ли? — и скупее поэтому оказываешься в письме, чем хотелось бы.

Но сейчас я готов писать тебе бесконечно — потому что разговаривая вот так сейчас с тобой, со всеми родными михеевцами, я отдыхаю от тревог (воздушных), от слухов, от разговоров пессимистов и оптимистов, от артиллерийской стрельбы, от налетов — от всего, что составляет наш быт. Вот почему так радостно от ваших писем, от твоих чудесных опусов, от Нonикиной открыточки — в них тепло дружбы и витамины бодрости. Да здравствует дружба и письма!

Сегодня получил твою открытку от 28.VIII и письмо от 31–1/VIII–IX, и Нонину открытку от 29.VIII.

Должен начать со всяческих извинений (впрочем, это уже вторая страница и вряд ли потому это может

считаться началом – ну, да ничего, ты предыдущее можешь за начало не считать) – без получения вашего семейного разрешения я въехал в твою комнату (мельком писал тебе в предыдущей открытке об этом) – дело в том, что в моей комнате на ул. 3 Июня вылетели рамы со стеклами (и это еще очень счастливый результат одного из «добрых» дней) – маму переправил на 9 линию (там ей удобнее в смысле всяких хозяйственных дел) – а сам с сегодняшнего дня перебрался (после совещания с Ек. Ив. и Анат. Вал.) к вам. Пока на недолго, а дальше, если будет необходимость в сохранении ваших комнат, то и на большее время.

Одна из комнат уже заселена (Нонина) женщинами (кажется, очень скромными и знающими вас) из вашего же дома, – это лучше, чем могло бы быть, а могли бы вселить две семьи с городской окраины (как уже было намечено). Дело в том, что положение вынуждает жителей переселяться с окраин вглубь – такою «глубью» оказывается и весь ваш район, сюда и переселяют, вселяя без всякого разговора (временно, с тенденцией на постоянство!) – так что переселение в одну комнату вашей квартиры – это лучшее, что могло бы быть, остальные закреплены как бы за мной и Ек. Ив., – претендентов на переселение к вам достаточно, приходил Бронислав Антонович, приходили еще (кто они – знает Ек. Ив.) – но пока буду здесь, я постараюсь защитить от дальнейших вторжений. Хотя ни за что поручиться нельзя. Во всяком случае я постараюсь гарантировать сохранение вещей, а по поводу всего остального буду ждать твоих указаний. Говорил, и еще буду говорить с управдомшей (милая девушка с косицами!). Вот по поводу дел комнатных и все пока. Надеюсь, вы не очень будете сердиться на меня за вторжение.

О себе много не напишешь: школа, конечно, не работает, так же используют всячески на трудработах, и всякие дежурства, и поручения Райсовета, и даже иногда дают нам просто свободные дни. У меня их немного, я ношусь колбасой по всем делам, продолжаю «репортажничать», но уже с меньшим воодушевлением, так как попал к другим лицам (уже в самой «ЛенПравде») не очень мне приятным. Никого из общих знакомых не видел почти (за исключением С. М. Пресс и Приваловой, которые шлют вам сердечные приветы). Один раз был у Ник. Ив., где он сейчас — не ведаю. Очень усложнилось общение выключением всех частных телефонов и частым переселением людей из неблагополучных районов города.

К сожалению, должен кончать письмо — надо ехать в Райсовет.

От Тети Груши (и Кости, который служит радистом в части, находящейся в городе) привет, обо всех них напишу потом. Вообще на днях продолжу писание. А пока спасибо за письма. Привет Вере Николаевне, Ноне, Талюше, Валюхе.

Вот и не знаю — какой адрес тебе посоветовать? Можно и на мой старый, можно и по собственному.

(Гроденский).

29.IX–41 г.

Дорогой мой Михеевский колхозничек!

Все хочется написать большое «обовсемошное» письмо и все как-то получается так: начнешь в лирическом тоне, думаешь — ну, страниц на восемь, а вдруг оказывается — не писать хочется, а говорить-говорить, сидя рядом с вами — ну и споткнешься на этом, — и рука

просто дописывает уже всякое информационное, а о чем хотелось бы написать, так и не написалось. Это я к тому, чтобы тебя не удивляло различие между (обычно) началом письма и куцым его хвостом.

Погода стоит прекрасная, с чудесными красками, но любоваться и не приходится — очень гнусные шутки с нами играет эта природа: солнечно — ну, жди воздушных тревог, коротких, но частых; перемежающаяся облачность — ну, плохо, будут бомбить; сплошная облачность — артиллерийский обстрел. Ленинградцы ко всему этому приобвыкли и относятся всерьез и привычно-спокойно, но все-таки на сердце скребет: опять [порушится] какой-нибудь госпиталь или школа, или жилой дом, или еще что-нибудь, стоявшее века и украшавшее город.

Подлость бессилия и расчетливой мести обрушивается на наш город — настроение сейчас несравнимо лучше, бодрее, спокойнее. Впрочем, я-то все время оптимистически (с маленькими прорывами) был убежден в незыблемости Ленинграда! Дни эти (да еще и те, которые будут) забыть невозможно и быть может это и хорошо.

Лично у меня все прежнее — школьных занятий нет, но к ним подготовляются; пока же женщины наши шьют теплые вещи, мы дежурим и трудработничаем, хотя видимо это кончилось для меня, так как начинается военное обучение всех необученных (а я таковой). Кстати — тебя не будут теребить?

От Андрея ты вероятно получил письмо. Рана у него серьезная. Он как-то странно проходит краткосрочные курсы войны — все быстро неожиданно и для жизни в целом благополучно.

О других почти нечего сообщить.

Вчера был в гостях у С. М. Пресс, — она переселилась со своего шестого в нижний этаж к родным. Работает в библиотеке. Шлет вам большой привет.

Забегал вчера к Гаврилычу дважды, но ни его, ни Леокадии Игн. дома не заставал — попытаюсь еще раз сегодня.

Решил в эти дни повидать людей добрых и знакомых, чтобы восстановить нить связей, а то без телефонов все кажутся куда-то провалившимися и пропавшими.

Квартиру Вашу пришлось отстаивать еще раз и это пока удалось ценой квартиры Лидии Львовны. Управдомша — очень милая девица — сама старательно спасает большую комнату от вселения (тетя Груша — у себя, я — в твоей, спасать приходится большую) и обещает, и входит в положение, но с другой стороны на нее нажимали, — думаю, что больше попыток не будет, хотя поручиться трудно.

Я только ночую (прихожу в 8 веч. — и ухожу в 8 утра), днем и вечерком забегает Екат. Ив. и Анат. Вал.

В моей квартире все еще окно-дырье и я все пытаюсь устраивать ремонт. Очень надоело неопределенно заполненное время, — газетными делами понемножку занимаюсь, но день проходит бессистемно и всегда немножко в нервическом напряжении. Многое-множество читаю (во время тревог — под воротами, в бомбоубежищах и в трамвае) и даже пытаюсь возобновить библиографическую работу (пока хоть за столом и то за твоим).

В продаже (теперь преимущественно на книжных столах перед магазинами) появилась масса книг. Мелькнуло недавно «Оранжевое горлышко» — а вчера видел «Лесную Газету» — люди покупают книги и даже расхватывают.

Законные страницы истекают и я шлю приветы, поклоны и все прочее (от мамы моей вам всем особые!).

Обнимаю, целую. Пиши.

Твой Гриша.

Вит. Бианки. Литературный дневник.

3.X–41 г. Михеево.

Писатель связан с миллионами тысячью в обычное время неощутимых нитей. Даже если он месяцами сидит, запершись в своей комнате. В эпоху резких общенародных событий он внезапно ощущает, что эти нити привязаны к тончайшим концам его нервов и что ими опутано все его сердце и весь его мозг. В такие времена никакая «башня из слоновой кости» не создает для него условий, в которых он мог бы писать. Можно писать вальс «Шепот цветов» под грохот орудий, но невозможно писать в тиши, прислушиваясь к отдаленной канонаде. Это дело безнадежное. И надо спешить туда, где люди умирают, побеждая или терпя поражение. Нити, натянувшись, влекут писателя туда.

Двухтрубный бревенчатый пароход наш несется по океану человеческой крови, то взлетая к небесам, то падая в бездны. Что до того, что у нас есть верный компас, мудрые лоции и карты? У нашего парохода нет руля, он неуправляем. Стихия несет нас. Звезды вспыхивают и мгновенно гаснут в черной пустоте, — или это вспышки отдаленных выстрелов?

Все поля взрыты разрывами снарядов. Человеческими трупами засевают землю и обильно поливают ее человеческой кровью. Страшные всходы принесет посев. Дымится кровавый туман над землей; в нем люди не

различают друг друга, не узнают даже близких. Безумие убийства.

Бревенчатая изба земледельца очень плохо приспособлена к превращению в пароход дальнего плавания. Каменные многоэтажные и многотрубные городские дома не зря напоминают океанские пароходы: они лучше выдерживают такие фантастические путешествия. В просторных кают-компаниях там собирается много пассажиров. Им легче вместе. В нашей маленькой каюте едва хватает места для одной моей семьи. Беседы круг стола. И одиночество тесным душным кольцом окружает нас.

Но мы умеем строить себе авиэтки. У каждого есть одноместная. Все время ночь; никто не подозревает, что мы скользим с палубы во тьму и отправляемся полетать над миром. Наши прогулки-разведки настолько продолжительны, сколько сумеет каждый взять с собой горючего. Я же пытаюсь выстроить целый воздушный корабль, чтобы усадить всю семью и покинуть с ней совсем пароход:

Там, за далью непогоды
Есть блаженная страна.

От Вит. Бианки в Ленинград.

4.X–41 г. Михеево.

Дорогие мои друзья и родичи!

Эх, кабы это письмо как-нибудь до Вас добралось!

Подходит момент нашего «самоопределения» и м. б. разъединения с Вами на значительно большее, чем до сих пор, расстояние (если только не до полного и навсегда разъединения). Вот и надо кой о чем сговориться и условиться.

Думаю, что теперь уж Вы все — Толя, Тетя Катя и Гриша — собрались под нашим гостеприимным кровом на Третьей. Постарайтесь и дальше не разъединяться: в общении сила при нынешних обстоятельствах. Дальше могут Вас разорвать, — но тут уж ничего не поделаешь. Те немногие вещи, которые у всех у нас есть, чем дальше, тем большую ценность для всех нас вместе и каждого в отдельности будут представлять; поэтому желательно их сохранить. А для этого надо собрать их вместе и сидеть на них всем скопом: один уйдет, другие останутся, и сохранят. Где будут храниться вещи — скажем, мои книги («библиотека»), рояль, одежка — мне все равно: можно и на 14-той линии, и на Садовой, но, видимо, лучше всего, если Вы все вещи соберете на 3-тьей и сами там будете: у нас отдельная, целиком мне принадлежащая квартира (посторонних, вселенных сейчас, сразу же можно будет выкинуть, как только разрешится общее положение), а на Садовой — лишь комнатка, на 14-той — часть квартиры. И с точки зрения житья для всех нас (вместе или отдельно) и с точки зрения сохранности собранных в одном месте вещей квартира на 3-ей лучшая из имеющихся. Вот почему я и ратовал все время за переселение Т. и ТК. в нее. Если мои письма не могли Вас убедить в этом, убедили или убедят факты.

Что всем нам и каждому в отдельности предстоит пережить, узнать вперед невозможно. Вы все там будете объединены одной, в общем, судьбой; нам может выпасть на долю совсем другая судьба. Не исключена, в конце концов, и возможность того, что снова все мы соединимся — именно у нас на 3-ей. После жены и детей Вы трое — самые близкие мне на Земле люди; мы дружно прожили долгие годы, и, я уверен, никакие вне-

шние события внутреннюю нашу связь разорвать не могут. Великое дело — вера в человека и крепкая, испытанная дружба. Пусть и раскидает нас далеко, — мы не перестанем друг о друге думать. Вещи в сравнении с этим — пустяк, ерунда. Если мои вещи в трудную минуту помогут Вам добыть необходимый кусок хлеба, — я буду безмерно рад. Будем живы и свободны, — все, что нам надо, сумеем приобрести.

А вот те новые обстоятельства, которые появились на нашем горизонте и в курсе которых Вам необходимо быть.

Мы с Ив. Серг. писали в Литфонд (Москва) и в Союз (Москва), просили материальной помощи и указаний куда ехать, в случае, если отсюда начнется эвакуация. Пришли ответы. 26.IX — нам выслали по тысяче каждому, но — дураки! — телеграфом, так что «подтверждения» переводов, высылаемые почтой пришли, а самих переводов нет и еще неизвестно, когда будут (если вообще не «заблудятся» где-нибудь по дороге: телеграф во время войны для военных, а не штатских надобностей). Семьи наши рекомендуют присоединить к семьям ленинградских писателей, переэвакуированных в Молотовскую область (точный адрес обещают сообщить на днях: сами еще не знают), а нам с Ив. Серг. наш генерал (секретарь Правления Союза) Фадеев в особом письме «предлагает» ехать в Ленинград.

«Предлагать» можно, конечно, что угодно. Однако, для того, чтобы пробраться через огненную стену, отделяющую нас от Вас, необходимо многое. Для нас — прежде всего уверенность, что наши семьи устроены в безопасном месте, что там они не помрут с голоду; а еще соответствующие бумажки, без которых никого не про-

пускают в направлении на Ленинград. Мы же пока получили только бумажки, в которых рекомендуется местным и транспортным властям оказывать нам с Ив. Серг. лично и нашим семьям содействие при нашей отсюда эвакуации. Поэтому мы думаем (если ничего в ближайшие дни не произойдет существенно нового) ждать здесь, пока придут деньги (ибо без копейки никак не можем сдвинуться с места), а получив их — и если к тому времени немцы не будут отбиты от Ленинграда и путь туда не расчистится, — а следовательно, и надобность в отъезде не минует, — самим отвезти и устроить наши семьи в Перми или Пермской области. Немаловажную роль в этом решении играет то, что там мы соединимся с Нерешкой и сможем взять ее к себе. Когда семьи наши будут сносно устроены, мы с Ив. Серг. весьма охотно предоставим себя в распоряжение Союза и поедем защищать Вас изнутри или отбивать извне.

Итак, может случиться скоро, что мы будем с Нерейкой. Поэтому в письма к ней вкладывайте и нам письмишки. Она просила писать ей пока по адресу: г. Молотов, почтамт, до востреб. Вряд ли только они устроятся в самой Перми. (Меня там знали и почитали прежде — мне, м. б., и удастся устроиться в черте города). Без моей единственно-любимой вещи мне совсем неохота трогаться в те края; но о возвращении ее мы тоже написали в Москву, — м. б., и отдадут мне.

А тут пока нам оч. хорошо. Райисполком дал распоряжение о снабжении нас продовольствием, мы получили по два кило масла и сахара, дают нам молоко коров-беженок по 50 к. литр и мясо беженок-овец по 5 р. кг., — жизнь наша роскошная! И «стучать» кругом вот уже пятый день, как прекратили, — тишь. Мне лично

оч. трудно отвыкнуть от табака: докуриваю последние крохи, оставшиеся от запасов прежних лет. Ну, да что об этом!

Адреса, куда Вам (Грише и Т. Кате) хорошо бы зайти:

Андрея Меженного (ранен разрывной в колено, нога сгибаться не будет): Л-д, 9. Почт. ящ. № 710, 7 отделение, палата 3.

Ник. Степ. Иванченко (не знаю, ранен, контужен, — ноги не действуют): Балтийская ул., 35. Госпиталь. Палата № 11. — Это мой друг по переписке — молодой уральский писатель; был в погранвойсках.

Мих. Клем. Клементьева (ранен в рот): Петр. Стор., ул. Льва Толстого, 22 больница им. Эрисмана, 2-ое челюстно-лицевое отделение, палата № 11. (Это мой «крестник» — колхозник из Сивцева, дома у него все по-хорошему).

С Александром Гавриловичем у меня связь вот уже два месяца потеряна, где он?

—

Взять с собой нам придется, кон., очень немного. Большинство вещей оставим на попечение Саши. Она будет жить у сестры Дуни в Яковищах.

—

Сейчас (2 ч. дня 4.X) получил телеграмму от Фадеева: «Предлагаем эвакуировать семьи Молотовскую область, самим выехать в Ленинград».

Решение мое остается неизменным. Плохо только, что Сашенька с нами не поедет: решила остаться здесь с семьей сестры.

Да! Последнее письмо пока было из Л-да от тебя, Гриша, от 23.IX.

Засим крепко всех Вас по отдельности и вместе обнимаю, целую, благословляю. Будьте живы, здоровы и верьте. Навсегда Ваш

Вит.

Привет Тете Груше.

Приписка Ноники:

Мама просит ни в коем случае не оставлять в моей комнате наших вещей, ни больших, ни маленьких. Я думаю, что времени до отъезда у нас еще достаточно, так это не последнее письмо, только бы дошло. Мы с мамой так сильно не хотим уезжать отсюда, что с надеждой думаем: «Авось, что-нибудь да случится хорошее, неожиданное». Пока этого не случается.

Всего хорошего Вам всем. Будьте здоровы.

Н. Б.

Вит. Бианки — Г. П. Гроденскому.

4.X–41 г. Михеево.

Друг!

Третьего дня или вечера пошло мое большое письмо на 3-ю — тебе, Толе и Тете Кате вместе. Там я писал о наших новостях. Сейчас повторю на всякий случай. И еще подумал: м. б., тебе и А. Як. понадобится мое заявление о прописке в моей квартире, — так вот — прилагаю. Хотя вряд ли и понадобится.

Мы с Ив. Серг. получили письма из Москвы: из Союза и Литфонда о том, что нам высланы деньги 26.IX и чтобы перевезти семьи в Молотовскую обл., где все семьи ленинградск. писателей, а самим ехать в Лен-д. Теперь сидим и ждем, когда придут переводы и письмо с адресом в Молотовской обл. (ибо где там поселилась Нерешка и прочие наши, — неизвестно пока в Москве).

Деньги нам послали (умники!) телеграфом. «Подтверждения» переводов пришли почтой уже несколько дней назад, а деньгами еще и не пахнет. Придут или «заблудятся» — неизвестно. Мы с Ив. Серг. решили сами доставить семьи до места, устроить их там, а потом пытаться проникнуть к Вам. Когда тронемся, — пока не скажешь: без денег, адреса и соответственных бумажек не поедешь.

Тут мы живем роскошно. Нам дают не только хлеб, но и молоко и мясо подешевке. Лучше бы всего, конечно, нашим семьям тут и оставаться. Но — «ехать, так ехать!» — бодренько сказал попугай, когда кошка деликатно потянула его за хвост. Так и мы — «мечтаем», как хорошо путешествовать, увидеть новые места и проч. Я уже писал Нерейке, чтобы подыскала нам там недырявую крышу.

Я лично рад любой перемене, любому движению: — «Не может сердце жить покоем», когда кругом такое творится. У меня уже какой-то душевный паралич, кондрашка.

Пронеслись у нас слухи о том, что немца отогнали на 100 км от Ленинграда. Многие пишут какие-то таинственные намеки на скорое окончание войны. Но тут ни радио, ни газет, а слухам верить,... нет, без пол-литра не поверю! А водочки-то и нет.

Пиши, пожал., почаще. Мы лучше получаем Ваши письма, чем Вы — наши. Каждые 2–3 дня мимо нашей избы, чуть не задевая за крышу, пролетает туда, а потом обратно воздушный почтовый дилижанс.

Я сообщал тебе адрес Андрея, Иванченко (уральский молодой писатель), Мих. Клементьева (Сивцевский мой дружок-колхозник), просил навестить их. По-

лучил ли? Заходил ли? Все ранены. Адрес Нерейки пока: г. Молотов. До востреб.

У нас спокойно последние дни, – чего и Вам желаем. Пиши ж! Целую.

В. Б.

P. S. Из Ношкиной комнаты все вещи вытащите в другие; чужим не оставляйте.

От Г. П. Гроденского.

9.X–42 г.

Дорогие мои!

Только отправил письмо, как вечером связной принес письмо от Ноны. Большое ей спасибо, что выбирает время для меня. Отвечу ей, как только буду твердо стоять на ногах – сейчас немного шатаюсь (и не только потому, что вот уже три дня без отдыха на наш меридиан шлепаются мины и снаряды, а землянка выбивает чечетку), – и не от добрых стопок, – и не в плохом каком-нибудь смысле, а просто завтра-послезавтра должно решиться, возвращусь ли в редакцию, останусь ли в полку или придумают для меня что-нибудь другое.

Тут у нас подобралась веселая компания – великий хвастун Моральский (завмас от Публичной библиотеки), великий болтун Рабинович (историк Лен. Ун-та), великий поэт-критик Ребус (увы, такова его фамилия, москвич, не знаешь ли ты сию фигуру? и великий тем, что маленький, – Гроденский. Всех должны распределить по местам – всякий овощ в свой огород! – местоположение моего огорода определится на днях.

Шлю морду свою последнего издания (тираж ограниченный!)

Жди меня и я вернусь,
Только очень жди!

Целую тебя. Привет Вере Николаевне, Ноне, Талюхе (начал он заниматься?), Вале (а он?) и Ив. Серг.

(Гроденский).

Вит. Бианки Г. П. Гроденскому. Литературный дневник.

15.X–41 г. Михеево.

Друг мой, друг дорогой и желанный!

Все мы смертны. Но это неважно. Гораздо хуже, что все мы из плоти и крови, но не только из плоти и крови, а еще из нервов, мозга и сердца.

Вот ты на уроке перед удивленными учениками отрезаешь лягушке голову, утверждая, что ей не больно, что лягушке плевать на это, что она смеется над этим. И я хотел бы превратиться в лягушку. И весело дрыгать ножками, когда мне отрезают голову.

Сорвет мне голову ядром,
А мне ее не жалко!

Что-нибудь одно: или плоть и кровь, или мозг и сердце. А то ведь (по секрету, – и не говори об этом своим ученикам на уроке): – «лягушки тоже хочут жить!» Может быть, – по секрету, – им не так уж все равно, м. б. им и не плевать и они не смеются над своей отрезанной головой – рот до ушей? Ведь рот до ушей был и у «L'homme qui rit». Проклятые компрачикосы!

Человек, который смеется над тем, что не смешно, достоин смерти.

Кто сказал:

Смеяться право не грешно
Над тем, что кажется смешно?

Не знаю. Это, может быть, и правда. Но, – боюсь: кажется смешно нам иногда то, что совсем не смешно.

Будь мы вместе, я рассказал бы тебе много-много несмешных фактов. Да чего там рассказывать: оглянись, — ты увидишь их тысячи вокруг себя. Не смешно, когда

...изверившись в счастье
От смеха мы сходим с ума
И пьяные с улицы смотрим
Как рушатся наши дома.

Переставляю строку:

Что делать! Ведь каждый старался
Свой собственный дом отравить,
Все стены пропитаны ядом,
И негде главу преклонить!

Из «Возмездия»:

И встретившись лицом с прохожим,
Ему бы в рожу наплевал,
Когда б желания того же
В его глазах не прочитал...

Да, так.

Но, право, может только хам
Над русской жизнью издеваться.

К чему цитировать? Ты сам можешь прочесть эти и другие места «Возмездия».

Да: «Возмездие»! Возмездие.

Эх, выпить бы! Выпью. («...И пьяные с улицы...»)

Так-то, друг.

Пишет Ольга Александровна Яхонтова.

17.X–41 г. Барнаул.

Дорогой Виталий Валентинович!

Очень обрадовалась Вашему письму. Шло оно 15 дней. От Костромы мы ехали 2 недели. Дорога была очень

трудной, но все уже пережито. Здесь хорошо. Осень стоит солнечная, сухая. Солнце здесь яркое, высоко поднимается и даже греет. Как хорошо было бы, если бы Вы приехали! Устроитесь, думаю, не хуже, чем в прежние годы. Тихо здесь. Нет ни тревог, ни траншей. Граждане никуда не спешат. Все лузгают на ходу семечки, плюют направо и налево и в воскресенье выходной празднуют. Правда, много приезжих, трудно получить площадь, но думаю, что найти можно. С питанием, — как и везде, — но жить можно. Собирайтесь пока можно — приезжайте. Телеграфируйте с дороги. Я присмотрю за это время. Денег на дорогу много не надо, только на билеты, т. к. покупать нечего. Необходимо взять продовольствие на всю дорогу, хотя бы сухари. Нас сухари спасли. Запаситесь эвако-справками, по которым некоторые кое-что из продовольствия сумели получить. Работу как-нибудь найдете. Вера Николаевна умеет шить, — всегда работу будет иметь. Если не сумели взять машинку швейную, то у сестры есть. Приезжайте сразу к нам, а там устроимся. На рынке здесь детских книг больше, чем в Л-де. Я видела новое издание 41 г. «Оранжевое горлышко». Купила еще в Костроме «Лесную газету» — хорошее издание 40 г. Мишутка ее дома с интересом читал.

Мы устроились у сестры. У нее домик — одна комната и кухня. Муж на фронте, а сын — как Мишутка, 8 лет. Сестра с утра до вечера на тяжелой работе, а дети остаются с бабушкой — моя мать. Я ее привезла с собой.

Вот две недели как меня мобилизовали и направили работать в госпиталь за городом. Далеко ходить, но дорога красивая. Ухожу рано при луне, прихожу поздно — при луне. На периферии народ работать любит — энтузиасты.

От Павлуши получила только одно письмо, адресованное в Барнаул от 19/IX, бодрое. Пишет, что В. О. мало пострадал. У нас все стекла в окнах целы. В квартиры выехавших начали вселять беженцев из Московск. и Нарвск. р-нов, по-видимому, наиболее пострадавших. Возможно, вселят и к нам. Павлуша все обучается, хотя многие из учащихся уже на работе. Свиньины тоже никуда не выехали. Они долго жили на нашей даче в Вырице и чуть не оказались на чужой земле. Тетя Катя должна знать мой адрес и Нера тоже. Неру я приглашала ехать со мной, она не захотела отделяться от Нади (Ванина Н. Н. – *Ел. Б.*). Я могла заехать за ней.

Привет всей Вашей семье от нас. Ждем к нам всех вас и Сашеньку.

Крепко жму руки. *Ваша О. Яхонтова.*

Дневник Вит. Бианки.

(Начало октября. По-прежнему у В. Б. много записей о наблюдениях в окружающей природе, тут и о мышкующей лисице и о громадной ели, она «как целый лесок, многие ветви ее, изогнувшись, растут вверх, как отдельные ели; многовершинная». И, конечно же, о реалиях военного времени. – *Ел. Б.*)

16.X – ...Иван Серг. пошел в Яковищи – обучаться военному делу, бедняга.

С 16 на 17-ое всю ночь «стучало», «гукало» и бухало. Начало нового наступления?

С 17 на 18-ое – бухает.

24.X – По свидетельству рыбака Антона последние дни много лебединых стай на оз. Карабожа. 25.X – Талюшка видел над Карабожей лебедей.

Буду записывать, что радиосорока на хвосте принесла («Сарафанное радио»):

22.X – вернувшиеся с Хвойной (сдавали картошку) говорят, что немец перешел Волхов и идет сюда. На Хвойной видели 50 подвод с железнодорожниками из Будогощи. Поезда не ходят ни на запад, ни на восток. Тихвин взят.

23.X – говорят, взята Будогощь, а по Московской дороге – Больш. и Мал. Вишера. Прибежал М. Як. (Сивц.) из-под Ржева; три дня был в плену у немцев, отпустили.

24.X – говорят, взяты Кириши.

25.X – говорят, немец подходит к Анциферову. Хвойная эвакуирована. (Последние четыре дня «гукает» отчетливо день и ночь).

26.X – воскресенье. Ночью не гукало, а днем редко слышна канонада. Сарафан. радио молчит.

(Продолжение этих записей следует).

Открытка от Г. П. Гроденского.

24.X–41г. В. О., 3 линия.

Дорогой и родной Виталий!

Спешу (хотя боюсь, что стронулись Вы с земли Михеевской) сообщить: письма твои от 4/X и ранние получены (в обратном хронологическом порядке). Вчера передал их Тете Кате. Мы здоровы и живы и я опять оптимистически надеюсь на еще многолетнюю совместную хорошую жизнь. Все постараюсь сохранить, — как сумею. Из Нониной комнаты убрано все. Мусинька часть вещей по присланному ей списку взяла. Обо всем остальном напишу несколько позже, когда устроим со-

вещание семейное. На днях по всем адресам схожу (у Андрея я уже был, он шлет привет). Тетя Груша здорова. Мама шлет Вам всем привет.

Тороплюсь, — пишу на ходу.

Целую всех вас и желаю устроиться как можно лучше и Вам, мужчинам, не след разъединяться с семьями. А лучше всем сидеть Вам в Михееве.

Ваш Г.

От Екатерины Ивановны Бианки из Лен-да.

26.X–41 г.

Наши дорогие родные! Получила твое, Витя, общее нам письмо. Спасибо! Так же мы чувствуем Вас всех. Рада за Вас, что Вы вместе все и желаем, по возможн., никуда не двигаться. Для Неры, кон., очень бы хотелось, чтобы Вы оказались возле нее. Не веселые от них сообщения из Молотовск. обл.: станц. Шабуничи, Молот. обл. Краснокамского р-на, деревня Черная, лагерь Литфонда. Очень боюсь, чтобы не разъединили ее с Надей и теткой Лизой. Живут они сейчас врозь, но все же глаз и совет своих и любящих людей. Но Надя и Лиза уже обессилили всяко, а мы и материально помочь не можем. Толя без работы и не предвидится ничего. Ждем чуда. Литфонд, кажется, отказывается содержать Неру (вероятно по возрасту?) и ей предстоит учиться на слесаря ради стипендии... А эта стип. может привязать к месту, и она не сможет уехать, если бы оказалась возможность. Очень бы надо найти работу Наде и Нере и, м. б., тетке Лизе и устроиться им самостоятельно, что ли. Вообще, ты был прав, Витя, — организация оч. слабая и рассчитывать на нее нельзя. За все время Наде дали зарпл., каж., 2 раза. Условия жилья оч. трудные, а

о питании можно догадаться из письма, что оч. неудовлетворительно.

Вообще душа болит за всех., особ. за своих всех, а за Неру особо...

Все, что ты, Витя, пишешь о кв-ре, вещах не совсем реально: мы не имеем права переселения и за каждое нарушение «прав» кары очень серьезные. Оч. хорошо, что Гр. Павл. бывает на 3 л. — пока новая управдом так относится. Вещи же наоборот — все стараются разнести по знакомым — не в одном месте, так в другом уцелеет что-нибудь. Конечно, и сами мы сообразили, и Толя с Клавдией вынесли все из комнаты Ноники и всяко стараемся, чтобы не «к разбитому корыту» Вам вернуться, но будет ли вообще корыто, останутся ли от него хоть стены... кто знает? А сил мало у всех нас, о перевозе своих вещей нельзя и думать — не на чем возить и некому, да и деньги неинтересны никому — а у нас их нет.

Лагерем Литфонда в Молотовской обл., кажется, ведает Бешелев, — знаешь ты его? Наши там без теплой одежды, без обуви и одна пара валенок на троих, а ведь там еще Инотар — 10 лет, и 2-х летняя Маришка. От Эли было августовское письмо, он не знал еще — когда, где и как осядет на зиму. Ему писать: Краснотуранск, Красноярского края, Крестьянская ул., 21. Дарье Евграф-не Тарховой для Э. Ф. Это его кварт. хозяйка.

Крепко целую всех Вас. Надежда на свидание еще теплится у нас.

Ваша т. Катя.

В последнем (от конца августа!) письме Элий писал, что он будет в Краснотуранске, вероятно, только до начала октября. Куда двинутся потом, еще не решили.

Будьте здоровы и заряжайтесь оптимизмом. Целую всех крепко.

Относительно пересылки нашим обуви и одежды не знаю, как помочь – приготовленная еще в Гавриловом Яме, посылка не пошла, не принимают посылок. Поедем ли мы, еще вопрос, а если поедем, то сколько вещей удастся захватить?

Сейчас никак не могу найти работу по специальности и не знаю даже, следует ли брать к.-л. место – закрепишься, а потом не выберешься. Работа физическая, м. б., и нашлась бы, но боюсь, что не вынесу при наст. питании и увелич. раб. дне.

Катя сильно сдала, особ. после обморока 19/X, продолжавшегося 4 часа. И лечиться не могу ее уговорить – говорит: врачей нет, лекарств не достать и пр.!

Тем не менее мы решили, если позволят обстоятельства, выехать, чтобы соединиться с Нерой, Надей. Элей, а по возможн. и с Ниной и Вами. Если Вы соберетесь в путь, оставляйте на мое имя записочки *(неразб.)* на вокзалах Вологды, Вятки, Перми и Свердловска. Вообще же устанавливать связь нам придется через О. Яхонтову или через Элия.

Анатолий. 26/X–41 г.

Из дневника Вит. Бианки.

27.X – радиосорока на хвосте принесла, что Япония объявила нам войну.

28.X – будто на Песи десант, – прохожие рысовские говорили. А приехавшие с Хвойной сообщили, что все спокойно там, только раненых увезли, хлеб и овощи отправляют в сторону Лен-да, а бои где-то за Будогощью.

29.X — утром −10 °С; ясно. Загудели самолеты. С Оста на W пролетел бомбовоз и за ним два истребителя. Ясно была слышна пулеметная стрельба. Долетев, примерно, до Кончанского, все три машины повернули обратно. Над ними — очень высоко — спокойно протянули с О на W три невиданной формы бомбардировщика. Опять ястребители.

Сорокорадио: десант на ст. Песь.

30.X — Десант на Хвойной — 30 ч-век, — рассказывают едущие с Хвойной (обоз). Под Вишерой, будто, наша победа: взят в плен десант.

31.X — утром немецкий двухмоторный (бомбовоз?) прошел над Сивцевым к Карабоже совсем низко; отчетливо были видны черные кресты свастики. Этот аэроплан приземлился за Столбовым в картоф. поле. Трое летчиков ушли босиком (?!!), оставив в кабине два автомата и карты здешних мест.

Хвойная полна эвакуированными из Любытинского района колхозниками и их скотом. В Шиловском бору полно войска и пушек, после 8-ми вечера проезд на Хвойную закрыт.

Оказалось, подбитый на ст. Хвойной двухмоторный немецкий самолет (пробит был бак) приземлился за Карабожей в неск. сотнях метров от д. Столбово. В нем было четыре человека; они ушли из машины. Был вызван отряд из Мошенского. Немцы, говорят, оказали сопротивление и были убиты, — кроме одного, к-го ранили и взяли в плен. В самолете, говорят, радиоаппарат, карта наших мест подробная, два пулемета.

Говорят, Тихвин еще не взят, а по нашей дороге только еще бомбят Будогощь (см. — 22.X).

Уже больше месяца читаем по вечерам Гоголя. Читаю я, остальные (кроме Талюхи, которого это, видимо, не интересует) слушают. Малыга — непременный слушатель. (...) Сегодня начнем Пушкина «Капитанскую дочку».

По утрам хватаюсь за все — писать «взрослые» и детские рассказы, приводить в порядок орнитологич. записки, выдумывать игры, — и ничего, ничего решительно не выходит, все валится из рук и рассыпается в прах! Не могу даже читать. А работать надо, необходимо, — иначе с ума сойдешь.

1.XI — Около 10-ти час. утра трижды ухнуло где-то в стороне Заделья, т. ч. кучка наших колхозничков и Яшка, собравшиеся на улице, бросились врассыпную — и прятаться. Сейчас же показался и самолет, летевший от леса. Яшка побежал узнавать, «где вдарило». Не узнал.

Все утро и днем прилетали немец. самолеты, один долго кружился над Столбовым. Очевидно, знают, где вчера была авария; прилетали посмотреть, нельзя ли спасти своих.

Два дезертира из-под Мал. Вишеры этапом в Мошенское.

2.XI — Происходит выселение бывш. лишенцев (церковная двадцатка и пр.) из Хвойнинского района. Везут на подводах до станции. Говорят, отправят в Пермь. Значит, поезда ходят?

За день взрывы только в стороне Борович.

Вчерашние два дезертира вернулись, получив в Мошенском направление на Пестово.

3.XI — С утра очень часто пролетают над нами самолеты — наши и немецкие. Направление: с Борович на Пестово. (Эти мои записи становятся похожи на запи-

си в судовом журнале судна, заплывшего в неведомые воды и ждущего гибели).

Мошенское затребовало розвальни. От одного нашего к-за требуют их 10 штук – еще седло (единственное в «Искре»).

4.XI – И в Михееве и в Мошенском хорошо были слышны сильные взрывы: это в Боровичах немец спустил две бомбы. Радиосорока: говорят, будто где-то за Федосовым на болоте сел подбитый немецкий самолет. Летчики сдались. (Все это оказалось легендой).

4 и 5. XI – были с Ив. Серг. в Мошенском. В общем, – оч. удачно. Хотя не без приключений: мы прицепились (до Мошенского – 20 км, если не больше. – *Ел. Б.*) к двум подводам из нашего колхоза, которые везли сдавать дровни в Мошенское. Катя нарядила Морозовских парней: Палушу и Алеху. Эти хамские гуси в дорогу сели на быстрого Орлика, а нас оставили плестись на тягучей Зорьке, – но это еще пустяк; в Мошенском они, сделав свои дела, просто удрали от нас, даже не предупредив, что уезжают, – добирайтесь, дескать, как сами знаете. Я озаботился, чтобы их вызвали в с/совет и сделали внушение. С них, впрочем, как с гуся вода.

6.XI – прорыв почты. Мы получили три письма из Лен-да, два из Нижнего Новг.

Из Ленинграда от Анатолия Бианки.

5/XI–41 г.

Третьего дня, Вить, получили твою открыточку от... 22/IX – больше месяца блуждала. Был Гр. П. и мы договорились, что он пропишется с Анной Яковлевной у Вас. Платить за обе квартиры он, кон., не может, а времен. жильцы (в Ноник. комнате) вероятно не пожела-

ют. Хочу обратиться за помощью в Союз, но боюсь, что ничего из этого не выйдет. Ты бы выхлопотал к.-н. бумажку о моратории, если не об освобождении, то на время безработицы.

Я просил снизить мне квартплату за октябрь, т. к. весь месяц был без работы, но мне разъяснили, что безработным считается лишь тот, кто минимум три месяца (!) не имеет дохода. Как тебе это нравится?! Но ты, пожалуй, под это правило подойдешь?

У меня есть метрика, а твоей никогда не имел. В формулярном списке отца есть список детей и ты в этом списке упоминаешься.

У Андрея Г. П. был. Он весел и бодр, сыт. И Н. С. Иванченко Г. П. собирается искать, но это не так просто. Он очень занят.

Привет всем! Катя 6-м здорова. Я пока работаю на 2 линии в зд. Г. Г. И.

Целую.

А. Бианки

Всех Вас, мои дорогие, крепко целую. Из Молотов. обл. от наших вести очень грустные... Но помочь им мы не знаем чем, надеемся, что свяжутся с Элей и уедут к нему или к Ол. Ях. Будьте благополучны.

т. Катя.

Г. П. Гроденскому в Ленинград.

7.XI–41 г. Михеево.

Друг сердечный!

Радость, радость: получили письма с родины вчера! Твое от 17/18.X, Толино от 21.X и Муськино от 21-го. Во, брат? Это после двадцатичетырехдневного мертвого перерыва. Уж и не чаяли такого счастья.

Твое письмо полно лирического теста, и факты в нем — как изюминки. Напр., Рафаэль или мыши проф. Ганике. Какие-то скользящие сообщения. Так не столько поражает описание твоих родственных чувств к Рафаэлю, сколько тот факт, что ты имел возможность пожать руку этому симпатичному юноше. Три твои цитаты из Стендаля прекрасны и ко времени. Правильная философия там, где ты сейчас находишься и в твоем положении. Но «в прекрасном далеке», где сижу я и размышляю «под мангровым деревом», мысль идет дальше и глубже, хотя «прекрасное далёко» мое стало далеко непрекрасным близким. В ответ тебе позволь и мне процитировать давно знакомые тебе строки:

Жизнь — без начала и конца.
Нас всех подстерегает случай.
Над нами — сумрак неминучий,
Иль ясность божьего лица.

Так, значит: «его величество Случай». Чистый Дарвин: у старика эволюцией правит именно этот монарх. Но не до конца: в конце концов, и случай не случаен, а есть нечто, что отбирает полезные (и необходимые!) случаи, которые и создают неизбежную эволюцию (Берг). Такова и восточная мудрость: над судьбою и роком есть еще высшая сила — Ананке.

И вот — продолжаю цитату:

Но ты, художник, твердо веруй
В начала и концы. Ты знай,
Где стерегут нас ад и рай.
Тебе дано бесстрастной мерой
Измерить все, что видишь ты.
Твой взгляд — да будет тверд и ясен.
Сотри случайные черты —

И ты увидишь: мир прекрасен.
Познай, где свет — поймешь, где тьма.

Вот и все, что хочу сказать по этому вопросу. Название цитируемой поэмы знаешь ты сам. Дополню только, что ничего величавее этой поэмы — со времен Данте — не знаю.

Что ж, человек? — За ревом стали,
В огне, в пороховом дыму
Какие огненные дали
Открылись взору твоему?
О чем — машин немолчный скрежет?
Зачем — пропеллер, воя, режет
Туман холодный — и пустой?

Осень ли, зима ли — тут чудесно. «Природа, — пишешь ты, — ...обильно входит в мою жизнь и питает оптимизм мой». Да: этим спасаешься. Только «оптимизм» тут слово неподходящее. Возьми — «покой». («На свете счастья нет, Но есть покой и воля»). И еще Пушкин:

Есть упоение в бою
У страшной бездны на краю...

Однако, мы с тобой не упоения ищем в бою и бездне, а того, что единственно помогает человеку не бояться смерти и пыток, — рожденного мыслью и верой покоя душевного. Обрести душевный покой — покой и уверенность и веру в то, что сотрутся «случайные черты» и мир опять будет прекрасен (хоть мы с тобой и падем, как падают под серпом колосья, дающие хлеб), жить этой мыслью, — вот наша задача.

И еще раз Пушкин:

...Почто ж кичится человек?

Но дважды ангел вострубит;
На землю гром небесный грянет:
И брат от брата побежит,
И сын от матери отпрянет.
И все пред бога притекут,
Обезображенные страхом:
И нечестивые падут,
Покрыты пламенем и прахом.

Сильней еще никто не сказал.

9.XI.

Из подражания тебе, желанный друг, — а может, и из внутренней потребности наполнил и я свое письмо лирическим текстом.

Спешу сообщить немногочисленные наши «факты».

Как видишь, мы все еще в Михееве. Удастся ли выехать отсюда, — бог весть. Деньги мы с Ив. Серг. получили на днях (по «акту»). Но ведь у меня здесь за эти месяцы накопилось долгов выше головы. Половина полученной суммы ушла на покрытие их. Остаются гроши, на которые тоже кой-что необходимо приобрести, — напр., валенки Малыге. Что же останется на дорогу? Зима. Холод. И неизвестно, сколько недель (месяцев?) придется пробыть в пути... Неизвестно, как там устроимся.

Пока — здесь нам ничего не грозит. И не покидает мысль о возможной возможности присоединиться к вам. Чего бы лучше! Вот мы и колеблемся: один день совсем решаем бежать, другой — остаемся.

Уехать трудно, очень трудно — почти невозможно, не рискуя погубить семью.

Тут мы вполне сыты (даже мясо, даже масло!) и в тепле. На заработанные трудодни выдают нам приличный запас разных (основных) благ. Днем занимаемся

делами («практическими»: писать я давно потерял способность, хотя голова и сердце продолжают работать); вечерами — «беседа круг стола» и чтение. Читаю я; все слушают и работают свое: рисуют, вяжут, шьют и т. д. Малыга самый страстный слушатель. Ему вполне доступен уже Гоголь (прочли даже «Мертвые души»), Пушкин («Капитан. дочка»). Сейчас читаем «Трех мушкетеров».

Рядом с нами приземлились уже три подшибленных немецких самолета. Изредка вдали грохает. Связи с близкими никакой. Еще только от Людмилы Толстой письмишко (они в г. Горьком). И видел 3 номера «Лен. Правды» за октябрь.

Что Андрей? Был ли ты у Иванченки, у Мих. Клементьева? Приступил ли с 3.XI — к занятиям в школе? Пиши каждые 3–4 дня хоть открыточки, в каждой повторяя основные факты. Очень беспокоит меня молчание Нины Мих.

Целуем тебя, любим. Привет А. Як., Т. Груше. Будь жив.

Твой В.

Из Ленинграда от М. И. Кукса.

10.XI–41 г.

Дорогой Виталий Валентинович!

У меня к Вам большая просьба, — если у Вас найдутся лишние журналы «Костры» или детские книжки (возраст 9–11 лет) — не откажите послать бандеролью моему мальчику. Его адрес: г. Актюбинск, Новочеркасская ул., д. 20. Илюше Кукс. Он там живет с матерью Александрою Николаевной Якобсон. Илюшке совершенно нечего читать, а из его обширной библиотеки мне не удается отсюда ничего отправить.

Как часто вспоминаю чудное свое путешествие к Вам — прекрасные места и планы на лето — которые не осуществились... Передайте привет Вашей милой семье и Ивану Сергеевичу, если он там. Жизнь наша идет в напряженной работе по специальности — тематика оборонная. Валя К. работает в «Боевом карандаше». Юрка Васнец работал там же, сегодня уехал наконец в Пермь к своей Галочке. Конашевич живет в городе.

Пожелаю Вам всем здоровья. Лен-д. 10/XI.41 г.

Ваш Миней Кукс.

Дневник Вит. Бианки.

5–8.XI — Затишье.

9.XI — Опять бухает над Nord-лесом.

11.XI — всё бухает и ворчат самолеты, несмотря на то, что утром было –23 °С. Под вечер один раз так ахнуло, что изба дрогнула (в стороне Кушаверы). Ухает и в ночь на 12-е.

Вит. Бианки — Григорию Павловичу Гроденскому.

12.XI–41 г. Михеево.

Сердечный друг!

Вот более точно подходящий к моим мыслям, о которых я говорил в прошлом письме, не вошедший в поэму:

Нет, то не рог Роланда слышен,
То звук громовых труб иных!
Так, очевидно, не случайно
В сомненьях закалял (я!) ты дух,
Участник дней необычайных!
Открой свой взор, отверзни слух
И причастись от жизни смысла,

И жизни смысл благослови,
Чтоб в тайные проникнуть числа
И храм воздвигнуть на крови.

Последние три дня меня вдруг опять позвала работа — да так непреодолимо властно, что хоть вчера трахнуло так, что вся избенка затряслась, — я не бросил пера. Третий день пишу такое, что никак не реализуешь ни на деньги, ни на продукты, — своего рода ответ на «Возмездие» (в прозе, кон., но проза музыкальная). Трудно адски, — и я чувствую себя героем, написав полосьмушки за день (десятки, сотни вариантов!), но как это непреодолимо, когда требует «к священной лире Аполлон».

Начинается так:

Распахнулось окно во вселенную.
Мы спали.

Уже по этому можешь судить о размахе вещи. Если удастся написать, — пошлю тебе — на далекую твою звезду.

Идиотство, кон., заниматься такими вещами в такое время, но — хоть небо упади на голову, — самое главное: остаться самим собой.

Еще одной мыслью влечет меня поделиться с тобой.

Во Франции, как известно, есть «могила неизвестного солдата». Француз ли, англичанин ли, американец подойдет, — все снимают перед ним шапки. Легенда утверждает, что похоронен там русский солдат.

Хочу писать: какую же священную могилу должны будут воздвигнуть оба полушария неизвестному русскому солдату после нынешней войны?

Пора, однако, из эмоций на землю.

(В. В. Бианки повторяет «старое, так как нового у нас почти ничего нет, а эти (тебе и Толе) письма имеют больше шансов дойти, так как их опустят на ст. Хвойной». Повторяет сам и просит дублировать сообщения и в письмах к нему, так как не уверен в доставке почты. — *Ел. Б.*)

Денно и нощно болят наши сердца за вас там — родных, любимых. Много отдал бы, чтобы оказаться там с Вами и разделить с вами тяжесть и опасности этих черных дней: мы-то здесь, сравнительно, «на спокое» и сыты вполне.

Деньги из М-вы я получил на днях, но, во-первых, половина сразу ушла на покрытие долгов, а, во-вторых, выехать нам отсюда к Нерейке почти невозможно: и грошей мало, и холод (–23 °C), и не стронешь семьи с насиженного места в долгое и почти наверняка гибельное путешествие, не зная даже точно, куда ехать (так и не прислали нам адреса из М-вы).

Надеемся, что неожиданно ранние холода здорово расстроят планы немцев и помогут нам.

Видел три №-ра «Лен. Правды» от конца октября, а сегодня читал речь Сталина, в местной газетенке перепечатанную. Вот и вся наша информация. Остальное, если не считать «сарафанного радио», все свои домыслы. «Радиосорока» на длинном своем хвосте черт те чего не приносит, но ведь на то и дана башка человеку, чтобы из множества «слуховых» фактов выбрать то, что похоже на истину.

Итак, о нас говорить нечего: мы сыты, на нас «не капает», мы бодры.

(Дальше В. В. повторяет сказанное в предыдущем письме. — *Ел. Б.*)

Дер. Михеево. Виталий, Валя и Вера Николаевна. (Зима 1941 г.)

Из дневника Вит. Бианки.

Ухает в ночь на 12.XI и днем и ночью 13-го и 14-го. А в ночь на 15.XI три длительных громоподобных «уханья» и затем еще два таких же (дрожали стекла) в стороне Хвойной около трех часов дня. На следующий день выяснилось, что была бомбежка станции Хвойной. Кто говорит — 16, кто 17, кто 20, а кто и 40 бомб спустили на состав в 40 вагонов (заключенных везли на фронт, поезд стоял у станции); разрушен дом.

14.XI — Талек последние дни чувствовал себя плохо. Сегодня у него повысилась t: 38,7°, 39,0°. Не воспаление ли легких?

Барометр поднялся до 78, на улице мороз (−13 °C) и страшная вьюга.

Валюшка завел моду термометр держать по песочным часам. У нас — пятиминутки. Раз перевернет и когда вверху песочек иссякнет, — вот 10 минут, — можно вынимать градусник.

Последние дни опять мне непреодолимо хочется писать стихи. Песочные часы всегда действовали на меня поэтически, — как и солнечные. Я поставил их перед собой. И утром 14.XI написал половину, а утром 15.XI другую половину стихотворения.

Песочные часы

Струя течет, не иссякая, —
Звеня, растет гора живая,
Песчинкой каждою сверкая,
стремясь в зенит.
Звенит, звенит, —
И рухнула. И кто-то
Вверх дном перевернул сосуд.

Так наши дни текут, полны
Высокою заботой;
Умрем, — наследники встают.
И вспять течет струя, сверкая.
Опять растет гора живая,
Подняться в небо уповая.

Глядя на растущую горку песка в сосуде, представил еще себе растущий век (в течение всей человеческой жизни). Гора стала огромной, каждая песчинка значительной — золотой на солнце поток их зазвенел.

16.XI — целый день — воскресенье! выходной? день... нет канонады, разрывов бомб и не летают немецкие са-

молеты (не в первый раз уже замечаем эту воскресную тишину!)

15.XI – Продолжение радиосороки.

...разрушило дом Милиции и, кажется, часть ж. д. депо. Много жертв. Воспользовавшись суматохой, кто с аэродрома тащит туши, сыры и пр., кто продовольственный ларек разбивать. Вот народ! Охулки на руку не положит. Охота воровать пуще неволи (тюрьмы) и страха смерти. Высланные было, говорят, возвращаются.

17.XI – опять заворчали самолеты, но близких разрывов не слышно.

18.XI – Вечером вернувшийся из Мошенского Як. Мих. рассказал, что милиционер Смирнов, охотившийся все это время с моим Шольбергом, сломал его, ударив им собаку.

Смирнов взят на военную службу.

Кто бы поверил: я даже некоторое облегчение испытал, узнав, что Шольбергу конец: так намучился за это время, – удастся вернуть или нет?..

В Мошенском, говорят, молчит радио: вчера провода из Боровичей в Мошенское – будто бы – прерваны одной из четырех сброшенных бомб. Будто бы взят Тихвин (офиц. заявили на собрании). Будто бы погиб доктор Рыбков (мошенской) под Тихвином: переходил реку, лед обрушился – ушел под лед.

19.XI – Будто бы нем. танки прорвались к Москве. В газете («Лен. Правда») от 16.XI – «бои на Наро-Фаминском участке», «Бои под Керчью и Севастополем».

В эти дни из Ленинграда пишут Анатолий и Екатерина Бианки.

18.XI.41 г.

Здравствуйте, родные! Давно от Вас не было весточки, — не знаем, где Вы и что с Вами. На всякий случай пытаюсь переслать Вам весточку.

Мы живы и пока здоровы, даже окна целы. И я снова на работе. Доволен гл. обр. тем, что она на 2 лин. (в зд. Гидрометеорологического института), — не надо ездить. Боюсь, что это удов. недолговечно. К сожалению, будущее все так же неопределенно, а настоящее все так же тяжело. Очень грустно без Неры, хотя и рады, что она не здесь. Недавно пришла телеграмма от нее из Краснокамска, где она поступила, очевидно, в рем. уч-ще. Ни денег, ни одежды у них не хватает. Советовали им ехать в Сибирь, но получают ли они наши письма, не знаем.

Пишите ли Вы нам? Целуем

Ваши А. и К.

Из дневника Вит. Бианки.

20, 21.XI — Тихо. Изредка ворчат самолеты и т о м н о бухает вдали. Говорят, опять бомбили Хвойную. Оттуда едут семьи.

22–23.XI — тихо.

24.XI — утром вдруг идет Степан Чистяков по улице, — раненый, из Уфы приехал. В то же утро его сын Коля, которому нет еще и 16-ти лет («с 25 года») получил повестку явиться в райвоенкомат на приписку и 27-го становится «воином». 27.XI — пошел 1894 год, 29.XI — 1893 г.

26.XI — Первый день у Т. t° с утра норма. Но вечером опять сильные боли. У Валюшки тоже все время животишка расстроен.

Вечерами читаю вслух «Записки Пиквикского клуба».

Из Ленинграда от Анатолия Валентиновича Бианки.

29.XI.41 г.

Как и ты, Витя, мы было бросили уже писать, т. к. целый месяц не получали никаких писем и не верилось в возможности отправки и наших. Твои, почти торжественные письма от 7 и от 12.XI говорят однако, что прорывы случаются. Поэтому сообщу главнейшие события наши за последние два месяца. Начну с последнего, самого неожиданного и неопределенного по его последствиям: 23/XI Григ. Павл. призван в армию и, уйдя из дому, не вернулся, до сих пор не знаем, куда он назначен и где находится. В твоем кабинете живет Анна Яковлевна. Ей, конечно, очень тяжело — остается одна совсем, плохо ладят с т. Грушей, трудно с питанием и пр. Видеться со знакомыми теперь очень трудно, так как днем этому мешают немцы, а в темное время, кроме того, ноги сломишь и глаз выколешь. Поэтому все твои поручения — проведать, навестить, узнать, — при всем желании выполнить не могли и едва ли скоро сможем. Учти, что телефон. связи совсем нет, электричество подается лишь спорадически, служба (а у Кати — очереди) отнимают все свободное время и, главное, ноги отказываются повиноваться мозгу.

По сравнению с очень многими знакомыми здесь, мы еще в очень хорошем положении: «здоровы», т. е. не лежим в кровати, до сих пор имеем целые окна и квартиру, которая немножко отапливается, я получил работу (в здании ГГО на 2 линии). Все остальное, — как и у всех — положение окруженной крепости со всеми ее «прелестями». Если суждено нам когда-нибудь увидеться, расскажем, а писать не стоит — к чему усугублять лишения?! Мы, наоборот, всячески внушаем себе

мысль, что «все пустяки», «от судьбы не удерешь» и т. п. и надеемся, ждем лучшего — жизнь и надежда стали синонимами.

Напрасно ты воображаешь, что в вашей квартире безопаснее и лучше, чем у нас. Практика показала, что все дело случая. Ряд препятствий не позволяет нам до сих пор воспользоваться вашим гостеприимством. От дров немного осталось, и того не укусишь — пилить некому, тем более нельзя рассчитывать на возврат долгов. Жильцы оч. неприятные, но пока ограничиваются одной (Ноникиной) комнатой. Оформить переезд так, чтобы не сесть между двумя стульями, невозможно. Сейчас самое страшное, — вытянет ли тетя Груша.

Я поступил в управление службы Балтфлота, пока работаю в здании ГГО, но где буду в декабре, сказать нельзя.

Катя в октябре болела так же как в сентябре, только обморок продолжался не полчаса, а целых четыре. Сейчас здорова, но очень слаба. Сил едва хватает на несложные домашние дела.

Все наши мысли направлены к Нере, Нине, Эле, Гене, но о них мы ничего не знаем. Я неоднократно писал тебе Надин адрес: ст. Шабуничи, Молот. обл., дер. Черная. Лагерь Литфонда. Н. Н. Ваниной. В конце октября Нера уехала оттуда в г. Краснокамск (он лежит в 4–5 км от деревни), чтобы учиться и, вероятно, работать, но где и как устроилась, не знаем, т. к. после телеграммы никаких писем не было. Много раз писал я им, чтобы воспользовались близостью Сергея Ив. Фрейберга (г. Молотов, Рабочий поселок, шлакобетонный дом № 1, кв. 18) и с его помощью переехали в Сибирь — или к Элию, который как будто в Н-Сибирске или к Оле

Ях., благополучно доехавшей до сестры в Барнаул. Ответа от них ни на одну телеграмму, ни на письма нет... А наши на Кавказе и тем более отрезаны совсем.

Эта безызвестность, наше бессилие помочь больше всего гнетет. Остается только ждать. И мы ждем, ждем и надеемся, надеемся, — потому живем.

Верим, что и с Вами, родные, еще увидимся и не где-нибудь, а среди пенатов. Нельзя обольщать себя только одной надеждой, что счастье наступит скоро, необходимо много-много терпения и силы воли.

Крепко целую всех «В» поочередно и вместе, а Н=Е особо. Прошу ее не забывать своего дядю Аристотеля с его женой при распределении билетов на выставку-премьеру.

Ваш Анатолий.

30.XI. Целую и я всех, крепко и нежно. Из письма Т. можете получить впечатление о нашей жизни несколько мрачнее, чем она на деле: я, сравнительно со многими, совсем бодра. Мы не «толстеем» и не худеем катастрофически. Очереди с 5 утра до 6–8 вечера, т. к. трудно поймать полагающееся на декаду. На дек. будет прикрепление к магазину — должно стать легче — только стоять, а не бегать искать. Оч. хочу побывать по указанным тобой, Витя, адресам, повидать бы хороших людей — но смогу ли?.. Душа болит очень за Неру и всех моих... За Вас, родные, все радуемся с Грушей: хорошо, что все вместе и сыты! Целую еще. Мы с Толей часто говорим о Вас, а думаем постоянно. Павел С. давно не показывался — он на фронте. На днях был Костя, — порадовал Грушу и Клавдию. Спасибо за carte blanche на Ваше имущество. Стараемся сохранить все — но удастся ли?.. Т. Гр. обнаружила Витино пальто зимнее, ко-

торое я не нашла, когда отправляла Вам вещи. Если будет морозно, придется им воспользоваться Толе.

т. Катя.

Из дневника Вит. Бианки.

1.XII–41 г. – опять дважды с маленьким перерывом грохало в стороне Хвойной, когда мы обедали (между 2 и 3 часами).

Вит. Бианки – Г. П. Гроденскому.

1.XII–41 г. М-во.

Милый!

С Новым Годом! И хорошо бы – с новым счастьем! Рассчитываю, что мои поздравления придут к тебе как раз вовремя.

Вот что: обнаружилась Нина Михайловна. Вчера получил ее письмо от 28.X. Запомни ее адрес: Политехнический Инст. (Дорога в Сосновку), кв. 71. (Тятин, очевидно). Ее квартира и кв. ее подруги, где она потом ночевала, уже не существуют. Н. М. мыкается по случайным ночлежкам. Вывод ясен: необходимо устроить ее у нас. Заявление о ее прописке я ей послал. Уступи ей мой кабинет. Отдели себе шкафами берлогу в столовой. Н. М. – это наше будущее. Обожаю ее. И все мои тоже. Беречь и беречь ее нужно!

Если хватит сил и времени, побывай у Иванченки, у Андрея, у Мих. Клементьева (б. Эрисмана). Пожми им от меня лапы. П и ш и т е !.. Письма и телеграммы теперь иногда доходят. У нас без существенных изменений. Сегодня солнышко. Шольберг погиб.

Целуем. Любим. Пишите!!!

Вит.

Из дневника Вит. Бианки.

2.XII – еще не рассвело, – начали ворчать самолеты. Утро, ясное солнышко. То и дело ворчат: заводят моторы где-то в стороне Хвойной. Под вечер опять слышны разрывы в направлении Песи.

Ночью слышна канонада.

3.XII – седой дятел прилетел к нам на избу. Серых куропаток совсем не видно, даже их следов. Только однажды Ив. Серг. видел маленькое стадечко близ Сивцева.

От Г. П. Гроденского.

4.XII, вечер.

Бесконечно близкие и родные вы мои! – сегодня у меня двойная радость – вырвавшись из казармы (вот вам и новость обо мне!) на пару часов повидался с мамой и получил ваши письма от 7–12/XI! – и настроение сразу радостное и хорошее. Как я рад, что вы живы, здоровы и никуда не двинулись! Ну и чудесно! Как завидую вам, как хотел бы сидеть «круг» вашего стола и слушать «Трех мушкетеров».

Но дни складываются мои иначе. 23/XI меня призвали в армию, но дальше ленинградских казарм я еще не двинулся и сижу в качестве ротного писаря под началом у чудесного командира роты. Представляете ли вы меня в шлеме, 2-х бортной темно-синей куртке, обмотках, ватных штанах? Да я и сам себя не представляю. Положение у меня удачное. Пока. Никогда не знаешь, что будет к вечеру, – но пока я сижу и занимаюсь писарскими делами.

Положение с Ленинградом трудное, но мы все надеемся, что кольцо будет разорвано и город, и люди спасены. К этому все внимание и надежды. Писать о себе,

о городе, о квартире сейчас не могу, — нет времени, а эту записку примите как крик радости неожиданного красноармейца 2-ой роты N-ского батальона!

Спасибо тебе за хорошее поэтическое письмо, читая его в казарме, я согрелся близостью с вами всеми, — спасибо Ноне, Талюше за приписки — поймите, какая все это радость для меня, родные вы мои. Теперь буду стараться писать чаще. Надеюсь еще видеть вас, быть в Михееве, сидеть за столом и есть какие-нибудь котлеты, жареную картошку, хлеб, суп!

Ну, будьте счастливы, бодры и радостны. Целую всех.

Гриша.

Дневник Вит. Бианки.

5.XII — С утра гудят ноющие (немецкие?) самолеты, явственно слышна канонада. В одиннадцатом часу большие, тяжелые разрывы бомб, — сотрясают пол в избе. Сильные разрывы до темноты.

Проснулся с рассветом. Сумерки. На крыше соседней избы (W) сидит большая луна, такая почти большая как в стих-нии А. Блока:

Из длинных трав встает луна
Щитом краснеющим героя...

бледно оранжевого цвета. И скатилась по ту сторону крыши. Скоро разъяснело, −27 °С было утром. И сильный ветер.

6.XII — Утром −27 °С и ветер. Днем ветер стих.

4–6.XII — останавливался у Яшки учитель Алексеев Иван Алексеевич — беженец из-под Ст. Руссы (Поддорский район). Бежав, он заболел азиатской малярией и пролежал в Рыбинске три месяца. Теперь разыскивает

свою семью. Подарил ему «Войну в лесу» с указанием своих адресов.

7.XII – Утром –32 °С! Днем –25 °С, безветренно.

8.XII – Утром –14 °С. Сильный снегопад. Ветер. Ночью (22 ч.) +1 °С! Дождь!

Письмо из Ленинграда от Елены Яковлевны Данько.

6.XII.1941 г.

Дорогой Виталий Валентинович! Пишу Вам почти с того света, а на том свете, как известно, обиды забываются, а запоминается только хорошее. Вот и мне захотелось написать Вам, спросить, где Вы, живы ли, рассказать несколько слов об общих друзьях. Сейчас Евг. Львович (Шварц. – *Ел. Б.)* вместе с театром (театр Комедии под руководством Акимова. – *Ел. Б.*), который мы так любили, едет на детские гастроли. Я поручаю ему опустить это письмо в ящик, когда он будет проезжать по Вашей местности. Правда, он вряд ли удержится от лукавого замечания, когда я дам ему письмо с Вашим адресом, ну, что же? Это стало теперь пустяками. Теперь все подверглось суровой переоценке, о чем только не думаешь, слыша свист снарядов и разрывы бомб...

Но довольно болтать. Вы, вероятно, хотели бы знать об общих знакомых. Ал. Гавр. здесь и его семья тоже. Недавно он подарил мне мешочек отрубей, – мы были сыты ими неделю. Это было еще в благополучные времена, когда у Ал. Гавр. были целы окна и дом рядом стоял как обычно. Теперь уже не то. Илья А. подарил А. Г. дрова, которые он и Леок. Игн. пилили и возили домой на санках. Я ведь живу теперь в «надстройке» (так называли верхние этажи дома по каналу Грибоедова, 9, где были квартиры писателей. – *Ел. Б.)* Большинство на-

Елена Яковлевна Данько. (1935 г.)

ших соседей нас покинули, остальные покидают на днях. Остаются только Шишковы и мы с мамой и сестрой. Первые — так как здоровье Вяч. Як. Ш. не позволяет дышать воздухом высот, мы же — потому, что нам никто не предложил этого, да и мама, конечно, не выдержала бы дороги. Мама очень слаба. Я спервоначалу много работала, а теперь — сдала. Лидия Анатольевна — тоже здесь, работает много, трудно, по своей прежней профессии. В часы отпуска забегает к нам, говорит: «Еще раз взглянуть на дорогие лица». Каждый раз прощается как навсегда. Прощаюсь и я с Вами. Желаю Вам и Вашим близким пережить это трудное время, счастливо работать, увидеть нашу победу и светлые времена. Не знаю, как Вам живется теперь, но мне была утешением мысль, что Вы и Ваши близкие остались в сравнительно тихой местности, и в газетах было об успехах на полях и огородах Вашей местности, значит — там живут и хорошо работают. Если получите это письмо и захотите ответить, — мой адрес Вы знаете — кан. Грибоедова, «надстройка», д. 9, кв. 57, но мы почти не получаем писем. Еще раз всего хорошего.

Е. Данько.

P. S. Здесь с нами была Анна Андр. Это было моей радостью. Теперь она с Семочкой и другими — в Ташкенте. Ваш приятель Бр. — здесь, говорят поздоровел на земляных работах.

Из дневника Вит. Бианки.

11.XII — Утром («утром» — всюду значит с рассветом) –17 °С. Вчера из Дерягина привез предколхоза двух барашков — нам и Ив. С. (500 р). В них — ни жиринки.

12.XII — Утром –12 °С, ветер. За ночь нападало много снега.

13.XII — Утром –21 °С. Снег очень углубел. Вместе с клубами белого мороза к нам в избушку ворвалась радость: две открытки от Толи, от Оли Яхонтовой и Кукса.

Угрозыск сделал обыск у старика Феденьки; отобрано: 85 осьмушек махорки, 5 кило сахару (это нахапал его зять в Боровичах) и 6 пудов (!) шерсти (это у несчастного нищего Феденьки — свое уже). Шерсть здесь в цене — 50 р. кило, — да не достать.

14.XII — очень холодно. С сегодняшнего дня начал пилить и рубить дрова для дома. И еле отдышался: — сердце никуда.

15.XII — Утром –32 °С. Иней еще толще. Газета принесла весть о победах под Москвой. Погода самая летная — ясно, — но ни разу не проворчало: воскресенье. Говорят, пригнали красноармейцев — строить железн. дорогу Боровичи — Хвойная. Пойдет, будто, задворками Заделья, — на Меглино, — Ташковскими полями, — между Рысовым и Щитовым — на Остров и дальше.

16.XII — Утром –12 °С! Всю ночь была вьюга. Столько навеяло снега, что наши на Хвойную с сеном не поехали.

Открытка от Нереи Бианки.

17.XII–41 г.

Дорогие михеевцы. Папа пишет, что Вы собираетесь сюда, в Лагерь. Думаю, что теперь Вы уже наверняка

отложили поездку. Не знаю, получили ли Вы мои открытки, но в них не было ничего хорошего. Сначала здесь было просто ужасно: и питание, и помещение — ниже всякой критики. Теперь утряслось: мы на хорошем пайке, ребята трех старших классов живут в Краснокамске. Сначала интернат помещался в одной комнате. Теперь ее разделили на мальчишескую и нашу половину, отгородили часть коридора под кухню и освободили еще комнату.

Пока нами руководит Грюнберг и Торжанина, на днях должна их сменить Марина Н. Чуковская. Надя будет кладовщиком лагеря. Группой старших и средних школьников заведует Зоя Ал. Никитина. Главный лагерь помещается в деревне Черной в школьном помещении, взрослые живут в избах, причем довольно большой жилищный кризис. Ясельные семьи помещаются по 2–3 в комнате, в Черной сплошь и рядом на семью дают 6 м^2. Вообще, мне кажется, если ехать, то никак не сюда: в довершение всего — Литфонд все время угрожает развалиться, обанкротиться.

Целую всех. *Нера*[1].

Эля в Томске.

Обратный адрес: Молотовская обл., г. Краснокамск, ул. Карла Маркса, 25.

Интернат Литфонда.

Из дневника Вит. Бианки.

20.XII — заходят красноармейцы из Заделья — ж/д батальон.

---

[1] Нерея Анатольевна Бианки (р. 1924 г.). Была отправлена в эвакуацию с Надеждой Николаевной Ваниной и ее детьми Инотаром и Мариной.

22.XII – утром – 0 °С! 22/23.XII – ура! – перевалило! День зимнего солнцестояния миновал.

23.XII – настроение у бойцов самое победное. Болтают уже, что «немец миру запросил».

25.XII – часть красноарм. из Заделья и Рысова угнали, говорят, – исправлять ж/д Хвойная – Ленинград.

26.XII – Радио приносит вести о постоянном продвижении наших войск от Москвы на Запад и к Лен-ду на запад.

Открытка В. Бианки – С. Н. Поршнякову в Боровичи.

24.XII–41 г. Михеево.

Многоуважаемый Сергей Николаевич.

Сейчас получил Вашу открытку от 20.XII – и очень ей обрадовался. Мне чрезвычайно приятно будет поддерживать с Вами связь, может быть даже мы чем-нибудь и полезны окажемся друг другу в дальнейшем.

Мы всем семейством «вмерзли» и остались зимовать в Михееве. Это куда лучше, чем предполагавшийся дрейф на восток: вряд ли удалось бы сохранить детей, – они и здесь болеют. Живем в тепле и сытно – пока; во всяком случае гораздо сытнее, чем там у Вас или в Ленинграде. Из Лен-да время от времени получаю письма. Вот и сегодня получил от брата и от Григория Павловича. Григорий Павлович с матерью жил у меня на квартире, а с 23.XI – он призван в армию; пока в Лен-де писарем.

По части наблюдений над природой в этом году у нас очень слабо обстоит дело: не до них. Все же, кое-что делали с сыном, и рады будем поделиться с Вами, чем можем, – например, сделать для Вашего Музея давно обещанный список позвоночных, нами здесь зарегистрированных.

С. Н. Поршняков. (1969 г.)

*Открытки,
посланные С. Н. Поршнякову
В. В. Бианки. (1941–1942 гг.)*

Вы очень обрадовали бы нас, если бы выбрались сюда к нам погостить хоть на 2–3 дня, – сейчас на санях, а к весне – по железной дороге. Мы все очень скучаем здесь без книг: что было с собой, – все перечитали. Если бы Вы нашли возможность прислать нам «Войну и мир» или романы Диккенса и т. п. толстые книги, – очень были бы Вам благодарны. Привет от Веры Ник. и всего семейства.

Ваш Вит. Бианки.

Составляю «Толковый словарь Мошенского наречия». Это Вас не интересует?

Письмо из блокадного Ленинграда от Анатолия Валентиновича Бианки.

24.XII–41 г.

Дорогой Витя!

Вчера пришло твое письмо от 16/XII (с оказией), а сегодня Катя (Екатерина Ивановна Бианки – жена Анатолия. – *Ел. Б.*) принесла с 3-ей л. открыточку от 4/XII, посл. через Хвойную.

Очень тяжело А. Я. и т. Груше. Жильцов до сих пор не выселили. Вода не идет. Дров нет. Мы переехать пока не можем. Нет сил даже на посещение всех твоих знакомых – больных и здоровых. Ведь трамваи не ходят, нет света, в квартире 5°. Одна надежда на скорое освобождение пути. Прилагаем все силы к сбережению сил. Нера в Краснокамске (учится?). Больше ничего ни о ком не знаем. Будьте живы.

Твой Анат.

Письмо Гр. Пав. Гроденского из Ленинграда.

26.XII–41 г.

Дорогой и родной Виталий!

Все письма мира идут сейчас, вероятно, с одним и тем же новогодним пожеланием — пожеланием мира и жизни. Вот страстно хочется видеть Вас, а об этом можно только мечтать. Желаю Вам жизни, здоровья и мира. Мир — тогда и мы соединимся и как певцы Калевалы, взявшись за руки, будем петь о том, что мы живы, здоровы, о том, что было и о том, что миновало нас и о том, что жизнь для нас еще продолжается и все страшное позади. Очень часто, сидя у печки, я мечтаю о том часе, может быть какой-то одной минуте, когда мы вновь окажемся вместе! Мечтаю и не верю, что может быть опять все, как было, что можно будет смеяться, рассказывать, слушать, сидеть, видеть друг друга, а о сегодняшнем только вспоминать. Вот этого — жизни и мира, я и желаю Вам всем, бесконечно дорогие мои люди-близкие на Новый год!

У меня уже месяц жизнь течет в казарме. Положение писаря да еще и старшего в роте, отношение командира роты и командира взвода (к счастью, культурнейших и умных людей) ко мне делают мою жизнь не только относительно сносной, но и явно привилегированной — тут судьба благоволит мне, я нахожусь здесь в более благополучном положении, чем все остальные, хотя понимать это следует все-таки с оговорками, есть очень многое, что угнетает меня, вгоняет на целые дни в грусть или гнев, но я все время помню, что мне лучше, чем другим и что надо мной счастливая звезда, а все плохое (внешнее и внутреннее) проходяще и тленно и подвержено таянию, как снег.

Самое главное — я здоров и жив и верю, что выдержу все, что мне положено событиями этих месяцев.

Через несколько дней Новый год, — мысленно я буду с мамой и с Вами и в 12 ночи — я, увы, тоже только мысленно, обниму и пожелаю радости, мира и нашего свидания.

В городе плохо, — маму не видел с неделю и боюсь думать о ней — вот комроты, снисходя ко дню моего рождения (тоже вам дата!), обещает отпустить на полдня домой, и я радуюсь и страшусь — в каком положении ее застану!

Оптимистических слухов и изменений в последнее время много и это подбодрило. Прибавили хлеб — самое главное!

Мы в сравнении с гражданскими находимся в лучшем положении и переживаем эту тяжелую для города полосу значительно легче, и во много раз в лучшем положении. Внешний мир выключен совершенно и вся жизнь проходит в стенах казармы, выключен настолько, что кажется только и существуем мы, а за стеной мрак и пустота, конец Мира. Выключена и природа — это очень трудно — я нарочно выбегаю вечером во двор, чтобы посмотреть на клочок неба, звезду, луну. Нарочно лишний раз перебегу из корпуса в корпус под чудесным снегопадом. Бойцы притащили мне ветку сосны. И к удивлению — на столе писаря — зелень!

Писарство отнимает много времени, — меня с души воротит от дел писарских, к счастью, хорошая пара помощников облегчает мне канцелярскую работу.

О знакомых и друзьях ничего не знаю. Никому не пишу, ни от кого ничего не получаю. Мечтаю вырваться из казармы на более вольную работу — хотя дело это

довольно безнадежное — все же послал рапорт Тюркину (тому самому!) в ТААС, другой — в воен. отдел «Лен. Правды», а третий в госпиталь (хоть санитаром — все не в казарме!). Выйдет ли что-нибудь из этого, — не знаю. Мало вероятно — надо хлопотать лично, а из казармы не выпускают — вот вырвусь на несколько часов, может быть удастся что-нибудь сделать. Положение тут не твердое и могут в любой день снять с писарства и послать куда-нибудь, либо в действующую часть, либо в рабочую роту. Под этим и ходим. Но пока все у меня без изменений.

Ну, родные вы мои, — какие-то начинаются писарские дела. Я даже отвык письма писать за это время. Только маме и пишу, не сердитесь на меня за это — писать письма трудно и по времени и по настроению.

Вечером при коптилке ухитряюсь читать Диккенса и Пришвина и согревать себя строчками этих книг.

Целую крепко. Пишите на свой собственный адрес. Поддержите теплым словом мою маму.

Бесконечно предан вам.

Гриша.

26.XII–1941 г. Гренадерские казармы.

Письмо из Ленинграда от Анатолия Валентиновича Бианки.

28.XII–41 г.

Отъезд Свиньиных и других знакомых, обещавших захватить наши письма от 16.XII отложен в связи с ожидаемым освобождением жел.-дор. пути. За эти дни стали приходить отдельные старые (от октября) письма. Получена и от тебя открыточка от 16.XI, в которой ты сообщаешь о болезни Тали, но еще раньше получи-

ли послан. через Будогощь письмо от 14(?).XII – судя по нему у Вас все благополучно, вы «еще не оглохли», сыты и даже по вечерам можете читать. Мы, кажется, почти лишены этой возможности, т. к. электричества нет, в доме не топят и t° подходит уже к 0 °С (следующие две строчки письма густо зачеркнуты военной цензурой. – *Ел. Б.*).

Посылаю вчера полученную весточку от Ивана Круглова. Надеюсь, что Вы получите это письмо скорее предыдущих.<...>

От Неры получено несколько открыточек, но все октябрьские (X мес.). Часть вестей пропала. Не все поэтому понятно в ее письмах. Видимо, она учится в 10 классе и не работает, т. к. рабочий день, пишет, для достигших 16-ти лет – одиннадцатичасовой (?!). Долго ли ее будут учить и кормить, не известно, т. к. пансион стоит 300 рубл., а денег никаких они не получают, ни от Кесаря, ни от нас.

Мы пока крепимся, хотя Катя и очень страдает, особен. от холода. Если к отсутствию света, тепла и питания замерзнут и трубы, придется спасаться в др. квартиру. Но и тогда надежды на Вашу квартиру мало, т. к. нет дров. Придется, вероятно, поселиться со Свиньиными в одной комнате, пока они не уехали.

Вся надежда на подвоз по освобождению Л-да от блокады.

Целуем крепко-крепко. Если не увидимся, держите связь с Нерой. Адрес ее: Краснокамск, до востребования.

Анатолий.

Иван Сергеевич Соколов-Микитов. (Конец 1940-х гг.)

Из дневника Вит. Бианки.

Поездка в Мошенское 27–28-го XII – с Ив. Серг. на Резвом.

Впереди нас шла подвода, груженая кожами. Рядом с ней шагал старик-колхозник, бородатый и важный. Он время от времени поворачивался и долго и упорно глядел на меня: надо полагать, мой шерстяной «шлем» от холода и длинноухая пыжиковая ушанка сверх него приводили его в недоумение. Взор старца не блистал живой и острой мыслью, был неподвижен и туп. Вдруг лошадь его рванула, воз начал быстро удаляться от нас.

Старец ухватился рукой за оглоблю у дуги и побежал рядом с лошадью рысцой, легко и привычно, — как будто всю жизнь только и делал, что бегал в пристяжных...

На площади (через мост) в Мошенском надпись на заборе: «Останавливаться с лошадьми здесь строго воспрещается». Здесь-то и останавливаются с лошадьми приезжие из деревень, выпрягают, разнуздывают и задают им корма.

Весь день — страшный мороз, метель, ветер. И первое, что слышим в Мошенском — окоченевшие — знойную «арию с колокольчиками» из «Лакмэ». А вечером,

проходя по той же площади (где радио) — «Жаворонок» Глинки.

29.XII — Утром –28 °С.

30.XII — Утром –30 °С.

31.XII — Утром –30 °С.

Замерз воздух — весь в морозном тумане, окоченело и побелело небо. Очень красиво и... страшно.

Гусь Яшка (хозяин) заявил вдруг, что дров больше нет и чтобы мы доставали их как хотим, — он-де не желает на нас работать. С завтрашнего дня норма выдачи хлеба: 300 гр. на служащего и 200 гр. на иждивенца. С завтрашнего дня колхоз «Заря» (Остров) прекращает давать нам молоко (получали 1 литр в день на семью).

—

Новый Год встретили дома без вина. Были Ив. Серг., Л. Ив. и Аленушка. Н., Т. и В. наделали игрушек елочных. Очень развеселили всех остроумные подарочки («маленькие ехидства»), сделанные, главн. образ., Ноникой.

Невеселый Новый Год!

1942 год

Из дневника Вит. Бианки.

1.I — С рассветом –30 °С, днем спустилась до –28 °С, после захода солнца была уже –32 °С.

2.I — Утром –35 °С.

Из письма Вит. Бианки — С. Н. Поршнякову.

1 янв.–42 года, д. Михеево.

...Необходимо нам лично договориться о собрании местного языка. До сих пор, в течение семи лет, прове-

денных мною в деревнях Яковищенского с/совета, я вел запись местной лексики исподволь: записывал все случайно попадающиеся и ранее не слышанные мною слова, поговорки, обороты речи; сейчас делаю сводку их в виде словаря — картотечного каталога, где пытаюсь привести и корни этих слов, происхождение названий, целых выражений и т. д. Это — работа писателя: собирание необходимого ему лексического материала, фольклора и т. д. Записано у меня также и более трехсот здешних частушек («долгих песен» и «песен под пляску», «припевок», «нескладиш», «считалок» и т. д.).

Меня эта работа чрезвычайно увлекает, обогащая писательский багаж. Тут много встречается старинных слов (напр., «пел*е*вна» — сарай для пелевы, соломы), давно вымерших в других местах; много на глазах рождающихся слов (напр., прекрасное новое название дерева — «алейна», т. е. дерево аллей — липа, не встречающаяся здесь в «диком» виде и знакомая местному населению по аллеям, оставшимся от помещиков в их усадьбах; или свежеиспеченное, русифицированное слово «выковыренный» — эвакуированный и т. д.); есть и оригинальные образования слов (напр., многие отглагольные существительные образуются здесь не от неопределенного наклонения: «сидеть» — «сидение», «терпеть» — «терпение», — а от первого лица ед. числа настоящего времени: «сижу» — «сижение», «терплю» — «терпление»).

Однако интересы писателя или, — как говорили в старину, сочинителя, не всегда совпадают со стремлением ученого собирателя языка (филолога, фольклориста-этнографа, географа и т. д.).

Письмо из Ленинграда от Н. М. Павловой.

1.I.1942 г.

Дорогой Виталий Валентинович!

С Новым Годом!

Желаю силы и бодрости, чтобы достойно встретить счастливейший день нашей жизни, теперь уже не такой далекий день нашей полной победы над фашистами!

На днях получила Ваше письмо. Не сошла с ума от радости только потому, что уже знала, что все вы живы и здоровы. Об этом мне сообщила Ваша родственница, открытку которой получила 25.XII.

Очень тронута Вашей заботой обо мне. У меня, признаться, была мысль нахально въехать в Вашу квартиру, но я побоялась, что без Вашего письменного (заочное мысленное согласие я предполагала) согласия меня туда не впустят.

А теперь все равно: взяла отпуск и живу у родителей. Здесь гораздо лучше, чем в городе.

А ведь я сделала попытку вернуться и на свою квартиру. Пострадавшие комнаты — спальню и гостиную — закрыла, оставив себе кабинет, куда снесла все цветы, а перебабе — кухню. И как только наладили отопление, переехала. Как хорошо показалось мне дома, тепло, уютно, тесно и зелено, как в джунглях! Отпраздновали мы с перебабой новоселье четырьмя кусочками сахара и, пожелав ей спокойной ночи, я начала раздеваться.

Спокойной ночи! Кто и когда придумал это пожелание? Какую цену имело оно в прежние безмятежные ночи? Только теперь оно получило настоящий смысл.

Только что я натянула одеяло... Кстати, два слова об одеяле. Ведь оно сумело сохраниться в целости в разбитой снарядом квартире! Нашло-таки выход из поло-

жения. Когда снаряд пролетел над кроватью, одеяло стремительно снялось с места, вылетело в коридор, свернуло налево и опустилось на пол в ванной. Вот что значит, не потерять присутствия духа!

Так вот, только что я натянула это находчивое одеяло на себя, как пронзительный вой сирены заставил меня отбросить мысль о сне.

Все жильцы нашего дома собрались в уголке прачечной, условно именуемой бомбоубежищем. Тотчас завязалась оживленная беседа. Бомбили, по-видимому, за Невой и относительно слабые толчки не портили настроения. Передавали друг другу рецепты немыслимых в другое время кушаний. Рассказывали анекдоты из жизни фугасных бомб.

А я рассказала об одном эпизоде во время артиллерийского обстрела. Это было в начале обстрелов, когда еще во время них движение не останавливали. Я шла на работу. Обстреливали площадь. Люди прятались у домов, дожидаясь разрыва, чтобы успеть перебежать через площадь до нового снаряда.

Я поступила так же. Но не успела добежать до середины скверика, как один за другим сзади и спереди бухнуло два снаряда. Нарядная дамочка, которая шла передо мною, внезапно остановилась. Остальные прохожие, согнувшись, молча пробегали вперед. Дамочка беспомощно оглянулась, прижав к груди сумочку. Потом передернула плечиком и сказала капризным тоном: «Не знаешь, куда идти! Фигаро здесь, Фигаро там! Просто не знаешь, куда идти!»

Мой рассказ имел успех. Даже спокойный, мрачноватый профессор астрономии из 11-й квартиры снисходительно улыбнулся. Юная пара — Вася и Галя — чест-

но расхохотались. И только старушка из 2-й квартиры решила, что дамочка сошла с ума от страха и заслуживает не осмеяния, а сожаления.

Тут раздалась музыка отбоя — самая прекрасная из всех музык.

Я не удивлюсь, если после войны народятся мальчуганы Отбои. Какое это жизнеутверждающее имя — Отбой!

Итак, мы разошлись под веселые звуки отбоя. Однако не успела я захлопнуть за собой дверь квартиры, снова раздалось обескураживающее — у-у-у-у!

На этот раз бомбили наш район. Дом вздрагивал сильно. Беседа прекратилась. Юная парочка — Вася и Галя — тесно прижались друг к другу. Старушка из 2-й квартиры шептала молитвы. Моя перебаба говорила ей что-то успокоительное насчет Богородицы. Один лишь профессор астрономии продолжал оставаться на высоте положения и, стоя у столба под синей лампочкой, невозмутимо читал газету.

Все, однако, и на этот раз обошлось благополучно. Мы разошлись утомленные, но с надеждой, что остаток ночи пройдет спокойно.

Но едва я успела положить голову на подушку, как грохнуло. Да так грохнуло, что оглушило. Я вскочила. Дом качался. Я сунула ноги в шлепанцы, выбежала в переднюю, накинула шубу.

— Вот жизнь какая стала, прямо ненормальная, — плача причитала перебаба.

Мы уже сбегали вниз по лестнице, когда завыла запоздалая сирена.

Бомбоубежище быстро наполнялось измученной, наспех одетой публикой.

— В дом напротив нас! — возбужденно сообщила Галя.

— Помиловал Господь, чутельку бы и в нас, — прошептала старушка из 2-й квартиры. А перебаба авторитетно заявила:

— Живет с нами Богородица, живет матушка!

Тут мы услышали непонятный шум, грохот, рев, свист. Такого не слышали никогда. Все притихли. Ждали страшного, необычно страшного...

Толчок. Миновало!

— Сейчас узнаем, что это было, — воскликнула, вскакивая, Галя.

— Бомба какого-то нового типа, — предположил Вася. Оба побежали во двор и вернулись ликующие:

— Немецкий самолет сбили! Горит! Идемте посмотреть!

В стороне парка над крышей четырехэтажного дома поднимается к небу конус красного пламени. Черный дым заслонял звезды.

Сбили! Горит! От радости хотелось прыгать. Прыгать, как прыгали Вася и Галя.

Ночь была прекрасная, лунная, звездная. Снег чистый и мягкий, а воздух свежий и почти предвесенне теплый.

Сбили! Горит! Надвигался ужас, но вот он сбит и горит этим могучим пламенем. И сгорит до конца!

Двое с верхнего этажа пошли к парку посмотреть на остатки самолета. Остальные вернулись в бомбоубежище: ведь тревога еще не кончилась.

—

— Теперь немец будет нам мстить за сбитый самолет, — неожиданно мрачно заявил Вася. Я ему возразила:

— Может наоборот, испугается и улетит.

С шумом распахнулась дверь. Те двое, что ходили к самолету, запыхавшиеся, возбужденные. Бух! Толкнуло, подбросило. Кто-то упал. «Это уже совсем рядом!»

— Мы слышали, как завизжала, едва успели добежать, — объяснили прибежавшие.

Бух! Пол приподнялся, опустился, опять приподнялся. Заскрипело, захлопало.

— Теперь уже в наш дом, конечно!

Женщины молча крестились.

— Спокойно, спокойно! — сказал кто-то из мужчин ненатуральным голосом.

— Татьяна, — предостерегающе крикнул жене профессор астрономии. — Татьяна!

— Спокойно, спокойно!

«Да нет, что уж там спокойно! К нам, ясно, что к нам. И сейчас, сию секунду...»

Но больше ничего не случилось. И уже через несколько минут Вася и Галя побежали на разведку.

— Две фугасные бомбы у самого нашего дома! — принесли они известие. — Две бомбы и обе не разорвались! Одна с северной стороны у самого фундамента. Огромная воронка. Другая — с южной, метрах в двух. Уже прибыла милиция. Оцепляют. С минуты на минуту можно ждать взрыва.

Вот так перспектива!

Я предложила покинуть наше убежище и перебежать в другое. Но народ не решался: ведь куда ни пойдешь — мимо бомбы, либо северной, либо южной.

— Куды пойдешь-то, куды денешься, — плача причитала перебаба.

— Чудо, чудо, чистое чудо! — твердила старушка из второй квартиры. — Две бомбы и обе не разорвавши. Помиловал Господь.

— С нами мать пресвятая Богородица, вымолили у Заступницы, — прорыдала моя перебаба.

— Нет, товарищи, давайте все-таки двигаться, — настаивала я.

— Конечно, — сказал Вася, вставая. Галя вскочила и взяла его под руку.

Но остальные не сдавались.

— Да ну, пойдемте! Что же мы здесь будем сидеть, как между Везувием и Ключевской сопкой? Справа неразорвавшаяся бомба, слева неразорвавшаяся бомба. Ведь это черт знает что!

— Ничего не поделаешь, — раздался спокойный голос профессора астрономии. — Фигаро си, Фигаро ля!

Мы дружно расхохотались. Да, несмотря на весь трагизм положения, мы расхохотались.

Тут открылась дверь и в комнату вошел милиционер. Он предложил всем выйти и, пробежав мимо южной бомбы, скрыться в бомбоубежище на соседней улице.

Я в своих шлепанцах, в шубе нараспашку и с открытой головой бежала, кажется, быстрее всех. По крайней мере я первая прибежала.

Ну вот и вся история! Южная бомба взорвалась через сутки и разрушила до основания соседний дом, а также наши водопроводные и теплопроводные трубы. Северная — взорвалась на 19-й день, когда ее уже извлекли с пятиметровой глубины. От нее наш дом пострадал сильно: даже внутренние перегородки рухнули или растрескались. Даже, простите, стульчаки в уборных и те раскрошились. Но в общем-то еще ничего — бывает и хуже.

Ну, всего Вам хорошего! Может, следующее напишу с Урала. Все-таки думаю эвакуироваться. Привет Вашему семейству. Вспоминаю Вас и Вашу семью каждый день.

Ваша п. у. (преданная ученица. — *Ел. Б.*) *Н. Павлова.*

Открытка В. Бианки — С. Н. Поршнякову.

г. Боровичи,
Набер. Окт. Революции, д. 17.
Заведующему Краеведческим музеем
Сергею Николаевичу Поршнякову.
4.I–42 г. Михеево.

Многоуважаемый Сергей Николаевич.

Подобрав материал для «Списка позвоночных», я стал перед вопросом: в каком виде сделать для Вашего Музея список: писать на обычных листах все виды подряд, или делать карточный каталог? Карт. каталог считаю наиболее удобной формой подобных работ: ведь список систематический, а не хронологический в порядке наблюдений; новые, вновь отмеченные виды и наблюдения не в конце его, а в середку. Вставить в карт. каталог это не составляет труда.

Черкните, пожалуйста, незамедлительно делать ли карточный каталог, учтя, что для этого понадобится некоторое количество бумаги (свыше двухсот видов-карточек), которую я буду просить возместить мне из запасов Музея, т. к. из своего запаса много истратить не могу. Жду Вашего ответа, чтобы приступить к работе. Забыл сообщить Вам в прошлом письме, что здесь рядом с нами (в деревне Морозово) живет Ив. Серг. Соколов-Микитов, писатель, много изъездивший земли русской и других земель (только в Арктике был 5 раз).

Он в таком же положении, как и я (известный охотник) и тоже нуждается в работе. Приедете, привезите какие возможно книги для чтения, — только не тоскливые и потолще. Привет!

Вит. Бианки.

Из дневника Вит. Бианки.

5.I — Третий день болеет наш котенок... Малыга необычайно нежен с ним. Называет его «чадо милое» (подхватил из былины о Ваське Буслаеве...) Только теперь мы узнали, что тут по всем деревням так и мрут молодые кошки <...>. Нечто вроде кошачьей чумы (вроде собачьей).

В первый раз в жизни встречаюсь с такой штукой. Или уж в этом году мор на всех: на людей, на собак, на кошек, на скот?..

Малыга страдал, но молчал <...> Я уже сговорился с Т. и Н., чтобы поддержали меня, когда я заговорю о том, что вот теперь, когда нет в доме кошки, можно, наконец, нам завести Кузю Двухвостого, Снегирушку-Милушку и других птиц. Опять ведь ни скотинки дома у нас, и Малыга остался сиротой. И вдруг Малыга, садясь завтракать, говорит: — Итак, котик смылся — и записки не оставил! — Я скорей о птицах.

...Вечером начал читать вслух второй том «Войны и мира» (случайно нашелся у кузнеца Осипа).

7.I — Утром –16 °С, — солнце и месяц на небе. Утро силится и не может улыбнуться: улыбка мерзнет. Какая грусть в этих беспомощных зимних утрах темного севера.

Вечером с Н. были в Морозове у Ив. Серг-ча. Вернулись поздно. Видим, — за столом у нас сидит неожиданный гость — Серг. Ник. Поршняков (Зав. Боровичским

Краеведческим Музеем). И три дня подряд, напав на свежего человека, я болтал, болтал — не мог выговориться. Заключил с ним договор на статью «Об изучении птиц местного края. По данным наблюдений В. В. Бианки и группы ленинградских юннатов в окрестностях дер. Михеево Яковищенского с/совета в 1935–36 гг.». Гонорар колоссальный: 100 р. печ. лист... (Договор на два листа. Но я рад и этому заработку). Словарик свой местного наречия (больше тысячи слов) отдал Музею так, — даром. (Средств-то у них нет больше).

Письмо В.Бианки — Г. П. Гроденскому.

7.1–41 г. Михеево.

Вот и 1942-ой год. Мы здесь пытались встретить его празднично, вытащили все припрятанные остатки вкусностей, поставили елку, разукрасили ее, даже подарочки всем приготовили — маленькие ехидства, маленькие нынешние ценности — для улыбок. И позвали в гости морозовских: Ивана Серг., Л. Ив., Аленушку. Ничего не вышло. Не порадуешься, когда колом в голове мысль: «а что наши питерцы?..» Вина не было. Прочел я две весенние сказочки Нины Михайловны. Хвалили, кривя рот в улыбку. Тоска не покидала.

Увидимся ли?

Двое раненых (окончательно искалеченных) прибыло сюда от Вас за последние дни. А почты нет и нет. Почему?

В нашем здесь положении важнее всего сохранить голову здоровой, — не дать тоске превратиться в безумие... Ты подумай: сидеть в пустой наглухо закупоренной бутылке, когда такое у Вас творится! Живешь надеждой на чудо.

Одно уже совершилось: волна смерти почти докатилась до нас — и остановилась — и подалась назад. Будут еще чудеса, — их уже никто не предскажет.

Мы здесь похожи сейчас на спасающихся после кораблекрушения на жалком плоту из обломков корабля. Плот мчит по гигантским океанским волнам вверх, — вниз, — вверх, — вниз. И вот пошел девятый вал. Встал горой над нашими головами. И... остановился. Немножко подался назад: то ли раздумал обрушиться, то ли еще берет разбег, чтобы верней сокрушить под собой все живое. Мы бессильны помочь себе чем-нибудь. Замерли. Молчим. Ждем. Вот и вся наша «жизнь».

Когда-то — в предчувствии грядущего — я обещал тебе и другим друзьям:

Я буду петь о солнце в предсмертный час. И вот пою о солнце, хотя солнца нет, свет погас, холод и тьма. Пишу, — хотя перо валится из замерзающих пальцев. Пишу о радости творчества, весне, о солнце, о солнечном свете, — о бессмертии. Прочтете ли когда-нибудь этот мой гимн — мое духовное завещание — Вы, родные моему сердцу. Мне больше ничего не надо, — только чтобы прочли.

Или это у меня психоз?

Махровым цветком — ядовитой орхидеей — расцвела человеческая мерзость в годину бедствий. Здесь у колхозничков нет еще и помину о голоде, однако они уже впиваются друг другу в горло. Яшка — наш «хозяин» — с каждым днем наглеет, даже в дровах нам отказал (лесник-то!), когда на дворе −35 °С, когда в лес не пойдешь: снегу навеяло по пояс. Выживает. А у самого дров полно, он спекулирует ими, распродавая направо и налево. Жрет вся семья до отвалу: мука, говядина,

баранина, свинина; мед на стол подают горой на глубокой тарелке и уничтожают в один присест. А рядом человек умер от истощения (мать Кольки Бредова), человек, который только и мог съедать в сутки ложку меду, — ложки не дал Яшка, как его не молили. Пример из тысячи. Вырви у таких кусок для Питера!

Слыхать, и у нас в квартире завелась погань. Друг! Если есть у тебя малейшая возможность, — побывай у Татьяны Кирилловны Груздевой и Ильи Александровича (кан. Грибоедова, 9, кв. 13), — посоветуйся с ними, что делать с квартирой, как ее сохранить, выкинуть эту мразь, спасти вещи. И. А. может воздействовать через Союз. У Т. Кир. столько энергии, что если возьмется, — все сделает. Я уже писал ей, да не знаю, дошло ли до нее мое письмо: ответа нет.

Сейчас пробую через С. Н. Поршнякова хоть малейший заработок достать. Жду его сюда. Не знаю, выйдет ли что. А что-то делать необходимо, тем более что физич. трудом сердце нисколько не дает мне заниматься. Если даже скоро освободят путь к Вам, — нам с места не сдвинуться. Денег давно ни копья. Вещи на исходе. И ничего не придумаешь. Ни тпру! ни ну! Смешно.

Вит. Б.

Из дневника Вит. Бианки.

9.I — вечером были с Ив. Серг. в Яковищах: повидаться с Мих. Фил. Филипповым, приехавшим из Мошенского по делам снабжения. Познакомились с зав. Мошенск. Ветлечебницей ветврачом и охотником Мих. Ив. Яковицким. Он из Белоруссии; у него хорошие гончие (арлекин и англо-русская).

10.I — утром –32 °С. Ушел С. Н. Поршняков — пешечком на Сопины, по районам и назад в Боровичи.

12.I — утром –21 °С, днем –16 °С. Талюшкино рождение. Грустно: нечего подарить, нечем порадовать.

Катя Муравина окончательно отказалась от председат. в колхозе. Вечером собрание кол-ков с Медведевой (пред. сельсовета из «эвакуировцев») и милиционером. Должны выбрать нового председателя.

13.I — утр. –30 °С. Аленушкино рождение. Белые булочки, безэ... Вечер –32 °С. Ночью возвращаюсь, — звезды громадные.

14.I — утр. –21 °С. Вдруг открытка от Нерейки из Краснокамска! (от 17.XII. — *Ел. Б.*)

15.I — утр. –9 °С... Вечером был Ив. Серг., — писали заявление в Тихвин о пайке.

16.I – утр. –14 °С. Ив. Серг. ушел в Мошенское. Снег.

Открытка самодельная (кусочек картона) из Ленинграда от Анатолия Валентиновича Бианки.

Дорогие «михеевцы»! пользуюсь вторично оказией — отъездом Е.Чечет – для извещения о нашем еще существовании. Очень, очень тяжело стало жить; ждем не дождемся освобождения.

Сейчас пришлось переехать временно к Свиньиным, т. к. у нас дом замерз, а для переезда к Вам нет дров, нет сил.

От Нерочки последняя открытка датирована 3.XII. Учится и живет в общежитии в Краснокамске. Пишите ей до востребования.

Больше ничего не знаем, от Г. и Э. (Гени и Эли. — *Ел. Б.*) нет никаких вестей.

Целуем. Все же надеемся свидеться.

Анатолий.

11-го января 1942 г.

12.I – оказия не едет – посылаю почтой. Анна Яковлевна умирает. Вызвать Гр. Павл. не удается, хотя и была в его казармах, а на другой день сама лежала – оч. уж далеко и холодно.

Целую Катя.

Письмо из Ленинграда от Анатолия Валентиновича Бианки.

17.I–42 г.

Дорогие В., В., Н., Т. и В.!

Надеюсь, что вы получили одну из моих открыток, к-ые я в декабре посылал и по почте и с оказиями.

Третьего дня неожиданно получена ваша телеграмма от 3.XII, посланная на 3-ю линию, в которой вы просите сообщить о здоровье. Мы с Григорием Павловичем решили, что телеграммой отвечать нет смысла, лучше написать подробней.

(Пять строк вымарано, видимо, подробности эти не понравились цензуре. – *Ел. Б.*)

Стараюсь выселить квартирантов, но новый управхоз страшно бездеятелен, слаб и беспомощен. Из завала кирпича в печи квартиранты переселились из Ноникиной комнаты в кухню (вымарано еще полторы строчки. – *Ел. Б.*). Мы с К. пока живем со Свиньиными в одной комнате (вшестером), а в маленькой – Мария Федоровна с дочерью. Из-за морозов, доходящих до –30, в комнате t° = +5°, +6 °С (и снова вымараны 2,5 строчки. – *Ел. Б.*)

Ждем не дождемся разрыва кольца, хотя бы с одной стороны, но враг так глубоко зарылся в землю, что его ничем не выкуришь. Однако несомненно, что немцы более ослаблены и обессилены, чем мы, т. к. за послед-

нее время нас почти не беспокоят. Живем надеждой, что мы более выносливы, живучей немцев.

Сегодня получили письмо от Лидии Львовны от 2.XI. Им там, в кишлаке за 16 км от Ташкента тоже туго приходится, т. к. все очень дорого, непривычно, люди грубы, русских нет и очень одиноко. Ждут не дождутся возвращения домой, как и мы свободного сообщения с вами.

От Неры на днях были получены одновременно две телеграммы из Краснокамска – «молния» от 16.XII: «Здоровы сыты целуем», простая от 29.XII: «Аттестат получен денег не посылайте целуем крепко здоровы». Писем от них уже более двух месяцев нет, никаких вестей также и от Гени, Нины и Эли с Валей.

Не знаю, когда и как удастся найти какой-нибудь способ решения квартирных задач. Пока мы с Катей не в состоянии ничего предпринять, даже посетить указанных тобою, Витя, лиц из Союза писателей. Сделаю это, как только удастся чуть-чуть прибавить сил или когда начнет функционировать трамвай. Пока же, может быть, опечатаем две комнаты. Но и эта мера не всегда хороша: может привести к обратным результатам.

Григорий Павлович чувствует себя хорошо, но, конечно, еще не знает, долго ли еще пробудет здесь. Катя очень ослабла, особенно страдает из-за холода. Я еще в состоянии работать умственно, но физически уже почти бессилен. Как бы хотелось, чтобы скорее приехали вы и все наши!

Крепко целую всех. Привет Сашеньке и Соколовым-Микитовым.

Ваш Анатолий.

Письмо из Краснокамска от Нереи Анатольевны Бианки.

18.I–42 г.

Дорогие Михеевцы!

Только сегодня получила д. Витину открытку от 6.XII. Мне, конечно, оч. совестно, что редко пишу, но боюсь обещать писать чаще: жизнь идет оч. однообразно, новое за все это время — только предложение переехать в Самарканд. Лавренев и Толстой зовут туда оч. настоятельно, приготовили помещение и, будто бы, снабжение. Лавренев грозит отдать под суд (сейчас-то!) начальство лагеря, если оно не сделает лучше для ребят — не перевезет их в хорошие условия на юг. Бешелев собирается ехать. Если будет много родителей против, он увезет только «бездомных», но сделает это обязательно. Не оч.-то верится этому. Во всяком случае, вопрос отъезда или оставания должен решиться до весны.

Теперь о себе лично. С завтрашнего дня у нас начинаются уроки с/хоз., на которых нас познакомят с трактором. 1/IV должна начаться практика, 1/V будем закреплены за колхозами Молотовской обл. Закрепление меня не очень пугает, потому что Эля прислал мне оформленный вызов, которым, я думаю, смогу в случае необходимости воспользоваться. Итак, десятилетку, как видно, кончить все-таки не придется. Из дому письма получаю редко, но все же получаю. Идут теперь уже меньше месяца. Даже от Геньки есть открытка. Завтра пошлю телеграмму об этом домой, — мама так волнуется за него. Письмо все в раздраженном тоне. Пишет, что хочет «драться, драться», а приходится сидеть цепной собакой, никого и ничего не видя. Даже карты у него нет! Мечтает о том времени, когда мы снова все будем вместе. Элин адрес тот же: г. Томск, Подгорный пере-

улок, 18. Валя не работает, Эля не доволен своей службой — не интересная. Звали меня к себе, но слишком трудна дорога зимой, да и не плохо мне здесь. Лагерь снабжает необходимым, дает помещение и возможность учиться бесплатно. Но на следующую зиму мы тут, конечно, не останемся. Пока еще конкретных планов нет, но уедем (или уеду) обязательно.

Сегодня второй день сильный мороз –43, но все же я пошла из Краснокамска к нашим в деревню Даньки (8 км). Оказывается, если хорошо одеться, то и такой холод не страшен. Я уже писала, что интернат старших школьников находится в Краснокамске. У нас 4 комнаты — в двух живем мы, ребята, третья разделена перегородкой, в одной части — столовая, в другой — помещаются взрослые-руководители со своими детьми. Проходная комната сделана кухней. Устроили все так хорошо еще оч. недавно — месяц назад, а до сих пор мы все жили в одной комнате и ежедневно ходили питаться в столовую. «Дома» не было даже кипяченой воды. Теперь даже странно, как могли мы все тогда радоваться такой жизни, но это факт — после Черной (деревня Черная ст. Шабуничи, Молотовской обл., где был детский лагерь Литфонда. — *Ел. Б.*) мы были страшно счастливы тому, что могли раздеться ночью и лежать на своей постели, а не на скамейках. Для нас время переездов и устройства на новом месте уже кончилось пока, а Эле с Валей приходилось хуже, потому что они не только спали на столах в учреждении, но и стояли на холоде дикие очереди в столовую. Жить без организации здесь, как и везде, наверно, сейчас безумно трудно. Кроме супа в столовых, конечно, достать ничего нет возможности...

Целую всех очень крепко.

Ваша Нера.

Из дневника Вит. Бианки.

18.I – утр. –20 °С. Вечером «выбрали» нового пред-колхоза «выковеренного» Петра Павловича.

19.I – утр. –16 °С. Ночью ветер завывал в трубе. «Крещенских» морозов еще нет. Поет петух. Дунул, дунул Север, – и вот они, Крещенские морозы.

20.I – утр. –34 °С. Вчера вечером t° падала так быстро, что в хлеву так и потрескивало. А Ив. Серг. путешествует: 18-го звонил, что из Мошенского направляется в Боровичи и дома будет 20-го.

Кончил читать вслух 2-й (и единственный у нас!) том «Войны и мира».

21.I – утр. –27 °С. У меня грипп. Дует восточный ветер. Работаю. Вечером приехал Ив. Серг. и мы с В. пошли к нему <...>. Ив. Серг. в Мошенском добился многого: дали барана, по куску мыла, сахару, «суппродукт» (рубец) и проч.

22.I – утр. –19 °С. Продолжается до ночи сильный ветер. Очень плохо себя чувствую, но продолжаю работать.

23.I – утр. –25 °С. Опять двадцать пять! Весь день держится одна t° и дует жесткий север. И ночью чудит и воет север!

24.I – утр. –35 °С. Ветер не улегся! Черная зима, проклятая зима! И тьма, и тьма, и тьма... И к ночи – все ветер (NO).

Невыносимы: волчий холод,
Лишений все растущий ряд,
В висках весь день немолчный молот:
– Там люди, люди гибнут зря![1]

---

[1] Как ни зря: на таком морозе достаточно маленькой раны, чтобы человек истек кровью и замерз.

И эта черная зима,
И душу полнящая тьма[1].
Все можно вытерпеть, приняв суровый
Закон: с судьбою биться до конца,
Несчастья новые встречать, сжав брови, —
И вырвешься из черного кольца.
«Не тратьте сил, сдавайтеся без бою!» —
Как кум-хохол[2] слезливый шепчет грипп.
Дашь этим мыслям овладеть тобою, —
И ты погиб.

—

25.I — утр. –34 °C. Утро безветренное, солнечное. Днем t° спускалась до 25.

26.I — утр. –30 °C. Днем солнце.

27.I — утр. –31 °C.

28.I — утр. –30 °C. Тифозная зима: седьмой приступ!

Сегодня кончаю работу «Об изучении птиц Боровичского края»: только проверить — и все. Как всегда при окончании большой напряженной работы мне грустно и пусто.

В 17 дней написал добрых шесть печатных листов. И все это на основании собственных здесь семилетних наблюдений. Папа, верно, радуется, глядя с небес...

---

[1] Эта зима черная: ночью нигде ни огонька, деревни чернеют избами, как обугленные, ночью нет звезд, днем солнце почти совсем не выходит, землю, лес и небо покрыл густой толстый темный иней-саван. Да и в «кабинете» моем целый день темно, как в погребе.

[2] Кум-хохол куму утопающему: «Не тратьте, куме, сил, погружайтесь на дно» (Лень спасать).

«...Всё мертво вокруг, хоть бы мышь пискнула, хоть бы одна веточка закачалась, — всё неподвижно и немо. И затоскует сердце».
(Из дневника В. Бианки)

Работа спасает от безумия. Последнюю неделю меня мучит грипп, но я ему не поддаюсь и пишу, пишу, и пишу, — живу в другом мире.

Завтра отошлю свой опус Поршнякову. Гонорар? Если заплотят по 100 р. за печатный лист, — будет большая удача.

Ждет уже другая — прерванная — работа: «Свершился дней круговорот» — не жизнеописание, — лирика.

—

Двумя бандеролями отослал Поршнякову:

1. «Об изучении птиц Боровичского края».

2 .«Птицы Мошенского р-на. По данным наблюдений В. В. Бианки с группой ленинградских юннатов с 1935 по 1942-й год».

3. «Систематический список птиц Боровичского края». С указанием пребывания видов по отдельным районам. И сопроводительное письмо С. Н. Поршнякову. Ух!

31.I — Говорят, по радио сообщили: отдан приказ войскам ко дню Кр. Армии освободить Ленинград и очистить от немцев Лен. обл.

Сегодня опять (уже третья ночь!) В. заснула только в шестом часу утра: так страшно болит зуб и вся левая сторона лица. Невралгия?

3.II — (С февраля месяца В. В. перестает ежедневно записывать температуру воздуха, отмечает только на графике «Ход холодов» в январе, феврале 1941 и 1942 гг. — *Ел. Б.*)

3.II — Сегодня утром Колька-Бредька (бывший все это время в «истребительном», т. е. на обучении в Устреке и вчера отпущенный проститься со своими) должен явиться в Мошенское — и будет отправлен дальше — на фронт. Т. очень расстроен.

Недавно в Яковищ. с/совете случился казус. Там висела одна из отобранных у охотников одностволка («берданка»). Скоро, конечно, кто-то унес затвор. Приклад пошел на дрова. А стволом, «конечно» (!) стали мешать угли, — кочерга. На днях этот ствол выпалил. Истопницей там — жена Андрея Филиппова (пьяницы). Помешав стволом в печке и положив его, как полагается класть кочергу, одним концом на пол, другим в печь, она отошла к столу. Тут ствол и выпалил. Ей прострелило икру, она потеряла оч. много крови и сейчас лежит в больнице при смерти.

3.II — Сегодня Нон проявила героическую деятельность и настойчивость. Уже много времени мы никак не

можем получить (в Устреке) полагающиеся нам за два месяца 106 кг картошки. И вот Ноника с утра побежала в Яковищи, в с/совет за «ведомостью», в Сивцево за лошадью. Вернулась обратно. Ни Сивц., ни Яковск. лошади ее не дождались (обещали и надули, как водится...) Тогда Нон одна пешком пошла в Устреку, нашла там стоящих в очереди сивцевских, получила и привезла картошку нам и Сок.-Мик. С 8-ми часов утра до 7 час. вечера — «не пито, не едено».

Письмо от Г. П. Гроденского.

3.II–42 г.

Родные мои! — вот кажется только теперь я могу писать о маме. Самое дорогое и теплое во все дни моей жизни — ушло. Не хватило хлеба, каких-то крупиц еды, и в тоскливом одиночестве рядом с чужой старухой — мама умерла. Слов-то все-таки не подберешь. Да и на меня напало равнодушие, будто под наркозом существую — и все растеряно, и слова, и чувства. Может быть потом, когда все придет в норму, я снова переживу эту смерть заново, а сейчас отупелость и сознание полного одиночества, мертвой пустоты вокруг. Мысленно, как за якорь спасения, хватаешься за вас за всех — иногда вдруг охватывает тупой страх, что не увижу вас, не буду с вами — а вы после мамы остались для меня сейчас самым теплым, да не самым, а просто единственно дорогим, что осталось в эти тяжелые и грустные для меня дни.

Нет, видимо, ничего из письма не выйдет — напишу потом, когда темнота, сгустившаяся вокруг меня, рассеется, и я снова буду жив. Я ведь даже не смог похоронить мать — не пустили, — и не знаю, где она, куда выбросили или свезли тело. Нет, не могу писать. Простите.

Обнимаю вас в горячей надежде, что увижу вас, что обрету в вашей родной мне семье и для себя... (последние слова на сгибе листа бумаги читаются с большим трудом, последние — стерлись; письмо написано карандашом. — *Ел. Б.*)

Гриша.

(Напоминаю, что письма помещены по дате написания, адресат их получит еще не скоро, а в дневнике — события местные, большие и маленькие, подлинные или слухи, но ими заполнена была жизнь. — *Ел. Б.*)

Из дневника Вит. Бианки.

4.II — Выдры следы видел Ив. Серг. на Удине близ Полуден. озерка — от продуха к продуху. Здесь много теплых (карстовых, видимо) ключей, в Удине и озерках много незамерзающих мест (в которые легко провалиться, так как их заносит снегом). Ив. Серг. ставил крючья на налимов.

Замор с неделю назад был на озере в Мелеховск. с/сов. Там много собрали рыбы колхозники. Как только сделают прорубь — вся рыба кидается к ней, толпится, теснится, чтобы глотнуть воздуха и тут ее руками бери. Т. с Бредькой 1.II — ходили на Чуховские озерки, — но там замора нет.

В Удине идет налим на крючья (до этого времени ловили окуней и ершей).

4.II — Нош продолжает свой подвиг: сегодня отмахала по морозу 20 верст с Лид. Ив.: в Остров и обратно. Получим пол-овцы и м. б. немного муки.

Сегодня перед заходом солнца проскочил в мой погреб-кабинет первый лучик солнца (с осени)...

5.II — Ношкино рождение: 20 лет! С утра — солнце, солнце, днем ртуть поднялась до –12 °С и ...тает. На окнах с юга — большие блестящие, влажные сосульки... После захода солнца — сразу мороз.

Были с Ив. Серг. в лесу за Морозовым. Много лисьих следов и почти нет заячьих. Что-нибудь одно... Беличий след один.

Говорят, будто разрешены посылки в Лен-град — по невоенным адресам. Завтра проверим. Эх, если бы правда!.. (Оказалось — вранье!)

12.II — Я проснулся в 5 час. (по солнечн. времени). И опять запел петушок — громко, с хрипотцой в голосе. И опять — ровно 16 раз прокричал. Кругом шашнадцать?..

День моего рождения. Н. и Малыга подарили хорошую «натырмочку». (Как помнится, так называют наши северные народы рукотворные талисманы, обереги. — *Ел. Б.*)

13.II — Возникла мысль ехать в Красноуфимск, если там будет Нина Михайловна.

Был замор. Сейчас мы начали оживать: хоть по карте, но начали путешествие.

Письмо от Нереи Бианки.

16/II–42 г.

Дорогие Михеевцы!

На одной открытке не поместилось все, что хотелось сказать. Вы так редко получаете известия вообще, а из Ленинграда совсем ничего не имеете. Сюда же приезжают все время и рассказывают, что там не работают ни водопровод, ни канализация, что в конце января дали кое-что из продуктов: по 50 г масла и несколько больше, чем обычно, хлеба (т. е. больше 125 г). Предприятия стоят из-за отсутствия топлива, смертность дошла

до невероятных размеров. Не могу не думать об этом, но и думать не могу. Последние письма от них от 7.I. Неужели больше не увижу бедных моих!?

Т. Лиза, кажется, писала д. Вите. Теперь я не увижу ее до воскресенья, тогда передам приветы. Очень приятно, что я не одна здесь, так хорошо приходить к ним, но т. Лиза теперь такая раздражительная. Инотар выводит ее из себя ленью, а хозяйская девочка (и вообще все дети, кроме Маши) просто своим присутствием.

Целую. Нера.

(г. Краснокамск, Молот. обл., ул. К. Маркса, 25, Интернат Литфонда).

Из дневника Вит. Бианки.

18.II – День рождения Валюшки и всеобщий праздник. Делали подарки друг другу.

Вечером читал своим «Посмертные записки» (?) – свои.

Письмо Вит. Бианки – С. Н. Поршнякову.

18.II–42 г. Михеево.

Многоуважаемый Сергей Николаевич.

Сейчас неожиданно появилась пешая «оказия» к Вам в Боровичи. Вчера я уже начал большой ответ Вам; на днях допишу и пошлю почтой. А пока только о самом главном.

Большое, очень большое спасибо Вам за все то хорошее, что Вы уже сделали и еще хотите сделать для меня! Я просто растроган таким Вашим отношением. Но об этом – потом, в письме.

Видимо, нам отсюда придется все-таки уехать. И в самом непродолжительном времени. Поэтому большая к Вам просьба: не посылать денег (дополнит. гонорара)

почтовым переводом, а непременно с попутчиком, либо с подательницей сего — Валей Вахрушевой, либо с В. Н. Михайловым... А м. б. Вы сами приедете? Так хотелось бы о многом, многом поговорить с Вами до расставания — кто знает, на сколько времени? Переводы идут очень медленно; о Вашем переводе я узнал только из письма В. Михайлова; никакого извещения все еще нет. И мой «толковый словарик» попрошу мне вернуть таким же способом, — не почтой.

Ваше письмо почтой от 10.II и другое — с Катей М. получил. Спасибо, спасибо. Теперь — если удастся уехать (а не поехать нельзя: приходится думать о детях: пропустишь момент сейчас, — и будет поздно), буду чувствовать себя «корреспондентом музея» Вашего и даже издалека сумею, думается, давать что-то по птичьей части (из своих наблюдений и соображений здесь).

Простите: очень спешу; Валя сидит в шубе, ждет. Ив. Серг., вероятно, «зайдет» к Вам в Боровичи (он в Мошенском). Крепко жму Вашу руку и еще раз благодарю за все. Большой привет от В. Н. и ребят моих. Буду писать Вам.

О Г. П. Гроденском ничего нового: сидит писарем в гренадерских казармах.

Ваш Вит. Бианки.

Из дневника Вит. Бианки.

19.II — День ясный. Летало много самолетов с S на N и обратно. Над Федовым (т. е. N–лесом) был воздушный бой: стрекотали пулеметы, полыхали огни. Потом один наш бомбардировщик пролетел оттуда над Николаевой избой в направлении Боровичей — очень низко и оч. тихо.

20.II — Вечером вернулся Ив. Серг. из Мошенского. (Ушел 16-го, 17-го разговаривал с Лид. Ив. Сидел в М-ом голодом). Еще не виделись.

21.II — Ив. Серг. ничего не привез из Мошенского.

Вит. Бианки — С. Н. Поршнякову. (Письмо без обращения, видимо, обещанное продолжение предыдущего).

23.II–42 г.

Все думаю, чем бы мне отплатить Вам за ту громаднейшую моральную поддержку, которую Вы так охотно и так энергично оказали мне в эти очень трудные для меня дни. К сожалению, как раз прошлым летом мы с сыном почти не работали здесь по орнитологии. Собранная нами за эти годы большая коллекция птичьих яиц осталась у нас в Ленинграде и теперь, конечно, пропадет зря. (У меня в квартире оставались только две старушки: мать Григ. Павл., ныне уже покойная, и тетка нашей няни Сашеньки, которая тоже вот-вот умрет, если уже не умерла). Ни брат, ни друзья мои не в состоянии спасти вещей, которые останутся в пустой квартире: транспорта никакого, сил ни у кого не осталось. Я мало привержен к вещам, но терять такие необходимые вещи, как мой дробовик, и такие неповторимые, как многие книги, например, коллекция переводов моих книг на английский (Лондон, Нью-Йорк) язык с отзывами из Новой Зеландии и т. д., на чешский, немецкий, финский, словацкий, польский, еврейский, украинский, белорусский, татарский (Крым), азербайджанский, узбекский, таджикский, вогульский, армянский, грузинский и т. д., — груды тетрадей с орнитологич. записями (подробные записи наблюдений над гнездами!), подробные описания опытов «Кукида» (так В. Б. называл

наблюдения за поведением птиц, когда в их гнездо попадает яйцо другого вида птицы. — *Ел. Б.*) (перекладки яиц в гнездах), коллекция яиц, — терять это все тяжело. Там в коллекции у меня есть ценные яйца, есть «украшенные» гнезда славок, найденные под Михеевом, — о которых до сих пор не имели понятия орнитологи. Да мало ли еще что!..

Если бы остался тут, «отомстил» бы Вам работой для Вашего музея. А сейчас — нечем. Разве одна-другая книжка найдется полезная для музея. И то: настолько необходимы деньги на проезд (мы, кажется, совсем решили переселиться в Среднюю Азию), что каждую вещь хочется продать, каждый рубль теперь имеет значение для нас.

Ох, если бы повидать Вас перед отъездом! Расспросить, не могу ли оттуда — издалека быть Вам полезен.

Посылаю Вам перышки да фото клена, побитого холодом и воскресающего к жизни: м. б. пригодится в музее.

Жду Вас или Виктора М. обязательно.

Ваш Вит. Бианки.

Письмо Нереи Бианки — к Елене Бианки.

25.II–42 г.

Дорогая Ноника.

Сейчас странным образом обнаружила твою открытку. Просто не знаю, как она могла очутиться ночью на столе. Кроме того, с нее снята марка. М. быть, лучше писать до востребования, но там тоже могут пропадать ведь письма. Получила предыдущие письма, написала обещанный ответ на двух открытках, потеряла их, не думайте, что я такая растеряха стала. Просто у меня в книжке лежало сразу много открыток. Поэтому они и выпали, очевидно. Ведь приходится таскать учебники без портфеля.

Мне кажется, что уехать отсюда надо куда-нибудь, т. е. к Вам или Эле. Но вот вопрос — куда? М. быть, здесь остаться было бы самое благоразумное в материальном отношении, но что я буду делать следующей зимой? Кроме того, мне хочется уехать, только не могу решить куда больше — в Михеево или Томск? Там очень заманчивая жизнь в партии, а у Вас — уже знакомая деревенская. Кроме того, Михеево ближе к Ленинграду. Боюсь, очень боюсь, что там уже нет дорогих мне людей. Вы представить себе не можете, в каком виде приезжают оттуда. Это ходячие мертвецы (большей частью они сваливаются, добравшись до постели). Умерли в Л-де и по дороге оттуда — Вальдман, Волин, Томский, мать Зои Александровны, родственники Трифоновой, Цезарь Вольпе и т. д. А как-то там мама с папой?! Я не могу себе представить, что папы больше нет. Этого не может быть! Последнее письмо от 12/I, но это было так давно!

Да, мечтаю, что все-таки выберутся папа с мамой. Очень бы хотелось, чтобы у Вас отдохнули. Здесь совсем негде. Только им никак нельзя сразу много пить и есть тем более.

Целую, мои дорогие михеевцы.

Ваша Нера.

(Г. Краснокамск, Молот. обл., ул. К. Маркса, 25. Интернат Литфонда).

Письмо от Николая Сладкова.

26.II–42 г.

Здравствуйте, дорогой Виталий Валентинович!

После всех передряг и путешествий взгрустнулось мне по Вас очень-очень. Сейчас адрес мой более-менее постоянный. Писал я Вам не единожды, но все мною

нацарапанное возвращалось обратно. Вероятно, Мошенское было не наше?

Посылаю еще раз, авось дойдет.

Виталий Валентинович, сообщите о себе непременно, где Вы и как Вы? Растерял я всех родных и знакомых. Вы-то как, дорогой Виталий Валентинович? Все ли у Вас благополучно? Ох, боюсь, не все!

Я отвык получать хорошие вести. Хуже того, я привык к плохим. Но всякое от Вас известие было бы для меня радостно. Я бы, по крайней мере, знал, что Вы живы. А это сейчас много значит.

Прошли месяцы, но, кажется прошли уймы лет. Знаете, иной раз сомневаешься, что было что-то иное, кроме автоматов и танков.

Виталий Валентинович, дорогой мой, напишите, что Вы живы, что здоровье Ваше ну хотя бы на среднем уровне, черт всех побери! Когда же почта перестанет быть бюро похоронных процессий?

Ну, желаю Вам здоровья и сил.

Ваш Барон.

P. S. О себе мне писать нечего. Было так всего много, что писать... нечего. После госпиталя чувствую себя хорошо. Вестей ни о ком нет.

Ну, еще раз желаю Вам всего, всего наилучшего.

Открытка от Нереи Бианки.

1.III–42 г.

Дорогие Михеевцы!

Сейчас получила ужасно хорошую телеграмму: «Пробираемся Красноярск Телеграфируй Вологду возможность присоединения Молотове Папа».

Из Вологды от 13/II! Ура, ура! Сейчас еду к Фрейбергам, буду у них ждать, сяду в эшелон и увижу, наконец, наконец-то самых хороших! Вы ведь тоже радуетесь? Мне кажется, что все, все должны прыгать так же, как я, когда получат эту весть. Тетя Лиза получила твое, дядя Витя, письмо. Отвечает уже. Целую крепко, крепко. Бегу на почту, собираю вещи, а завтра утром отправляюсь в Пермь.

Ваша Нера.

Письмо от Анатолия Валентиновича Бианки.

(без даты, видимо, март 42 г. — *Ел. Б.*)

Родные В[4]Н!

Неожиданно для Вас и себя пишу из Ростова Яросл., куда нас занесло с эшелоном из Вологды. Получили ли мою открыточку оттуда? Условия езды настолько тяжелы, что оказался необходимым длительный — порядка двух недель — отдых, для которого не нашлось места ни в Вологде, ни в Ярославле. Здесь, в помещении Ростовторга, в центре этого старинного, почти не искалеченного городка, мы нашли временный приют и заботу Горисполкома, организовавшего не только общежитие, но и 4-х кратное в сутки питание. Здесь мы впервые получили пшеничный хлеб и надеемся излечить свои отеки, желудки и раны. У Кати отекли ноги и руки, на пальцах нарывы. Я отморозил себе правую ногу. Рана на подъеме ноги не позволяет ходить без костылей, а я к ним плохо приспособился (малы) и очень страдаю при каждом передвижении. Рад полежать в постели. Со мною в комнате живут двое знающих тебя, Витя, ленинградца, — отец семилетнего зоомана проф. Л-го унив. Берковский (спец. по зап-евр. литературе) и член Со-

юза писат. Ник. Павл. Галичий. Первый пробивается к семье в Алма-Ату, второй — в Фергану. В соседней комнате живет сотрудник Детиздата Мирзон, оформлявший будто бы твои книжки. Он настолько слаб, что не решается зимою ехать в Сталинград.

Когда и как поедем дальше, ничего еще не известно. Если маршрут будет пролегать через Молотов, постараемся забрать Неру с собой, но и связаться с ней почти что невозможно и сил у нас может не хватить для остановки в Табуничах. Однако, скорее всего нас повезут южным путем. С ужасом думаю об этой перспективе, т. е. о дальнейшем этапном пути. Ехать же индивидуально еще страшнее.

Евграф в Алма-Ате. Постараюсь связаться с ним, а также со Свердловском, где сейчас Гл. Упр. Г-Мслужбы. М. б., из Красноярска придется перебираться куданибудь на юг. Согласно последнего приказа СНК, наши квартиры, видимо, пропали. Как же быть с вещами? Хоть часть их спасти бы. Рассчитывать на помощь друзей и знакомых абсолютно нельзя...

[Анатолий Вал. Бианки]

Целую всех крепко. Дорога ужасна и главное силы теряются, а не восстанавливаются. Оч. боюсь за Толю, он слаб, — лежит, а подкормить нечем.

Катя.

Из дневника Вит. Бианки.

1–4/III — в Мошенском с Ив. Серг. Дважды выступали в Доме Культуры. Прошли военную перерегистрацию, получили временные удостоверения (категория по ВУС № 28-а), потом снялись с учета. Получили эвакодокументы на выезд в Молотовскую обл. Получили

надежду на возвращение Шольберга. Получили «сухой паек» II категории (телеграфн. распоряжение из Тихвина облвласти) на 15 дней, т. е.

муки белой на девятерых	1 кг. 300 гр.
мяса —	4 кг. 50 гр.
сахара (взамен крупы) —	4 кг.
молока —	1 л.
картофель (взамен разн. овощей)	67 кг.

В самых первых днях марта впервые закудахтали куры и одиночные начали нестись. Во второй половине февраля начали телиться коровы.

7.III – С половины февраля Нон принялась снимать колхозничков (используя последние пластинки). Понесли нам молоко и проч., и проч.

9–10/III – гостил С. Н. Поршняков. Приходил за книгами и др. вещами, которые я передаю Музею, уезжая.

12.III – Сногсшибательная новость! По дороге в Яковищи утром получил у письмоноски пачку писем и среди них – Т. и ТК вдруг не из Лен-да, а из Ярославского Ростова! Письмишко от Коли Сладкова (из лазарета) и от Эльки из Томска. Толя отморозил правую ногу, еле передвигается на костылях, ТК отекла. Сейчас на отдыхе. Направляются в Красноярск.

Григорий Павлович Гроденский и Николай Иванович Сладков. (Ленинград. 1956 г.)

14.III – Опять был в Яковищах – разговаривал с

Поршняковым. Опять новость — закачаешься! Говорил с Ал. Гавр. Он из Ленинграда приехал в Боровичи и Мошенское с полномочиями наладить здесь жилищную и кормовую базу для эвакуированных ленинградских писателей. Завтра-послезавтра будет к нам.

Второй день дует жесткий Север. Впервые (даже зимой не было этого!) на западной стене изнутри избы у нас выступил пятнами снег. Nord пробивает стены.

Три письма-записки, посланные вскоре после призыва в армию Колей Муравиным в родную деревню Михеево Виталию Бианки-младшему. Орфография сохранена.

13.III–42 г. — по штампу.

Во первых строках моего письма спешу послать свой сердечный привет и желаю Вам всего хорошего в Вашей молодой жизни.

Талюша, я пишу тебе письмо с фронта. Талюша, я пока жив и здоров. Талюша, я соскучал по дому, ну ничего несделаеш. Ну ладно, может домой приеду на отдых дак тогда поговорим. Передай по привету Ваське Тимки Вам и всей своей семье. Пока досвидания. Пиши письма.

Мой адрес ППС 557 пя 24 безпрозванному для подразделения Буйнова.

14.III–42 г. — по штампу.

Вопервых строках моего письма спешу послать свой сердечный привет своему другу Талюше. Талюша, я твое письмо получил за которое очень благодарю Талюша я это письмо начал писать в Боровичах а дописываю в Валдае. Талюша, нас привезли в Валдай на автобусе накормили нас очень хорошо. Талюша, ты писал что

пришли табаку хоть на папироску Талюша ты сам знаешь что отсель нельзя письма не дойдут. Талюша одежду нам здесьвыдадут. Талюша если ты получиш письмо то скажи нашим Талюша передай Ваське привет и спасибо ему за письмо Писать больше нечего пока досвидания.

Бредов М.

Письмо 5-го (апреля 42 г.?)

Вопервых строках моего письма спешу послать свой (слово стерто. – *Ел. Б.*) привет своему другу Талюше. Талюша я пишу тебе письмо Я в бою еще не разу не был но уже кой чаво увидел и часто споминаю про дом что в колхозе хоть день и ночь стал работать только не здесь Талюша да и неохота погибать в таки молодые годы сейчас мы находимся (?) Дедовичам Талюша передай по привету Виталию Валентиновичу Вере Николаевне Нонике Вали и Васьки Маланьину пока досвидания

Муравин Н.

(адрес прежний. – *Ел. Б.*)

Из дневника Вит. Бианки.

16.III – Вечером выходили с Н. встречать А. Гавриловича. После захода солнца видели в Столбовском поле стайку белых куропаток.

Ал. Гаврилович приехал ночью.

Письмо Вит. Бианки – С. Н. Поршнякову.

18.III–42 г. Михеево.

Многоуважаемый
Сергей Николаевич.

Мы, видно, несколько задержимся здесь. Поэтому большая просьба к Вам: вышлите мне, пожалуйста, сюда

в Михеево мой словарик местной речи ценным письмом как можно скорее. Я еще успею получить его здесь.

Приезд моего друга Александра Гавриловича Бармина из Ленинграда несколько изменил наши планы: придется задержаться, чтобы помочь устроиться здесь нашим ленинградским товарищам. Отъезд наш отложился на неопределенное время; все же скоро думаем ехать.

Как жаль, что Вы не успели как следует познакомиться с Александром Гавриловичем: он ведь геолог, хорошо знает Урал, был на Алтае. Если теперь приедет из Ленинграда его семья, мы, вероятно, вместе двинемся на восток. В Боровичах, говорят, нет уже той гостиницы, в которой мы собирались остановиться: она занята другим учреждением. Поэтому вряд ли мы теперь поедем через Боровичи. Впрочем, ничего еще не известно. Даже насчет «инструментов» наших вопрос до сих пор не разрешен никак. Это очень действует на настроение.

Большой привет Вам от всех моих и Ал. Гавр. и Ив. Серг. Сейчас все мы с головой в делах ленинградцев. Привет Викт. Ник.

Ваш Вит. Бианки.

(Из книги о Всеволоде Иванове. Выписываю близкое по теме и времени. — *Ел. Б.*)
Из письма К. А. Федина — Вс. Иванову.

18.III–42 г.

...Странная вещь воспоминание! Конечно, это мать искусства... Так как мы, наше поколение никогда не умело, не могло и поэтому не хотело переписываться, то из наших писем в будущем никто не поймет ничего, и это обязывает нас к тому, чтобы вместо писем мы ос-

тавили воспоминания, в которых рассказали бы о самом важном для нашего поколения.

...

Знаешь, Всеволод, я до сих пор не могу добиться, где Иван Сергеевич с семьей? Как я люблю этого человека и как мне больно за него. Само собой, и я вспоминаю пивную на Серпуховской площади, где мы с ним и с тобою распивали такое великолепное пиво. А разговоры, а наши ожидания, которые, — увы! — вот и оправдались!

Из дневника Вит. Бианки.

20.III — Выехали с А. Гав. в Мошенское.

21.III — День весеннего равноденствия (и рождения А. Гав.).

У опушки Столбовского поля, шагах в 70-ти от дороги преспокойно мышковала лисонька. Я ей крикнул. Никакого внимания! Продолжала копать снег, потом поднимала голову и вдруг всеми четырьмя лапами подпрыгивала в воздух и падала сверху на мышь.

Возница наша — Анна из Сивцева — говорит: — В животе у лошади бурчит, — мышье гнездо съела (с сеном).

Весь день в бегах по Мошенскому. Звонила Нон: случай проехать с Хвойной в Лен-ад. Она выходит пешком на Хв. с Шурой Кругловой.

Я видел Шольберга, держал его в своих руках, спустил курки.

В 12 ч. ночи мы дома.

22.III — Н. не позвонила с Хв. Тревога весь день.

23.III — Н. нет. Выезжаю на Хвойную и в Ленинград. Господи, благослови. Все мысли мои с В., с Н., Т. и Валюшкой.

Ленинградск. обл.
Яковищенский с/совет
Мошенской р-н
21.III.42 г.

СПРАВКА

Дана Яковищенским с/советом Мошенского р-на Лен. обл. Писателю Бианки В. В. в том, что он направляется в гор. Ленинград по делу организации подсобного хозяйства Ленинградских писателей в Мошенском р-не. Согласно распоряжению Ленинградского областного исполнительного комитета. Справка дана на предмет разрешения на въезд в гор. Ленинград.

(Печать)
Секретарь С. С. Петрова.

(Справка фиктивная — только для упрощения проезда в Ленинград. С таким же «заданием» приехал из Ленинграда и Бармин. Видимо, он и подсказал В. В. заручиться справкой и даже ее убедительной мотивировкой.

А «случай проехать с Хвойной в Л-д» — действительно совершенно неожиданная случайность: я познакомилась с летчиком (на Хвойной был аэродром), который в разговоре заметил, что мог бы свезти отца в Ленинград. Отец спешно вернулся в деревню и отправился на Хвойную. О дальнейшем — в его записях по возвращении. — *Ел. Б.*)

Дальше в дневнике Вит. Бианки две строчки, отчеркнутые красным карандашом:

24.III–4.IV — город-дистрофик.

6-го ночью вернулся домой с Маришей (Ворсловой).

7.IV – Лежу.

8.IV – Лежу.

Письмо Н. М. Павловой из поезда Ленинград – Свердловск.

Получено Вит. Бианки 8.IV–42 г.

Гутенберг, седой и нищий
Покидает отчий дом.
Е. Данько

Дорогой Виталий Валентинович,
omnia mea mecum porto.

Эвакуируюсь! Еду с родителями, племянниками и семьей ученика и сослуживца отца. Все это вместе – тринадцать человек – едет под именем «семьи академика Павлова» и пользуется неисчислимыми привилегиями. Мы занимаем четыре непроходимых для посторонних лиц купе в теплом и чистом, хотя и жестком вагоне. На каждой узловой станции к нам является представитель Совнаркома, справляясь о здоровье отца и текущих нуждах. В пунктах питания нас кормят роскошными обедами. А разнообразной провизии навыдавали столько, что ее хватило бы до Свердловска, даже если бы к нашему поезду вместо паровоза прицепили обыкновенную садовую улитку.

Отдыхаем, надеемся и толстеем. Может быть, уже сейчас я с трудом влезу в свою школьную шубку, которую я извлекла из нижнего слоя маминого рундука и носила всю эту зиму. Даже моя охотничья сумка – верный спутник половины моей жизни – заметно пополнела и приняла благодушный вид. Еще бы, вчера я натерла ее бумагой от сливочного масла!

А какой она была жалкой, когда я извлекла ее из-под груды штукатурки и обломков мебели! Сплющенная, запорошенная известкой, окаменевшая от стужи она казалась мертвой, никому не нужным хламом. И сколько терпения понадобилось, чтобы защитить немеющими от холода, распухшими, растресканными пальцами ее распоротые бока. Прошел весь короткий зимний день. Я кончила работу при тусклом свете луны. И края моей несчастной сумки, обычно спаянные ровненькой, как пробор аккуратной десятиклассницы, строчкой соединились неуклюжими, кривыми стежками. Но накануне отъезда, когда я вложила в нее письменные и туалетные принадлежности, она сразу приняла свой довоенный деловой вид и взглянула на меня ободряюще, как будто поверила в лучшие времена.

Кто знает, буду ли я вновь когда-нибудь с нею через плечо пробираться над пропастью по выступам скал? Пробираться уверенная, что она, уже давно перенявшая изгиб моего тела, прильнула к нему так плотно, что ни за что не оторвется, не подведет, не сбросит внезапным толчком в бездну.

Буду ли я вновь ночевать под звездами, положив ее под голову на мелкий щебень и предоставив ей тереться и царапаться об его острые края?

Буду ли поспешно отстегивать ее ремешок, чтобы вынуть тетрадь и занести в нее новое наблюдение?

Или пробираться с нею между раскидистыми кустами черной смородины, хлещущими ее своими пахучими ветвями.

Кто знает?

Сейчас я готовлюсь к новой жизни. Я потеряла все: деревенский домик, квартиру, все мое милое семейство

от собаки до попугайчиков, книги (из литературы везу только Вашу «Лесную газету») и всех своих ближайших товарищей по работе. Наши плодоводы и овощники отправились полуавантюристическим способом (впрочем, вполне легально) еще до открытия настоящей эвакуации. И к несчастью перед их отъездом пришла телеграмма, известившая, что Красноуфимск наших принять не может. Поэтому товарищи разъехались кто куда. А через месяц пришла новая телеграмма, — все уладилось.

И вот я еду в Красноуфимск. Но с разрешения нашего директора задержалась, чтобы проводить родителей до Свердловска. Провожу их, устрою, а там, — в новую жизнь!

В последние два-три года у меня часто возникала мечта о радикальной перемене образа жизни. Даже хотелось, чтобы вмешалась какая-нибудь сила извне и порвала бы уже довольно крепкие узы семейного уюта и благополучья. Хотелось броситься налегке навстречу новым впечатлениям и поближе столкнуться с природой.

Поэтому, казалось бы, теперь радуйся, да и только. Да я бы и радовалась. Но ведь этой свободы я хотела для того, чтобы заняться литературой, а удастся ли это? Очень сомнительно...

Впрочем, унывать рано. Еще посмотрим. Сейчас мне портит настроение и даже прямо угнетает привилегированность положения, о которой я упомянула в начале этого письма. С каким бы восторгом я сейчас ехала в гуще обыкновенных эвакуирующихся, в простой теплушке! И впечатлений набралось бы значительно больше. А так наиболее сильное оставила переправа через Ладожское озеро.

Ехали мы ночью. И только въехали на бугристый лед озера, попали в какой-то грандиозный город. По всем направлениям — вереницы движущихся огней: автобусы, грузовики, легковые машины с ярко горящими фарами. Регулировщики, световые сигналы, пункты питания бензином... Безэтажная Америка! Едешь и едешь, а навстречу тебе все новые и новые горящие автобусные очи. Одни за другими, одни за другими.

Другое менее приятное впечатление оставил автобус с выбитыми стеклами, прозванный нами «Продувная бестия». Этот автобус сделал много попыток перевезти нас через Ладожское озеро, но каждый раз с ним что-нибудь случалось и мы были вынуждены возвращаться снова на левый берег. Трудно сказать, кто тут был виноват: «Продувная» ли «бестия», шофер или даже мы сами, выехавшие в понедельник в тринадцатиром и с числом вещей, кратным тринадцати.

Ну, пора кончать, пожалеть цензуру.

Мечтаю, что по приезде в Красноуфимск найду весточку от Вас. А, может быть, когда станет теплее, Вы тоже куда-нибудь отэвакуируетесь? Куда-нибудь поближе. Может даже в наши края? Ведь Ваш друг Александр Гаврилович наверно там, на своем любимом Урале.

Вспоминаю Вас каждый день. И даже, признаться, думала о Вас по вечерам (темным Ленинградским вечерам) часами. Вы были главным героем моей многомесячной мысленной повести «Бурная молодость», законченной мною лишь на днях. Интересно, как бы Вам понравился Ваш портрет?

Ну, всего, всего хорошего.

Привет всему семейству.

Ваша преданная ученица Н. Павлова.

Хотелось бы, чтобы Вы встретили весну в иной обстановке и, услышав пение птиц, принялись бы за новые чудесные рассказы. Решайтесь, Виталий Валентинович, эвакуироваться, честное слово, стоит рисковать.

(Письмо Нины Михайловны Павловой из поезда на Свердловск было, видимо, получено очень вовремя после тяжелейших впечатлений от «города-дистрофика». Помню, вернувшись, отец лежал и молчал, и позже не делился с нами впечатлениями, а записал их и отложил. Только через 52 года в журнале «Звезда» были опубликованы эти записи.

Здесь же, в последовательных записях о жизни в новгородской деревне, они хоть и о тех же днях, но как бы из другого мира. Поэтому отнесем их в конец рассказа о нашем первом военном годе. — *Ел. Б.*)

Из дневника Вит. Бианки.

10.IV — Ал. Гавр. ушел на Хвойную — и в Сандово: искать там Леокад. Игн. и Кармызы (шуточное имя его дочери. — *Ел. Б.*).

Последние дни тепло, туман, ветер. Лошади глубоко проваливаются посередине дороги.

Мне ночью снится город-дистрофик. Совсем реально, как видел его. И сновидениям ничего не надо прибавлять: это подлинный кошмар.

13.IV — Ал. Гавр. пришел с Хв.: доехал только до ст. Кабожа и вернулся, — невозможно!

15.IV — Ив. Серг. пошел на Хв. и Тихвин, — добиваться возможности всем нам выехать отсюда. Н. и Мариша отвезли часть наших вещей на Хвойную на хранение В. Ивановне.

Богини мира вновь явились музы мне...

(Пушкин)

Этого со мной до сих пор еще не произошло: нельзя писать со смертью в душе.

17.IV — говорят, что на Хвойную был налет, бомбили и бросали листовки, чтобы мирное население уходило, потому что 23-го Хв. разбомбят. Поживем — увидим.

20.IV — То вранье.

Не чувствую весны впервые в жизни.
Не могу даже дневник вести.

В Сивцеве на большой, отдельно стоящей березе собрались 13-ть скворцов. Все самцы, все поют, состязаясь друг с другом (Нюренбергские мастера пения). Такая же картина в Столбове (видели В. и Н., а в Сивцеве — я).

Читаю Ив. Серг-ча Сок.-Мик. «Избранное». У Ив. Серг. все данные, чтобы стать большим писателем, — и одно лишнее: русская всепроникающая и все разваливающая лень. Везде неорганизованность, расхлябанность, — сырье.

20.IV — Передовые журавли. Белобровик запел.

21.IV — Большая стая журавлей на громадной высоте тянет прямо с S на N, кричит, на лету, дав круг, перестраивается и тянет дальше по тому же направлению.

Вечером — дождь (первый!). Ветер южный, сильный, порывистый.

Придумал:

Порыв

Грянул ветер из-под яру
Рябь погнал под берега, —
Краснозобую гагару
Ражим свистом напугал,

Сбил над рощею сороку,
Взвился к небу, в речку пал —
И в волнах ее глубоко
Захлебнулся и пропал.

21.IV–42 г. На р. Удиной.

22.IV — Днем сильная гроза и ливень. Зазеленело.

Вечером над кручей летали первые майские жуки, пели белобровик и певчий дрозд, трещали рябинники, блеял и пиликал бекас, чуфыкал косач. Поет пеночка-теньковка.

А я как выключен из жизни: не участвую в ней, не волнуюсь.

23.IV — Слухи о наводнении в Ленинграде.

26.IV — Ив. Серг. все нет (ушел 15.IV. — *Ел. Б.*)

26.IV — Ходил с Ал. Г. в Черное болото и на опушку леса. На камен. дороге прыгал зяблик с обвисшим крылом. Взял его, принес домой — Малыге в товарищи. Очень скоро зяблик стал клевать зерно, тихонько зарюмил и начал петь вполголоса.

Я не раз писал в рассказах: «лиловогрудые зяблики-самцы». Правильнее было бы «лиловоголовые»: голова у них серая с лиловым оттенком. Грудь коричневая. Но если смотреть при каком-то освещении, — то действительно лиловая грудь.

Сегодня начался второй год моего житья в Михееве (сплошного, не считая поездки в Л-д).

27.IV — Утром входит участковый милиционер Андреев. Вызывает меня.

— Вы были в Мошенском? Можете там получить свое ружье.

Н. и В. бросились меня целовать. Я еще ничему не верю — и не поверю, пока не получу Шольберга в собственные руки. Но ладони у меня вспотели от волнения.

Шольберг опять включает меня в жизнь.

А. Г. встал, по обыкновению, в 6 часов. Зяблик уже лежал в клетке мертвый. Не живут здесь сейчас «товарищи» Малыги!

Судьба явно указывает: «Не привязывайтесь тут ни к чему — ни к собакам (Мартик, Заливай), ни к котенку, ни к птице. Ищите Земли Обетованной: — там ждут вас новые привязанности»...

28.IV — пришел Ив. Серг. Были у него. Был я в Яковищах (тел. разговор с Серг. Ник. Поршняковым).

29.IV — рано утром вышли с Нон. в Мошенское.

1.V — Домой с Шольбергом.

Какой друг! Если на тебя нападут, — он спасет тебя. В годину бедствий и голода он прокормит тебя. Улетевшую птицу-радость он даст тебе в руки, остановив ее полет, мечту приблизит. И когда ты устанешь, захочешь вернуться к матери-Земле на покой, — он окажет тебе последнюю братскую услугу.

Грачи на грачевнике. (У Дома Крестьянина в Мошенском сидел на лавочке под грачиными гнездами, слушал их немолчный говор и любовался их жизнью... И тут же «мысли дистрофика»: в столовой ДК кормят впроголодь, голодная женщина с провалившимися глазами следит за встающими из-за стола, подходит и быстро-быстро (что дается только долгой тренировкой) облизывает длинным воспаленным языком грязные их тарелки, ловко поворачивая тарелку вкруг; а рядом — выйти на крыльцо и снять с деревьев сто обедов, жирная дичь, деликатес у англичан — сто грачей!).

(Дальше целая страница записей о наблюдаемой им жизни грачей. — *Ел. Б.*)

2.V — Шольберг снова включил меня в жизнь. Опять мне внятны стали песни птиц, прелесть весны, запахи оттаивающей земли, пробудившегося к жизни леса, нежные краски весенних зорь.

Надо писать историческую эпопею: Paul Scholberg. История моего современника. Сколько тут пройдет теневых исторических картин — на заднем фоне моих скитаний с Шольбергом!

Как всегда в деревне — с ружьем, биноклем, книгой, бумагой для работы и... собакой. (1940 г.)

4.V – Возвращение зимы. Холодный West. Летят снежинки. Вечером –4 °С.

(Далее – подробное описание выхода в лес с ружьем. Но обнаружилась поломка ружья, кузнец Осип поправил. – *Ел. Б.*)

6.V – Вечер. Ив. Серг. принес Шольберга – с двумя медными блямбами по бокам на замке, со стертым напильником прикладом. Больно смотреть. Но все же: теперь прочно. Можно стрелять. Стало легче.

7.V – Снег, холод (–2 °С), ветер. С Ив. Серг., В., Т. пошли на тягу.

8.V – Н. с Маришей утром ушли в Мошенское за картошкой. W несет снег, – 0 °С.

9.V – У Н. сорвался (испортился – сорвалась поездка на грузовике. – *Ел. Б.*) грузовик, – не приехала.

12.V – Перед самой тягой вернулась Н. с Маришей. Картошку доставили на машине в Мелехово.

12.V – первое Ку-Ку!

13.V – весь день дождь.

14.V – Днем провожали Ал. Гавр. (пошел с Ив. Серг.) почти до Заделья. <...>

Лес прозрачен, но полон неродившихся душ, незримо присутствующих в парном – после сильного теплого дождя – воздухе. Кто-то дышит на земле и в голых еще ветвях, кто-то хочет петь и смеяться. Листочки берез робко размыкают крошечные свои ручки.

15.V – запел соловей...

16.V – Ходил в Яковищи, ждал звонка Ал. Гавр. с Хвойной. Дождался. Теплушку дают, – уря!

17.V – Вернулся (ночью) с Хв. Иван Серг. Утром был у него. Уговорились уезжать 20-го. У Мариши норма (вчера фельдшер констатировал воспаление правого легкого). У Т. вдруг 39,0°.

18.V — Ходил в Яковищи, убирал вещи. Сейчас то прекрасное, самое лирическое и короткое, как вздох, время весны, когда листочки на березах разжимают свои слипшиеся ладошки, лес кутается в зеленую фату, в кустах уже поют соловьи, но нет еще дергача в лугах, а день уже обнялся с ночью...

19.V — Отложили отъезд еще на день. У Маришки вчера опять было 39,0°. Т. тоже еще не совсем избавился от гриппа.

Утром ударил гром, раскатился, — а я не узнал, думал — бомбежка!

20.V — Герой дня — Малыга: утром принес окуня в ¾ фунта, двух средних, двух подъязиков и несколько уклеек; вечером — 3 больших окуня, подлещика и несколько уклеек.

Ив. Серг. пошел в Тумашево — проститься с Карабожей.

21.V — С утра в Яковищах: заявления на почте, в с/сов. насчет подвод, хлеб получили с Н. до конца месяца. Налаживается, расползается, опять налаживается...

Бабы приходят прощаться, ревут, приносят кто молочко, кто яички... Трогательно. Уборка.

А. Г. звонил с Хвойной: теплушка «забронирована, ждет».

Завтра должны тронуться.

Куда? На какую жизнь?

А Малыга с утра до вечера на речке, утром принес двух очень больших окуней (в одном — фунт), крупных подлещиков. Сам гоголем ходит.

У Мариши опять 39,0°.

Итак — завтра.

Великий исход!

Михеевские годы кончились. Кончилась и тетрадка.

Счастливый путь!

II

ГОРОД, КОТОРЫЙ ПОКИНУЛИ ПТИЦЫ

ПРЕДЫСТОРИЯ ЭТОЙ ПУБЛИКАЦИИ

Время записей обозначено — весна 1942 года.

Уже много месяцев идет война. Отец мой, Виталий Валентинович, и его друг и сосед по деревенской летней жизни — Иван Сергеевич Соколов-Микитов — призыву на военную службу не подлежали. Наши семьи как приехали на лето в Мошенской район Новгородской области, так и продолжали там жить и после начала войны. Возвращаться в Ленинград казалось неразумным. Но и в новгородской глуши на нашу долю пришлось немало трудностей. Перечислять их не буду. Достаточно сказать, что фронт приближался, нашу железнодорожную станцию и аэродром неоднократно бомбили, а уехать нам оттуда было некуда, — где нас ждали? — да и денег не было. За все изданное к тому времени гонорары получены, новое не печаталось. Однако Литфонд прислал ссуду; продав заработанную на трудодни муку и прибавив к этим деньгам ссуду, наши семьи все же смогли расплатиться за теплушку и в мае 42 года двинулись на Урал — в Пермь-Молотов.

До этого совершенно неожиданно появился у нас из Ленинграда писатель Александр Гаврилович Бармин с довольно утопической идеей — организовать подсобное хозяйство ленинградских писателей. Вскоре, не менее неожиданно, отцу представилась возможность съездить, вернее, слетать, на несколько дней в Ленинград.

«Лучше один раз увидеть...» — вот отец и увидел сразу то, о чем знал только из писем, прошедших двой-

ную – авторскую и военную – цензуру. Правда, знания жизни и воображения у него хватало для того, чтобы восполнить недосказанное. И все же...

По возвращении (6 апреля) в деревню отец два дня лежал и молчал, ничего нам не рассказывал. Немного позже из разрозненных записей составил страницы, которые сейчас предлагаются читателю. Здесь то, что он видел, на что обращал внимание или обращали его внимание те, с кем общался в эти несколько дней в Ленинграде. (Жил у И. А. и Т. К. Груздевых на канале Грибоедова, 9).

Озаглавил записи по-своему, по-бианковски – через птиц. Птицы – любовь отца, с птицами, по его мнению, пришла на Землю радость.

Елена Бианки

Иль отравил твой мозг несчастный
Грядущих войн ужасный вид:
Ночной летун, во мгле ненастной
Земле несущий динамит?

А. Блок, 1910 г.

ПОЛЕТ. НЕПОДВИЖНЫЕ КРЫЛЬЯ

Над Хвойной немолчно ворчат самолеты — днем и ночью.

С военными все очень просто. Едва познакомился с молодым летчиком:

— Я переговорю с начальником, устроится.

Начальник только просмотрел командировку, пропуск — и на клочке бумаги написал, чтобы меня взяли на отлетающий самолет.

Машина с пассажирами уже ушла.

— Остановить первую попавшуюся и доставить на аэродром.

Через десять минут я на аэродроме. Командир машины просмотрел документы, записал фамилию и, — можете идти садиться.

Американский двухмоторный Дуглас (№ 440). Легкая металлическая приставная лесенка. Таскают груз — в брюхо рыбины: можно садиться. Беру свои три «места» (сухари, сухари, лук, горох и прочее для ленинградцев) и забираюсь в просторное брюхо.

Впереди кабинка пилота — дверь закрыта. Потом несколько мягких стульев с откидными спинками (мож-

но спать как в шезлонге — полулежа); они уже заняты равнодушными рабочими пассажирами. Мы — армейский командир по части связи (тюки почты, мешок телеграмм), еще двое военных и я — устраиваемся у бортов на своих вещах. Пилот (т. Чернышов, самолет ведет из Москвы) прошел в свою кабинку (в двери мелькнули колеса и рычаги). Лесенку убрали, дверцу захлопнули.

Загудел мотор. Наш большой самолет побежал тихо и плавно (на 3-х толстых резиновых колесах) по снегу. Повернули. Разбежались. Стоп!

Пилот с лопатой выходит из своей кабинки, приставляет лесенку, спускается: оказывается — задели крылом за сосенку. Она срублена. Бежим дальше. Незаметно поднимаемся. Сосннячок близко под нами. Над поселком, где только что проходили пешком, разворачиваемся. И так же низко плывем над лесом, над лесами.

Покачивает плавно, как на большом морском пароходе. (Совсем не похоже на полет на открытом У-2: тут пассажир отделен от стихии, ветра, — он в каюте, тепло, провалов в воздушные ямы нет, — как по волнам скользит большая воздушная рыба).

ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Два красноармейца тащат полный мешок с повисшей на нем женщиной. Третий направляет на нее револьвер.

— Не отдам! — вопит женщина. — Мое! Убивай!

Через полчаса разговор по телефону в комендантском (комендатуре? — *Ел. Б.*) у аэродрома.

— Я комендант. Товарищ начальник. Тут бойцы отнимают у женщины картофель. А?.. Какой части? Зе-

нитчики. Я был. Не признают, что комендант. Угрожают оружием. Пришлите... Слушаюсь.

На грузовике въехали в Город. Сразу начались разрушения: пожарища, вырванные куски домов, полуразрушенные церкви, пустые окна, глухие ставни и в верхних этажах. Черные грачевники. Нет грачей.

Город обступает нас все шире. Медленно — как замедленные движения в кино, — медленно бредут люди. Не люди: носатые обезьяны. У женщин особенно: костяные лица, провалы щек — необычно выдавшиеся, увеличенные носы. Проезжают люди на велосипедах с тючками на багажниках. Медленно, медленно едут, устало поднимая и опуская ноги.

Свалка мусора. Трупы на ней — мужские и женские. Часть зашита в разное тряпье, часть так. Напротив — за ложбиной — кладбище. Ни птиц, ни собак. Прохожие не взглянут на трупы.

Цел Смольный — как подарок. Черное пожарище в саду на Таврической на чистом снегу. Грязный, облупленный, с поврежденными домами Литейный сразу не узнаю: темная какая-то улица, хотя светло. Застрявший в сугробах исковерканный танк. (На следующий день он исчез). Слепые окна домов, забранные ставнями, внизу — щитами с песком; кой-где на стеклах грязные бумажные косые и прямые кресты (анахронизм).

Машина остановилась около прокуратуры; шофер и начальник ушли в дверь, охраняемую красноармейцами с винтовкой.

Ждем. Уже которую тянут мимо нас на санках «пеленашку». Армейской связи командир, сидящий со мной в грузовике на мешке с телеграммами, кивает мне:

— Глядите, еще!

Седая сгорбленная женщина с бетонно-серым лицом и прядями выцветших волос, выбивающимися из-под модной когда-то шляпки, вдруг останавливается у машины и говорит глухим, провалившимся голосом:

— Удивляетесь? У нас все так. Много. Все умрем. — И не дождавшись ответа, плетется дальше.

Шофер выходит. Едем на Невский. Грязь, грязный лед, грязные дома, провалы окон, провалы стен. Неожиданно плоский — без красавцев клодтовских коней и укротителей! — Аничков мост.

Перспектива Невского кажется много шире и пустынней: две-три машины на ней, жидкий поток невзрачных прохожих. И аккомпанемент ко всему: редкое буханье тяжелых снарядов где-то в стороне Московско-Нарвской заставы и где-то на Выборгской.

Птиц на улицах города больше нет. Голубей переловило и съело население еще в начале блокады. Галок тоже. Затем были съедены лошади. С лошадьми связаны воробьи.

Когда я приехал, началась уже настоящая весна. Но грачи в город не прилетели. Возможно, их, как и других птиц, отвадил ежедневный обстрел. Изредка лишь в городе можно слышать или видеть карканье вороны: этим трупоедам достаточно пищи в осажденном городе.

РАЗРУШЕНИЯ

Мы жалели Лондон и лондонцев: сколько пришлось вытерпеть городу! За все время войны (до марта 1942 г.) на Лондон было 130 с чем-то налетов с бомбежкой. На Ленинград было уже 330 с чем-то налетов, 330 раз на

него сыпались тяжелые фугасные и зажигательные бомбы — не считая обстрела из дальнобойных орудий, — из месяца в месяц, изо дня в день. Самыми опасными местами во время налета оказались наши бомбоубежища: упав поблизости от них, бомба заживо погребала всех собравшихся; там людей заливало водой из лопнувших труб водопровода раньше, чем их успевали раскапывать.

Случалось, из-под земли и обломков высовывается рука, на ней браслет, кольца или часы. И раньше, чем человек увидит свет, эти вещи уже сняты с его руки.

На всю зиму Город остался без электричества, водопровода, канализации, трамвая, радио (кроме «точек»), отопления и еды. Ни одна вражеская бомба не попала ни в одну электростанцию, ни в водонапорную башню водопровода, ни в радиостанцию. Попала бомба (еще в самом начале блокады) в Бадаевские хлебные склады и сожгла их (три дня, говорят, освещал пожар все небо, весь Город). В большом Гостином дворе бомба с самолета убила нескольких служащих в «Издательстве писателей», но весь выгорел Б.Г. Двор, говорят, от буржуйки. Через канал от Дома книги большой пятиэтажный дом, где на углу известная «Культурная пивная» была. В середину этого дома попала тяжелая бомба, вырвав все этажи снизу доверху трубой диаметром метров в 10.

(Сама «Культурная пивная» осталась цела. В этом помещении продают сейчас хлеб, и называется она сейчас на языке обывателей — «разбомбленная булочная». «Где брали хлеб?» — «В “разбомбленной булочной”».)

Кишки наружу. В разрушенной части дома с исчезнувшим фасадом (так Хромой Бес Лесажа снимал крыши домов, чтобы показать, что внутри делается) на случайно уцелевших уголках комнат видны: учрежденческий

канцелярский стол, корзина для бумаг под ним, стена частной квартиры, где с пола свисает рояль (а под ним пусто). В доме № 11 по Литейному пр. – рядом с домом, где жил А. Г., где помещался продовольственный магазин, именовавшийся «Корова» (фигурка коровы стояла в витрине), – попала «тонная» бомба. Вырвало полдома. Уцелела лишь подворотня.

В разрушенных этажах видно: уцелевший уголок чьей-то спальни – кровать стоит простая железная, рядом с ней зеркало на стене и пиджак висит.

Мариша Ворслова рассказывает: «От бомбы обвалился весь перед дома. В этой квартире наверху сидели и чай пили. Они так и застыли с блюдцами в руках. А кругом них, – ни стен, ни пола, ни потолка.

Я обошел Мариинский театр – и радовался, что так мало его повредило: в одно месте легкий, видно снаряд чиркнул по углу; в другом – вскрыло стену (со стороны Невы) и видны переходы лестницы, площадки, где в антрактах продавались напитки и пирожные. Это легко ремонтировать. Потом я узнал, что бомба упала сквозь крышу и все ярусы внутри обвалились. Этого снизу не видно.

Городская дума на Невском, башня ее стоит как прежде, только часы вылетели. Но внутри, говорят, ничего не осталось.

В первый день мне показалось, что уличные часы во всем городе остановились на половине пятого. Потом убедился, что все они показывают разное время – ту минуту, в которую грохнула около них бомба или разорвался снаряд.

Остановилось твое время, Ленинград! Трехэтажный особняк на Французской набережной у Литейного моста «вырван с корнем» – только груда кирпичей осталась.

GENIUS LOCI

— Гений Петра хранит город, — говорит И. Гр. — Заметьте: ни одно из зданий, связанных с Петром, не пострадало от бомб и снарядов: ни Адмиралтейство, ни Петропавловка, ни Академия наук, никакие творения эпохи Елисаветы и Екатерины, — даже Смольный. В Сенат, правда, попало, но разрушения незначительные, восстановят быстро. А в квартал Росси ложились тяжелые снаряды — и не могли разрушить: так крепки стены.

В левом крыле Русского музея вылетели все его огромные окна. Сквозь дыры видны висящие на стенах картины, — народ может созерцать их с улицы, бесплатно.

Памятник на Знаменской площади — Александру III («Обормот на бегемоте») был зарыт во дворе Русского музея. Бомба упала как раз на это место, но не прошла в землю, взорвалась на поверхности, — не повредила ни царя, ни коня.

В Зоологическом саду слониха Бетти была тяжело ранена осколком бомбы. Ее пристрелили и съели. Съели, говорят, и всех других зверей и птиц сада.

Ботанический сад разрушен бомбами. В теплицах уничтожены такие растения, каких больше нет нигде на Земном шаре (тысячелетние саговые пальмы и др.). Так велик Город, что уничтожить его весь никакими бомбами и снарядами невозможно. Может быть, люди придумают еще новые средства для этого?

СТИЛЬ СМЕРТНОГО ВРЕМЕНИ

— Несите, несите! Вот сюда, пожалуйста. Нет, тут нехорошо: крысы объедят. Вот так повыше. Голову подоприте. Вот и славненько, и спасибо вам!

— Паспорт есть? Хм... Тогда надо бы десяточку...

Так при посещении депутата Ленсовета И. Гр. принимала служительница морга Смольнинского р-на привозящих на санках трупы.

Носы, уши, щеки кучей сваленных в морге трупов были выедены крысами.

Если ты вежливо спросишь о чем-нибудь проходящего — безразлично — молодого, старого, мужчину, женщину, — тебя обязательно обругают.

Дорога за кольцо называется здесь просто «трасса», или поэтически: «Дорога жизни». Кто-то из писателей, сидя здесь, уже пишет роман под таким названием. В. К. Кетлинская в течение всей зимы пишет роман «Осада Ленинграда».

Уезжая из Города во время большого налета, я слышал адский вой сирен (тревога). Но так и не услышал сигнала отбоя.

Сигнал жизни по радио: неторопливо все время, днем и ночью (когда нет передач) тикает метроном. Тревога — и тиканье замолкает, потом вдруг начинается частое.

ЮМОР ПРИГОВОРЕННЫХ К СМЕРТИ

— Уходя из гостиной, не забудь потушить зажигательную бомбу.

— Меняю фугасную бомбу на две зажигательных в разных кварталах.

— Превратим каждую колыбель в бомбоубежище.

— Получил попок (=паек: выдачей пайков населению города распоряжался в Смольном тов. Попков).

— Великомученица Дистрофия.

— Каша повалиха (из отрубей).

— Сыр Пер Гюнт.

— Хряпа (капуста).

— Завернул козью ножку — получай «зажигалку» (зажигательную бомбу).

Женя Шварц, потерявший свое брюхо: «Теперь я по утрам вскакиваю в свои нерасстегнутые брюки». (Улетел в конце декабря).

— Пеленашки.

В каждой газете: «Немецкие стервятники...»

— А стервы, значит, это мы?

— В кинотеатр «Последние новости» (на Невском) попала бомба, — передавали друг другу ленинградцы. К сожалению, это была не острота.

— Фриц летит! (немецкий самолет).

<u>В смертельное время в городе еще острили. В марте больше не острят.</u>

ЦЕНЫ

<u>Рояль Беккера</u> кто-то из писателей, живших в надстройке (Канал Грибоедова, 9. — *Ел. Б.*), продал за — 1,5 кг хлеба.

Хлеб — в январе-феврале 42 г. — 1000 р. кг; в марте — 400 р. кг, считается, но нигде не купишь.

Коробок спичек — 15 р. в марте на углах (оч. редко). 100 гр. табаку (легкого) — 400 р. — «в подворотне».

На улицах встречные произносят вполголоса: «Меняю табак». «Папиросы». «Есть табак».

Новый мужской костюм — 1,5–3 кг муки (1–2 кг сухарей).

Пакетик сосновой хвои — 20 г в конце марта свободно можно было купить на улице — по 35 коп.

Плитка столярного клея — 35 р. (вываривают, делают студень).

Гужи (сыромять) — по соглашению.

УЛЫБКА

Теперь у ленинградцев, как у японцев, бушидо: улыбаясь сообщают самые душераздирающие новости.

— У меня мать умерла. — У меня дочь в убежище завалило. — Трех сыновей уже у меня на фронте убило. И улыбаются. Страшная, торопливая болтливость дистрофиков и не сходящая с лица, онемелая улыбка.

— Сейчас, что, а вот в смертное время было... — и следует бесконечное нагромождение ужасов.

На улице видишь много безумных лиц; чаще всего они улыбаются. Застывший на лице испуг — редкое явление.

Маска смеха на выходцах с того света.

Город напоминает замок из сказки о спящей красавице; трамваи не ходят, застывшие машины на улицах, и люди — кто где ткнулся — замерзли.

СТРАХ И БЕЗРАЗЛИЧИЕ

К вечеру управхоз привел меня к участковому (по делу о краже моего рояля). Были сумерки, и участковый зажег лампу. Начался обстрел из тяжелых орудий. Снаряды ухали где-то недалеко, но ни участковый, ни толпившиеся около его стола женщины не обращали на взрывы никакого внимания.

Вдруг ухнуло совсем близко, — даже лампа притухла, дом задрожал и закачался. На лице участкового отразился испуг. Лампа снова вспыхнула. Участковый — без всякой рисовки, простодушно вздохнул: «Фу ты! А я думал — лампа погасла», — и продолжал наполовину прерванную фразу.

Жена Евг. Льв. Шварца — Ек. Ив-на всю зиму отличалась необыкновенным мужеством. Она бессменно дежурила с мужем на крыше, когда Г..., К... с плачем скрывались в убежище. В конце февраля Шварцы решили воспользоваться случаем и улететь. Тогда Ек. Ив-на вдруг превратилась в трусиху, готова была куда угодно прятаться во время налетов и обстрелов. Еле дождалась вылета.

М. И. Максимова (временно вселенная в нашу квартиру), по собственным словам и утверждению соседей, впадала в истерику при налетах, поднимала всех в квартире на ноги ночью даже при отдаленной бомбежке. Потом вдруг ей стало совершенно безразлично — ухает, нет ли. Теперь ее штрафуют за то, что она не прячется во время налетов, и детей своих она не будит ночью во время бомбежки.

ДИСТРОФИЯ

«Расстройство нервной и мышечной системы на почве истощения».

«Дистрофия один» («Раз»). «Дистрофия два». «Дистрофия три» — безнадежная стадия; человек умирает в три дня.

Дистрофический понос. Опухание ног. Катастрофическое похудание (в два-три дня от человека остается «одно основание»). Боль в позвоночнике. Ломаются ногти. Помутнение сознания. Серый цвет лица. Кровавые веки. (Б. Я. Бухштаб).

Пена у рта. Кожа трескается.

Проделавшие всю дистрофию до конца умирают безропотно, почти безболезненно — обычно во сне.

Выпадение волос. t° 35,4°, 35,2° у дистрофиков считается нормальной, t° 36° с десятыми — «повышенная температура». У Ал. Г. Б-на, когда он лежал в стационаре, было 34,4° и 34,2°.

Для дистрофика гибельно всякое чрезмерное (по его слабым силам) усилие. А. Г. свалился, подняв к себе на пятый этаж санки с грузом. Катастрофическим расходом сил объясняется, вероятно, и то, что наравне с людьми непрактичными умирают от дистрофии также и жулики, ловчилы: тратя на изыскание средств существования много сил, они быстро приводят себя к гибели.

КНИГИ

Книжные магазины в городе, как и все другие, давно закрыты. Редчайшие, ценнейшие можно купить в

городе издания. Открыта оставалась одна только Книжная лавка писателей. Заведующий ею — Геннадий Моисеевич Рохлин. Он уже закупил книг для четырех лавок и открывает их (март). У Дома книги, на Литейном, на Симеоновской — столики, лотки с книгами. Тут всегда густо народу. Особенно много покупают книги (беллетристику) военные. Всюду — в коридоре Смольного и на улицах — продается «Пятнадцатилетний капитан» Ж. Верна, выпущенный в начале войны. Раскупается, главным образом, увлекательное «чтиво» — авантюрные романы. И старые классики. Все то, что описывает жизнь, не похожую на современную. Коллекционеры и любители редких книг маниакально продолжают — и, конечно, весьма плодотворно сейчас — погоню за ценным товаром, обесцененным сейчас.

ВОЛНА

— Все дело в том, как пойдет волна: если от тебя, так хоть бы что!

Дом, где живет Ю. Бурчик, почти рядом с Австрийским посольством. Когда ударило в Австрийское посольство, у Б. только стекла задрожали. А напротив посольства на улице Чайковского, волной от взрыва была убита на месте дежурная, стоявшая на площадке лестницы внутри дома (окна в нем, конечно, выскочили).

По направлению движения волны все стекла вылетают на большом расстоянии. Иногда волна выкидывает неожиданные штучки. В комнате, где спала племянница И. Гр., волной свалило стену, под которой стояла ее кровать. Свалило целиком, плашмя. И навалило верхним концом на другую стену — устоявшую. Получил-

ся треугольник, внутри вершины которого осталась спокойно стоять кровать племянницы И. Гр. Молодая женщина осталась целехонька.

И вот факт (сообщил И. Гр.) просто сказочный: дежурившего на крыше гражданина сорвало с ног, перекрутив несколько раз в воздухе — и там тихохонько поставило на ноги. Человек очнулся — и никак не мог понять, каким чудом он здесь очутился.

БЕЗРАДОСТНЫЕ СВЕТЛЯКИ

Какую радость мы испытали однажды с В., когда темной августовской ночью возвращались однажды из Тумашева от И. С. в Михеево и вдруг в ложбине, полной тьмы и тумана, увидели множество теплых огоньков, светящихся в траве и на кустах, — целую высыпку светлячков.

Громадный город глухо затемнен. Он не смеет нигде зажечь огня. Черная зима. А людям надо как-то ходить по черным улицам. И вот, чтобы не наткнуться друг на друга в этой кромешной тьме, пришлось подавать друг другу световые, все же, сигналы, но такие слабые, чтобы не мог заметить грозящий с черного неба враг. На пальто и шубах появились круглые, как пуговицы, жетоны-светляки. Предварительно они заряжаются на солнечном (таком редком в городе) свете или свете лампы, даже спички; во тьме флюоресцирует слабым зеленовато-голубым светом. Ночь. Улица. В полной тьме — грозящей ежеминутно смертью тьме — движутся навстречу друг другу мертво светящиеся точки. Как проклятые души в кромешном аду. Света от жетонов

ровно столько, чтобы людям не натыкаться друг на друга, — понять, что рядом другая, еще не умершая душа.

Самое удивительное: специальные мастерские стали художественно оформлять этот новый адский быт — новую моду. Появились маленькие (мужские) и большие, как пуговицы у дамских пальто (женские), круглые светящиеся жетоны, изящно сделанные. На пальто у О. Кузнецовой («Враг под микроскопом») я увидел большой жетон с тонким рисунком жирафа (красный) и пальм (зеленые) на общем желтоватом (цвета флюоресцирующего вещества) фоне пустыни. Художники выпускают такие жетоны с фигурками слона, горного козла, северного оленя, белого медведя. Говорят, «ширпотреба» из этого не делают, — художественной работы жетоны не поступают в продажу, расходятся тут же по рукам.

При чем тут звери? Уж я бы делал жетоны с видами Города, его уцелевших и разрушенных зданий, — а то с самолетами-бомбардировщиками, облачками зениток в небе, — с картиной воздушного налета, взрывом «фугасок» и «зажигалок», с огнем пожаров от них, с кромешной тьмой погруженного в смертную тьму Города.

«Ночь. Ледяная рябь канала. Аптека. Улица...» и — вместо фонаря — безрадостные светляки, неприкаянные души вяло движущихся во тьме дистрофиков.

—

Черный монах на крыльях нетопыря, пролетающий над кровлями черного Города, — сам сатана — какая детская нестрашная фантастика в сравнении с действительностью этой черной зимы. Знакомые панорамы родного города, независимо от погоды — ясная ли, туман ли — казались мне совершенно нереальными. Душа Города умерла?

ЕСТЬ ЛЮДИ ХОРОШИЕ И ДУРНЫЕ

(«*Бытие определяет сознание*»)

Профессор-литературовед Борис Михайлович (Икс) сам сознавался: «Когда дело доходит до пищи, я становлюсь звероподобен». Он грабил собственных детей, съедая их паек. Профессор-литературовед Борис Михайлович (Игрек) в это же время умер от истощения. После его смерти оказалось, что свой паек почти весь он отдавал дочери, отказывая себе в последнем кусочке хлеба.

ЛЮДОЕДЫ

На свалках, просто на улицах я видел несколько трупов с вырезанными икрами. Это уже никого здесь не волнует, никого не возмущает; от этого никого не мутит. Говорят об этом все с той же безразличной, слегка удивленной улыбкой. Как бы в оправдание говорят: «Они не обязательно сами едят: делают пироги с мясом, продают».

В двадцатых числах марта ушла из дому (по ул. С. Перовской, против переулка, где «недоскреб») и не вернулась розовая девочка 16-ти лет. Милиция розысков не производит. Через несколько дней в том же доме милицией были арестованы (и, говорят, расстреляны) женщина и мужчина, уличенные в людоедстве.

МЕРТВАЯ ЗВЕЗДА

В одиннадцатом часу ночи я шел с Петроградской (от Виллер) через Троицкий пустынный мост. Среди звезд высокого ночного неба вдруг зажглась одна большая белесоватая. Стала неподвижно над кровлями ка-

менных громад где-то за Мраморным дворцом. Как глаз. Невольно притягивала взгляд, пока я шел через долгий мост. Потом вдруг исчезла. Пропала без звука и движения. А рожденная ею тревога — что-то недоброе, холодом и жутью пронизывающее было в этом мертвом белесом глазе, — холодок тревоги остался. Потом Т. К. Гр. и другие говорили, что часто видят и всегда на одном месте — там, где я ее видел. Что это такое — никто не знает. Может быть, своеобразная ракета, условный световой сигнал (Пятой колонны?)

В той стороне, где зажглась эта мертвая звезда, началась канонада тяжелых орудий. Низкие разрывы глухо ухали в городе двойными ударами: вероятно, стены улиц отдают эхо.

На всем Марсовом поле не было ни одного человека.

ПЕЛЕНАШКИ

Так называют в «недоскребе» (и, кажется, во всем Городе) трупы, которые везут по улицам на санках. Умерших зашивают в кусок материи, в одеяло или простыню. Взвалив на санки, везут в морг, на кладбище, на свалку. Когда мы с Охты повернули на мост, один из сидевших в машине ленинградцев сказал:

— Каждый раз считаю, сколько их встретится на мосту. Сегодня мало — только 7.

Это — пока наша бодрая машина промчалась по короткому — короче любой улицы — мосту. Пеленашки — это обихоженные мертвецы. Кроме них на улицах часто можно видеть «бесхозных» мертвецов.

31.III — утром я шел по бульварчику улицы С. Перовской; в конце его лежал труп — в «робе» и до того усохший, что не поймешь, мужской или женский. Ве-

чером поздно, возвращаясь с В. О., я пошел этим же местом, чтобы убедиться, что труп убрали. Тот же труп в той же позе лежал на том же месте (но с вырезанными тощими икрами); рядом с ним лежал второй труп — женский; чуть подальше — третий, мужской. Говорят, управхозы и дворники оттаскивают трупы со своей на соседнего хозяйства территорию, — чтобы избавиться от обязанности свозить трупы в морги.

Говорят, погибло 2000000 человек (март 42 г.). Много, вероятно, и подснежников. Однажды я видел. Против Русского музея раскапывали сугроб. В середине сугроба лежал труп мальчика лет 10–11. Лежал с подложенной под лоб рукой; видимо, так и ткнулся в снег, обессилев на ходу, — так и прервалась жизнь, застыло тело.

СМЕРТНОЕ ВРЕМЯ

Идя льдом через Неву к Васильевскому острову против Биржи, я услышал обрывок разговора между молодой женщиной и мужчиной, догонявшими меня:

— ...И это мы пробовали есть в смертное время, — говорила женщина.

Навстречу нам мальчик тащил санки с пеленашкой, узкой и недлинной, — может быть, с трупом своей матери. Разговаривавшие, обогнав меня, не обратили никакого внимания на этот груз, не переглянулись даже, давая мальчику дорогу. В этот же день вечером на улице в центре я опять услышал это выражение: «В смертное время». И опять разговаривавшие не обратили никакого внимания на двигавшийся им навстречу груз: молодая изможденная женщина везла на санках одну большую и две маленькие пеленашки, — может быть, всю семью: мужа и детей. На повороте у садика против Русского

музея длинная пеленашка, с болтавшейся под матерней головой, сползла с санок до половины в снег. Усталая женщина остановилась, досадливо толкнула труп ногой на место и с усилием опять потянула за веревку.

Смертным временем называют декабрь, январь, февраль, когда в городе умирало, говорят, до 30, даже 40 тысяч в день. В марте, говорят, умирает уже только 10000 в день.

НОЧНОЙ РАЗГОВОР

Когда с пустынного Марсова поля я свернул на Екатерининский канал (в одиннадцатом часу ночи; ходить по городу можно до 11 часов вечера), меня догнал и пошел со мной одинокий прохожий — военный командир. В высоком ясном ночном небе ворчали невидимые самолеты. «Не могу слышать!» — нервно, по-детски капризно заговорил прохожий. — «Просто не выношу». — «Да ведь это наши». — «Все равно. Черт их знает — чьи! Самого звука моторов не переношу». — «А как же на фронте?» — «Поверите ли: я с самого начала войны на передовых. Ко всему привык. Когда обстрел — это я понимаю, вижу, куда бьет. Нисколько не боюсь. А этот черт... самолет. Вот так и кажется, что он у тебя над головой и сейчас засвистит бомба. Хоть, конечно, знаю, что когда над головой — это уже не опасно. Просто нервы не выдерживают. Не могу. Все равно: наши, немецкие».

ДНЕВНОЙ РАЗГОВОР

На углу Литейного и Симеоновской окликнула меня Ел. Влад. Суровцева-Бельская — дамочка из хорошеньких, всегда сияющая; спаниелистка. Сообщила, что умер Дм. Л. Шведе, с улыбкой, как полагается. И вся

сияет. «Вы не похожи на дистрофика», — говорю ей. — «Нет, что вы! Я живу теперь лучше, чем до войны». И действительно: видно, что ей весело в этой обстановке. Узнала о попытке организовать подсобное хозяйство писателей и загорелась тоже ехать (она-де художница и служит в Горкоме художников). «Я и рыбу ловила и охотилась. И собак достану. Но я-то буду там администратором. Только вот как соболя все оставить в пустой квартире?..» Она, конечно, никуда не поехала.

ЖЕНСКОЕ

Любви, как и искусству, человек отдает избыток жизни. Не благая ли мать-природа предусмотрительно позаботилась о матерях: у многих девушек и женщин-ленинградок месячные кончились еще в ноябре. В «смертное» время из двадцати только трое покойников приходились на долю женщин. В марте женщины стали мереть наравне с мужчинами. С осадой и голодом кончился всякий флирт в городе.

Тем более я удивился, услышав игривый смех двух девиц под руку с кавалером в военной форме, шедшим посередине и откровенно к ним прижимавшимся. На широкой панели у Адмиралтейства я обогнал этот тесный триумвират, обернулся — «кавалер» была тоже женщина, только в военной форме.

Много женщин-калек на улицах: без руки, без ноги, — осколки бомб и снарядов не разбирают пола.

Очень много женщин на улицах в штанах, чаще лыжных, в комбинезоне шахтерок, в военной форме и брюках, заправленных в русские сапоги, комсомолки-осодмиловки, потом — бригадмиловцы: общ. содействия милиции и милиц. бригады. Иногда пройдет тоненькая

дамочка в дорогом пальто, а ниже — в мужниных или брата брюках, заботливо выглаженных, со складочкой.

Поражающее количество женщин, даже девиц с усами. Наоборот, у мужчин быстро выпадают волосы, исчезла волосатость тела.

Самое ужасное — на дистрофическом, изможденном, бетонно-сером лице — ярко накрашенные, мертвые губы.

Голод убил приличия, скромность, стыд. Даже девицы не стесняются «оправляться» у всех на виду.

ЕВРЕИ

Какое множество обнаружилось мужественных и храбрых евреев в Ленинграде! Гриша Гр. — по осеннему еще письму Н. И. Бойцова — «самый бодрый еврей в Ленинграде» в окопах в 70-ти метрах от «фрицев» — и бьет их, совершенно неожиданно став снайпером, из своего полуавтомата. Бьет и оживает (после трагической потери матери) вместе с весной:

«Весеннее солнце, грачи (еще не добитые снарядами и минами), земля, задышавшая паром, живые комочки, перекатывающиеся по снегу траншеи, полевые мыши — все действует, как живая вода... Ночью, когда стою на посту, — мечтаю!» (из письма от 3.IV–42 г., написанного на передовых).

Разговор с Розой Григорьевной Виллер в Ленинграде 31.III.42 г.

— А если Ленинград займут немцы?

— Что вы! Мы об этом и мысли не допускаем. Ни на минуту. Зачем же все эти страдания столько месяцев?

24.III–4.IV.1942 г. в Ленинграде.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

***А**. Н.* — управдом в Ленинграде на В. О., 3 линии, где жили Бианки.

Александр Гаврилович, Ал. Г., А .Г. — *см.* Бармин А. Г.

Алексеев Иван Алексеевич — учитель, беженец из-под Ст. Руссы, разыскивал свою семью.

Аленушка — см. Соколова Е. И.

Алеша — см. Попов А.

Анатолий, Толя, Т. — см. Бианки А. В.

Андреев — участковый милиционер в Устреке Мошенского р-на.

Андрей Гаврилович — зав. почтой в д. Яковищи Мошенского р-на.

Андрей Меженный (1918–1983) — биолог, бывший член юннатского кружка при Зоолог. ин-те, участник Финской и ВОв.

Анна Андреевна Ахматова (Горенко) (1889–1966) — поэт, переводчик, литературовед.

Анна Яковлевна Иоселевич, А. Я. — мать Г. П. Гроденского, жила в Боровичах,переехала в квартиру Бианки, чтобы не оставаться одной, умерла в Ленинграде в 1942 г.

Антонина Никитична — жена Я. М. Круглова, лесника, в доме которого в д. Михеево жили Бианки.

Бармин Александр Гаврилович (1900–1952) — прозаик, писал главным образом об Урале.

Белышев Иван Петрович (1894–1942) — поэт и прозаик, детский писатель. Погиб в блокаду в Ленинграде.

Беляев Александр Романович (1884–1942) — писатель-прозаик.

Берковский Наум Яковлевич (1901–1972) — литературовед, профессор Ленинградского университета.

Бешелев — начальник детского лагеря Литфонда в Молотовской области в военные годы.

Бианки Анатолий Валентинович (Т., Толя, Анатолий, «Аристотель») (1892–1972) — брат Виталия Валентиновича Бианки, метеоролог. Работал в Главной Геофизической обсерватории, 11 лет метеорологом на ж/д транспорте (Кировская ж. д.), в Арктическом институте. В феврале 1942 г. эвакуировался из Ленинграда в Красноярск. Жена — Е. И., урожденная Попова. Дочь — Нерея, пасынки — Евгений и Элий Федоровы.

Бианки Валентин Витальевич (*Малыга, Валюшка*) (1932–1970) — сын писателя.

Бианки Валентин Львович (1857–1920) — отец писателя, широко известен как ученый-орнитолог, работал в Зоологическом музее Петербурга.

Бианки Вера Николаевна, урожд. Клюжева (1894–1972) — жена писателя.

Воеводин Всеволод Петрович (1907–1973) — прозаик, драматург; с 1944 г. — старший редактор Детгиза, с 1949 г. — старший редактор издательства «Советский писатель».

Вольпе Цезарь Самойлович (1904–1941) — критик, литературовед. Работал в редакциях журналов. Погиб во время блокады Ленинграда на Ладожском озере.

Воронин Владимир Иванович (1890–1952) — капитан сов. ледокольного флота. Участник спасения экспедиции У. Нобеле. Капитан «Сибирякова», «Челюскина», ледоколов «Ермак» и «Георгий Седов», на котором И. С. Соколов-Микитов, как член экспедиции, плавал по Берингову морю, был на Земле Франца Иосифа, на Новой Земле.

Всеволод Иванов, Вс. Вячеславович (1895–1963) — писатель.

Галичий Николай Павлович (Н. Жуковский) — писатель.

Геня — см. Федоров Евгений Евграфович.

Герман Юрий Павлович (1910–1967) — писатель-прозаик, сценарист.

Григорий Павлович, Гриша Гр. — см. Гроденский Г. П.

Григорьев Николай Федорович (1896–1985) — писатель. В 1956–1957 гг. — ответственный секретарь, с 1957 г. редактор журнала «Костер».

Гроденский Григорий Павлович (1905–1978) — педагог-биолог, позже — редактор в Детгизе, друг семьи Бианки.

Груздев Илья Александрович (1892–1960) — прозаик, драматург, литературовед, критик.

Груздева Татьяна Кирилловна — жена писателя Груздева И. А.

Грюнберг Нина Алексеевна (1895–1978), во время войны была начальником лагеря Литфонда, по профессии — переводчик, преподавала в Ленинградском институте восточных языков.

Далецкий Павел Леонидович (1903–1963) — писатель.

Данилевский Александр Сергеевич — энтомолог, профессор ЛГУ, зав. кафедрой, декан.

Данько Елена Яковлевна (1898–1942) — прозаик, драматург, детский писатель, искусствовед. Погибла в блокаду Ленинграда.

Древицкий Константин Игнатьевич (?–?) — финансовый работник в Детгизе.

Евграф — см. Федоров Евграф Евграфович.

Елена Александровна Ромейко — давняя приятельница В. Бианки.

Екатерина Ивановна, т. Катя, ТК. — см. Бианки Е. И.

Елагин Владимир Дмитриевич, Володя — редактор журнала «Дружные ребята». В 50-х годах В. Д. Елагин — редактор журнала «Юный натуралист», в котором активно участвовал В. Бианки.

Елизавета Ивановна, т. Лиза – сестра Е. И. Бианки (Поповой), теща писателя Кесаря Ванина, была с дочерью и внуками во время войны эвакуирована в Молотовскую область.

Женя – см. Шварц Е. Л.

Зворыкин Николай Анатольевич (1873–1937) – происходил из стародворянского рода. Известен как автор книг и статей по охоте. Друг И. С. Соколова-Микитова и С. А. Бутурлина.

Зощенко Михаил Михайлович (1895–1958) – известный писатель-сатирик.

Зоя Александровна – см. Никитина З. А.

Иван Сергеевич, Ив. Серг. – см. Соколов-Микитов И. С.

Иванченко Николай Степанович (1921–1952) – начинающий писатель из Нижнего Тагила, был знаком с В. Б. по переписке. Позже жил в Ленинграде.

Илья А., И. Гр .– см. Груздев И. А.

Инотар (1931) – сын К. Т. и Н. Н. Ваниных.

Катя – см. Муравина К.

Каплан А. Л. – жительница Боровичей.

Кесарь – см. Ванин К. Т.

Кирилл – см. Мартынов К. Б.

Клементьев Михаил Клементьевич – колхозник из д. Сивцево Мошенского района.

Клюжева Надежда Николаевна (1898–1985) – сестра В. Н. Бианки, врач, всю блокаду работала в госпитале. В 1945 г. награждена орденом Красной Звезды.

Князев Филипп Степанович (1902–1941) – прозаик, редактор журнала «Литературный современник».

Кобелев Василий Алексеевич – художник-график. В 1939 г. иллюстрировал «Маленькие рассказы» В. Б.

Колесень – руководящий работник Лендетиздата.

Колька,. Барон – см. Сладков Н. И.

Кольцова Александра Ефимовна (1890–1972) – род. в Новгородской обл. С 17 лет с семьей Бианки, няня, домработница.

Конашевич Владимир Михайлович (1888–1963) – художник, иллюстратор многих книг для детей.

Костя – см. Сельденков К.

Коська – см. Лебедев К.

Котошка – см. Котон А. М.

Котон Анатолий Михайлович – руководитель кружков юннатов при Зоомузее и Пединституте им. Покровского.

Кратт Иван Федорович (1899–1950) – писал пьесы и прозу. В блокаду был в Ленинграде.

Круглов Иван Яковлевич (1913–1988) – сын хозяина дома в д. Михеево, где жили Бианки. Его жена Шура (Александра Ник.)

Кукс Миней Ильич (1902–1978) – художник-иллюстратор. Муж А. Н. Якобсон.

Курдов Валентин Иванович (1905–1989) – художник-график, один из друзей художников В. Б. и постоянных его иллюстраторов.

Лавренев Борис Андреевич (1891–1959) – писатель.

Левитте (Левитэ) Вячеслав Давидович – случайный знакомый В. Б., приехавший из Ленинграда взять своих детей из детдома.

Леокадия Игнатьевна – жена А. Г. Бармина.

Лесохин Николай Григорьевич – редактор «Глобуса» в Ленинграде в 1941 г.

Лидия Анатольевна – *см.* Будогоская Л. А.

Лидия Ивановна (1900–1975) – жена И. С. Соколова-Микитова.

Лидия Львовна (1899–1988) – педагог, вдова старшего брата В. Б. – Льва Валентиновича Бианки.

Малыга, Валюша – *см.* Бианки Валентин Витальевич.

Марина, Маришка (1939) – дочь К. Т. и Н. Н. Ваниных.

Мариша Ворслова – домработница Груздевых, была вывезена В. Б. из блокадного Ленинграда.

Мария Оскаровна и Нюта – жена и дочь С. И. Фрейберга.

Мария Федоровна – соседка по квартире Свиньиных.

Мартынов Кирилл Борисович (1918?–1974?) – штурман дальнего плавания во время войны.

Мартынова Муся – Мария Борисовна Мартынова (Воробьева с 1923), школьная подруга дочери В. Бианки, филолог ЛГУ.

Маршак Самуил Яковлевич (1897–1964) – поэт, переводчик, занимался детской литературой.

Медведева – председатель Яковищенского с/совета (из эвакуированных).

Меркульева Ксения Алексеевна (1899) – прозаик, детский писатель. В 1926–1930 гг. – сотрудница газеты «Ленинские искры». В 1945–1947 гг. редактор детского вещания Ленинградского Радиокомитета.

Меркульиха – *см.* Меркульева К. А.

Мирзон – сотрудник Лендетиздата.

Мирошниченко Григорий Ильич (1860–1939) – писатель, журналист, редактор.

Митрофанов Василий Алексеевич – охотник, друг И. С. Соколова-Микитова, спутник охот Н. А. Зворыкина.

Михайлов Виктор Николаевич (1926–2002) – сотрудник Боровичского музея, воспитанник С. Н. Поршнякова.

Моральский – сотрудник Публичной библиотеки.

Сладков Николай Иванович (1920–1996) — во время войны в действующей армии, топограф, бывший член юннатского кружка при ЗИНе, писатель, лауреат Гос. премии РСФСР им. Крупской. Литературный ученик В. Бианки. «Ты — мой наследник. Ты будешь продолжать в жизни дело, которое делал я: средствами словесного искусства призывать людей (равнодушных) стучаться в природы замкнутую дверь», — из письма к Н. Сладкову.

Слонимский Михаил Леонидович (1897–1972) — писатель, член правления СП СССР. Награжден орденами Трудового и Красного Знамени.

Смирнов — милиционер в Мошенском, с ноября 1941 г. — на военной службе.

Соколов-Микитов Иван Сергеевич (1892–1975) — писатель, друг В. Бианки, живший с семьей летом поблизости от В. Бианки в рекомендованных им деревнях Тумашево и Морозово. После первого года войны эвакуировались вместе в Молотов (Пермь). Жена — Лидия Ивановна, младшая дочь — Аленушка (Елена).

Соколова Елена Ивановна (1925–1951) — дочь писателя И. С. Соколова-Микитова.

Степан Чистяков — муж Дуни (Евдокии), сестры Сашеньки (А. Е. Кольцовой). Жили в д. Яковищи, в 3-х км от Михеева.

Т., Талюха, Талюша — см. Бианки Виталий Витальевич.

Т., Толя, Анатолий — см. Бианки А. В.

Т. К., тетя Катя — см. Бианки Е. И.

Тетя Груша, Т. Г. — тетя А. Е. Кольцовой (Сашеньки), жила с семьей Бианки с 1932 г. — года рождения младшего сына Валентина Бианки.

Толстой Алексей Николаевич (1882–1945) — писатель.

Толстая Лидия Ильинична, урожд. Крестинская (1906–1982) — давняя знакомая В. Бианки, ставшая позже женой А. Н. Толстого.

Томский Сергей Сергеевич (1886–1941) — драматург, умер в блокаду.

Торжанина — руководитель детского лагеря Литфонда во время войны.

Тырса Николай Андреевич (1887–1942) — график и живописец, один из лучших иллюстраторов детских книг В. Бианки.

Фадеев Александр Александрович (1901–1956) — писатель, в 1946–1954 гг. — ген. секретарь СП СССР.

Феденька — старик, живший во время войны в д. Морозово.

Федин Константин Александрович (1892–1977) — писатель, лауреат Гос. премии СССР в 1949 г., Герой Соц. Труда (1967). Первый секретарь Правления СП СССР (1959–1971), председатель Правления СП СССР с 1971 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Издание выпущено при поддержке Комитета по печати и взаимодействию со средствами массовой информации Санкт-Петербурга

Виталий Валентинович Бианки
ЛИХОЛЕТЬЕ
Дневники, воспоминания, письма

Главный редактор *С. В. Цветков*
Составитель *Е. В. Бианки*
Компьютерный набор *Л. Э. Бриккер*
Редактор *М. В. Гоппе*
Дизайн *Н. С. Тауберт*
Компьютерная верстка *Т. А. Юшковой*
Выпускающий редактор *М. И. Лысова*

Сдано в печать 12.04.2005. Формат 70x100 $^{1}/_{32}$
Печать офсетная. Офсетная бумага
Гарнитура PetersburgC. Усл. печ. л. 7,74
Уч.-изд. л. 10,1
Тираж 1000 экз. Заказ № 32

Издательство
«Русско-Балтийский информационный центр “БЛИЦ”»
191024, Санкт-Петербург, Полтавская ул., д. 14
Тел.: (812) 277–43–55
e-mail: blitz@blitz.spb.ru
www.blitz.spb.ru

Отпечатано в типографии ООО «БЕРЕСТА»
196006, Санкт-Петербург, ул. Коли Томчака, д. 28, тел./факс 388 -9000

Эпиграфом к данной книге могла бы служить цитата из записной книжки Виталия Бианки: «В прожитой жизни идут в счет лишь напряженные, волнующие мгновения, вот почему единственно в них и через них поддается она верному описанию».

Один из таких сложных периодов отражен в этой книге, впервые собравшей воедино дневниковые записи и переписку В. В. Бианки с родственниками, друзьями, знакомыми в период с 22 июня 1941 по 21 мая 1942 гг. В письмах достоверно показаны настроения, быт и лишения военного времени глазами разных людей: А.А. Ахматовой, Ю.А. Васнецова, Ю.П. Германа, М.М. Зощенко, С.Я. Маршака и других деятелей культуры, а также родственников, друзей и знакомых писателя.

Ценность дневниковых записей В. Бианки определяется не только талантом автора, показывающим реальное лицо войны и ужасы блокады, но и тем, что они миновали военную цензуру.

ISBN 586789158-5
9 785867 891589 >